

Русская речь

Научно-популярный журнал

Института русского языка Академии наук СССР

Основан в 1967 году. Выходит 6 раз в год

Издательство «Наука». Москва

№ 5, 1977, сентябрь — октябрь

В номере:

1917—1977

И. Ф. Протченко. Содружество равноправных языков народов СССР 3

ГЕРОИНКА РЕВОЛЮЦИИ

Гимн Союза Советских Социалистических Республик 15

Интервью с артистами театра имени Моссовета
Ю. А. Кузьменковым, Р. Я. Пляттом 16

Советские поэты о Великом Октябре 32, 39, 48, 58, 71,
75, 80, 91, 98, 101, 121, 122

И. М. Подгаецкая. «...Зажжен над миром — Серп
и Молот!» 21

К. М. Мусаев. Великий Октябрь и письменность
народов СССР 26

С. И. Виноградов. Съезд 33

В. Н. Сергеев. Читая Луначарского 40

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

С. Р. Сахарова. Гайдар правит 49

В. В. Петровский. О ключевых словах в художе-
ственной прозе 54

КУЛЬТУРА РЕЧИ. ГРАММАТИКА

А. А. Брагина. Учить ли «езде в поэзию»? 59

Е. Ф. Петрищева. Диалог 65

В. Г. Костомаров. Серпантин и серпентина 72

В. А. Горпинич. Сухиничи — сухиничский 76

Т. С. Коготкова. Поезд и состав 81

ЯЗЫК ГАЗЕТЫ

Р. П. Рогожникова. Об одном из самых употре-
бительных сочетаний 86

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

- Йозеф Скацел. Русский язык в Чехословакии 92
Владимир Грубеш. «Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин» 99
-

ПО КАРТЕ РОДИНЫ

- А. В. Барандеев. Новые названия на карте СССР 102
Г. Н. Несина, Э. С. Сергеевко. Названия одного русского села 107
-

ШКОЛА

- О. И. Фoniaкова. Речевой портрет в пьесе «Любовь Яровая» Тренева 112
А. И. Кузьмин. «Василий Теркин» 123
-

НАШИ КОНСУЛЬТАЦИИ

- С. П. Лопушанская. Мышление и мышление 128
-

СТАРАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

- Ф. И. Сетин. Обучение родному языку в Древней Руси 131
-

СРЕДИ КНИГ

- Е. А. Василевская. Ю. С. Воронов. «Стиль деловой речи В. И. Ленина» 140
-

- В. А. Никонов. Из Словаря русских фамилий (продолжение) 143
-

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

- Баклуши бывают разные; О видовых парах глаголов; Упряжка и уповод; Шелоник; Застолье; Целовальник 145
-

На обложке: рисунок Ю. Космынина

*При перепечатке
ссылка на журнал «Русская речь»
обязательна*

Содружество равноправных языков народов СССР: их развитие и преподавание

Советские люди встречают 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции замечательными успехами во всех областях материальной и культурной жизни, в обстановке политического и трудового подъема, вызванного историческими решениями XXV съезда КПСС. В канун юбилея Октября наш народ готовится к важному событию в политической истории страны — к принятию новой Конституции СССР, документа, за каждой строкой которого стоят замечательные победы социализма. За шесть десятилетий Страна Советов прошла героический путь от образования первого в мире социалистического государства до построения общества развитого социализма, общества подлинной свободы и братства всех населяющих СССР наций и народностей. В нашей стране последовательно реализуются ленинские принципы национальной политики, обеспечивающие великое содружество равноправных народов и языков.

В Постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции» сказано:

«Крепки и монолитны братская дружба и единство всех наций и народностей, составляющих великий и могучий Со-

юз Советских Социалистических Республик. Его образование и успешное развитие являются триумфом ленинской национальной политики КПСС, ярким свидетельством ее подлинно интернационалистского характера, великим завоеванием социализма... Обеспечено фактическое равенство всех наций и народностей во всех сферах жизни общества, расцвела культура — национальная по форме и социалистическая по содержанию, утвердилось подлинное братство людей труда, независимо от их национальности, братство, спаянное общностью коренных интересов, целей и марксистско-ленинской идеологии».

Советский Союз в год своего шестидесятилетия предстанет перед миром как великое многонациональное государство, в котором живет, трудится, успешно строит коммунизм дружная, монолитная семья, насчитывающая около 130 наций и народностей. За годы Советской власти в нашей стране на прочной, нерушимой основе сложилась невиданная ранее историческая общность — советский народ, что придает новые черты социальному облику советского общества. В становлении и укреплении этой новой исторической общности — советского народа большую роль сыграл ранее и продолжает играть в наши дни великий русский язык. Для всех наций и народностей русский язык стал в нашей стране языком межнационального общения и сотрудничества; он выполняет жизненно важную функцию в процессе развития социалистического государства как средство единения, взаимосвязи и сплочения советских людей. Это единение зиждется на нерушимой основе — экономической, политической и духовной общности народов, строящих коммунизм.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев следующими словами охарактеризовал значение русского языка: «Быстрый рост межнациональных связей и сотрудничества ведет к повышению значения русского языка, который стал языком взаимного общения всех наций и народностей Советского Союза. И всех нас, товарищи, конечно, радует, что русский язык стал одним из общепризнанных мировых языков!» (Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик).

Все нации и народности Советского Союза добровольно избрали русский язык в качестве средства межнационального общения. Выбор именно русского языка на эту роль

подготовлен логикой всего предшествующего общественно-исторического и культурного развития нашей страны. Исследования многих ученых (историков, лингвистов, литературоведов, археологов и др.) показывают, что культура нашей Родины и русский язык издревле играют существенную роль в мировой культуре. Интерес к русскому языку возрастал по мере развития русской культуры и науки, по мере того, как повышался международный авторитет нашей страны. Особенно высокого уровня этот процесс достиг в XIX и XX веках, что неразрывно связано с подъемом революционного движения в России.

К. Маркс и Ф. Энгельс именно на рубеже этих веков дали высокую оценку роли русского языка и созданных на нем выдающихся произведений художественной литературы. Так, Ф. Энгельс еще в прошлом столетии писал: «Знание русского языка, — языка, который всемерно заслуживает изучения и сам по себе, как один из самых сильных и самых богатых из живых языков, и ради раскрываемой им литературы, — теперь уж не такая редкость...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 18, с. 526). В. И. Ленин в статье «Нужен ли обязательный государственный язык?» характеризовал русский язык как средство распространения революционных идей, богатств русской и мировой культуры. Он считал, что этот язык обогатит литературу других народов и «даст им возможность приобщиться к великим культурным ценностям...».

Русский язык служил средством общения народов и в дореволюционной России; прогрессивные деятели национальных районов, несмотря на гнет и притеснения в условиях царского самодержавия, призывали своих сограждан изучать русский, так как глубоко понимали жизненную потребность в его знании. Достаточно вспомнить в этой связи имена таких крупнейших представителей национальной культуры и науки прошлого — ученых, мыслителей, педагогов, писателей, поэтов, просветителей-демократов, как М. Ф. Ахундов в Азербайджане, И. Чавчавадзе, Я. Гегебашвили в Грузии, М. Налбандян в Армении, А. Кунанбаев в Казахстане, Дониш, Муками, Кемине, Молланепес, Токтогул Сатылганов в Туркестане, Т. Шевченко, И. Франко на Украине, Я. Лучина в Белоруссии, М. Эминеску в Молдавии, Я. Райнис в Латвии, Ю. Жемайте в Литве, Ф. Крейцвальд в Эстонии, З. Фуркат в Узбекистане, Г. Тукай в Татарстане — и многих других деятелей культуры,

высоко оценивавших роль русского языка и призывавших свои народы к его изучению.

Однако раньше эта вполне естественная потребность в изучении русского языка тормозилась реакционной национальной политикой царизма; общий низкий культурный уровень, неграмотность среди населения национальных районов препятствовали овладению русским языком и росту его значения в жизни народов дореволюционной России.

Взаимодействие языков до революции в силу социальных причин носило узкоместный и стихийный характер; в различных районах страны наблюдалось столкновение влияний разных языков и разных культур (так, в Средней Азии и на Кавказе наряду с влиянием прогрессивной русской культуры и русского языка имело место воздействие арабского и персидского языков, в Прибалтике — немецкого и т. п.). Процессы взаимовлияния языков ограничивались преимущественно сферой устной речи, ибо подавляющее большинство языков страны были бесписьменными, а среди народных масс царила сплошная неграмотность. Даже на такой обширной и многонаселенной территории, как Украина, до революции не было ни одной школы на украинском языке, неграмотным было 75 процентов населения (а среди женщин — 90). Вполне понятно, что в условиях царской России процессы взаимовлияния и взаимообогащения языков проявлялись в слабой степени и не могли иметь серьезного общественного значения.

С победой Октября наступили коренные изменения. В соответствии с ленинской национальной политикой были приняты срочные меры по исследованию всех языков народов СССР, по созданию письменности, подготовке национальных кадров и организации школ на родных языках, составлению программ, пособий и т. д. Эти мероприятия способствовали развитию национальных языков, расширению выполняемых ими общественных функций, повышению их роли в жизни народов, а также содействовали постоянному обогащению и росту культур социалистических наций и народностей.

В наши дни в союзных советских социалистических республиках наблюдается расширение функций, выполняемых национальными литературными языками; одновременно с этим растет число лиц, которые наряду с исконным, родным языком овладели русским. Для рабочих, кол-

хозников, служащих, интеллигенции в национальных районах идеалом в изучении языков стало стремление к двуязычию, при котором в качестве второго языка выступает именно русский. Часто русский язык признается родным значительной частью нерусского населения страны. Об этом говорят следующие факты: во время переписи населения 1959 года русский язык назвали родным, кроме русских, более 10 миллионов человек других национальностей, а при последующей переписи в 1970 году — 13 миллионов.

Эти данные свидетельствуют о повышении значения русского языка в жизни народов СССР и в развитии их языков. Из русского или через его посредство в языки наций и народностей нашей страны заимствуется большое количество выражений, устойчивых словосочетаний, фразеологизмов, а также много слов из области интернациональной общественно-политической, научной и технической терминологии. С помощью русского языка осуществляется межнациональный обмен опытом, культурными ценностями внутри страны, происходит приобщение отдельных наций и народностей к культурным достижениям всех других народов СССР и к мировой культуре.

Но было бы большой ошибкой считать, что отношения русского с языками других народов носят односторонний характер. Оказывая большое влияние на языки многих народов, русский и сам подвергался ранее и подвергается в наши дни воздействию других языков, особенно в сфере

словарного состава и фразеологии. Контакты, интенсивные связи способствовали вхождению в русский многих заимствований из самых различных языков. Тем самым надо особо отметить важную особенность языковой жизни в Советском Союзе: возрастание роли русского языка ни в коей мере не означает принижения или умаления роли других языков, потому что «в условиях братской дружбы и взаимного доверия народов национальные языки развиваются на основе равноправия и взаимообогащения» (Программа Коммунистической партии Советского Союза).

За 60-летний период существования советского общества произошли поистине колоссальные изменения в развитии и изучении многочисленных языков народов СССР, в расширении их функций. Имеются большие достижения в исследовании младописьменных языков, в области языкового строительства. Красноречивым и убедительным подтверждением наших успехов является тот факт, что общественные функции национальных языков, как младописьменных, так и старописьменных, значительно расширились.

В Советскую эпоху около 50 ранее бесписьменных народов впервые получили национальную письменность. Для них разработаны алфавиты и терминологические системы, составлены орфографические правила, подготовлены словари и различные справочники. В короткие сроки была решена задача подготовки учителей, выпуска учебников и учебных пособий, создания сети начальных и средних школ, средних специальных, а затем и высших учебных заведений.

В настоящее время, в период развитого социализма, мы вправе отметить замечательный вклад в дело культурного строительства, который внесен системой народного образования нашей страны. Учебные занятия в школах ведутся сейчас на 45 языках народов СССР. В национальных республиках накоплен интересный опыт работы смешанных школ, где преподавание ведется на двух-трех языках. Это дает положительные результаты не только в собственно языковой подготовке, но и в воспитании детей в духе интернационализма и дружбы народов.

В соответствии с Программой КПСС обеспечивается свободное развитие языков народов СССР, полная свобода «для каждого гражданина СССР говорить, воспитывать и обучать своих детей на любом языке, не допуская ника-

ких привилегий, ограничений или принуждений в употреблении тех или иных языков».

Руководствуясь этими принципами, Верховный Совет СССР утвердил и ввел в действие с 1 января 1974 года «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании» (Закон от 19 июля 1973 года). В этом документе право на образование обеспечивается «обучением в школах на родном языке»; одним из принципов народного образования в стране указана «свобода выбора языка обучения: обучение на родном языке или на языке другого народа СССР». Статья 20-я гласит: «Учащимся общеобразовательной школы предоставляется возможность обучаться на родном языке или языке другого народа СССР. Родители или лица, их заменяющие, имеют право выбирать для детей по желанию школу с соответствующим языком обучения. Кроме языка, на котором ведется преподавание, учащиеся по желанию могут изучать язык другого народа СССР». В необходимых случаях дается право организовывать подготовительные классы, особенно «в целях подготовки к школе детей, которые будут обучаться на неродном языке».

Советская многонациональная школа играет огромную роль в обучении учащихся родному языку и в приобщении разпоязычного молодого поколения к богатствам русского языка. Несомненный интерес представляют следующие вопросы, на которых целесообразно (хотя бы кратко) остановиться в дальнейшем изложении:

Каков порядок изучения родного и русского языков в школе в настоящее время?

Каково состояние изучения русского языка и какие принимаются меры по улучшению постановки его преподавания?

Вопрос о языке обучения и порядке изучения родного языка как школьного предмета решается по-разному (с учетом специфических условий различных национальных районов, особенностей местного характера). В начальной школе, то есть в ранние годы, когда закладываются основы дальнейших успехов, особенно необходима хорошо продуманная, тщательная организация изучения языка.

В последние годы все более широко практикуется изучение языка с первого класса. «На эту систему перешли

теперь в девяти союзных республиках. Следует подумать о целесообразности введения этого порядка и в других союзных республиках», — отмечал министр просвещения СССР М. А. Прокофьев на научно-практической конференции в Ташкенте (см. в книге: «Русский язык — язык межнационального общения народов СССР». М., «Просвещение», 1976, с. 34). Об изучении русского языка в средних и старших классах в этой книге приводятся следующие характерные сведения: «По данным 1974/75 учебного года, из 43,1 млн. учащихся нашей страны 27,7 млн., или 64,3%, обучалось в дневных школах на русском языке и 15,4 млн. — на других языках народов СССР. В РСФСР 96% всех школьников училось на русском языке. В других республиках эти показатели разные — от 68% в Казахской ССР до 8,4% в Армянской ССР. Столь резкие различия связаны с национальным составом населения и рядом других факторов, влияющих на организацию обучения русскому языку» (там же, с. 35).

Общепризнано, что важнейшим условием хорошей постановки обучения русскому языку является обеспеченность школ квалифицированными кадрами учителей. В нашей стране организована широкая подготовка специалистов по русскому языку. Основная масса учителей начальных классов — это выпускники педагогических училищ, в которых созданы благоприятные условия для хорошего овладения русским языком. Так, в целях повышения уровня их подготовки по русскому языку в последнее время принят ряд мер: пересмотрены учебные планы школьных педагогических училищ; увеличено количество часов на изучение русского языка; введены выпускные испытания по этому предмету. Некоторая часть учителей начальных классов имеет высшее педагогическое образование; в педагогических же институтах, как известно, на изучение русского языка отводится довольно большое время.

Подготовка преподавателей русского языка в настоящее время ведется более чем в 200 вузах страны (в 167 педагогических институтах и в 58 университетах). Однако еще не всюду удовлетворяется потребность в учителях русского языка и русской литературы, так как их потребность больше фактического приема в педагогические вузы (особенно не хватает учителей по этой специальности в Узбекской, Грузинской, Таджикской и Туркменской союзных республиках). Известную помощь в подготовке национальных

Буквари для национальных школ

кадров (учителей русского языка и русской литературы) осуществляют педагогические институты России, Украины и Белоруссии путем внеконкурсного приема студентов из союзных республик. Помощь работающим учителям оказывается через институты усовершенствования, а также путем их привлечения на заочное и вечернее обучение в педагогические институты.

Большая работа проведена по совершенствованию учебников, учебных пособий, по внедрению технических средств обучения. Опубликовано более ста новых учебников. Как правило, новые программы и учебники в лингвистическом и методическом отношении превосходят ранее созданные; это позволило перейти на обновленное содержание обучения русскому языку и усовершенствовать учебный процесс. Хотя многое еще недоделано и предстоит дальнейшая работа, все же в целом сделан заметный шаг

вперед в решении образовательных и воспитательных задач.

В разрешении проблем языкового строительства, в невиданном подъеме культуры и народного просвещения немалую роль сыграли достижения советских ученых, представителей различных национальностей, которые внесли большой вклад в исследование младописьменных и старописьменных языков народов СССР. Научная работа в данной области постоянно развивалась и совершенствовалась как в центре, так и на периферии. В ранний период (20—30-е годы), когда создавалась письменность для бесписьменных народов, важное место занимала разработка алфавитов, орфографии, терминологии. Работа проводилась весьма интенсивно и в широких масштабах. Создание алфавитов, например, сопровождалось всесторонним анализом их с лингвистической, психологической, педагогической и полиграфической точек зрения. Для этого при Всесоюзном центральном комитете нового алфавита были созданы специальные комиссии и лаборатории. Комитет установил тесные и постоянные связи с каждой национальной республикой, автономной областью, вел совместную работу с местными комитетами нового алфавита; проводились широкие обсуждения научно-практических вопросов на всесоюзных, республиканских и областных конференциях и совещаниях.

В первые годы Советской власти в союзных республиках были организованы комплексные научно-исследовательские институты по изучению языка, литературы, истории, культуры, экономики и природных богатств республик. В дальнейшем, с ростом науки и национальных кадров, на их базе появились филиалы АН СССР, а еще позднее — академии наук союзных республик. Учебные и научно-исследовательские институты, университеты созданы не только в союзных республиках, но также в автономных республиках и областях. В 18 автономных республиках и 10 автономных областях организованы научно-исследовательские институты гуманитарного профиля, в которых налажено исследование национальных языков местных народов.

Вскоре после революции для учащихся всех младописьменных народов написаны школьные грамматики, основанные на богатом фактическом материале этих языков, впервые вовлеченном в научный оборот советскими лингвистами. В последующие годы изданы крупные монографии и

научные грамматики различных типов по языкам народов СССР. Широкий размах получила лексикографическая работа, в результате чего появились в большом количестве русско-национальные и национально-русские словари.

Расширились рамки научно-исследовательской работы. В составе Академии педагогических наук РСФСР в 1949 году создан Научно-исследовательский институт национальных школ (с 1968 года этот институт стал научным учреждением системы Министерства просвещения РСФСР; директор института — Р. К. Черников). В задачу института входит прежде всего разработка содержания и методов обучения русскому, родным языкам и литературам в национальных школах, а также исследование общепедагогических вопросов состояния и развития национальной школы в масштабах многонациональной Российской Федерации. В настоящее время НИИ национальных школ представляет собой крупный научно-методический центр РСФСР.

Кроме того, разработкой проблем содержания и методов обучения русскому языку и литературе в национальных республиках занимаются ученые-филологи и методисты соответствующих отделов и секторов в научно-исследовательских институтах педагогических наук каждой республики, а также на многочисленных кафедрах высших учебных заведений, специалисты республиканских и городских институтов усовершенствования учителей.

В конце 1969 года в Академии педагогических наук СССР был организован Научно-исследовательский институт преподавания русского языка в национальной школе (директор института — Н. М. Шанский). Это ведущее научное учреждение в области исследования проблем методики обучения русскому языку, дальнейшего совершенствования содержания и методов преподавания русского языка и литературы, подготовки научных кадров. Институт проводит совместные исследования при участии ученых, методистов и передовых учителей национальных республик, привлекает специалистов из Академии наук СССР и других учреждений.

В языковедческих институтах Академии наук СССР в последние годы усилилось внимание к изучению вопросов преподавания, функционирования и распространения русского языка в национальных республиках и областях. В Институте языкознания АН СССР создан сектор социолингвистики (зав. сектором — Ю. Д. Дешериев); в Институте русского языка АН СССР — группа по изучению преподава-

ния русского языка в национальной школе (руководитель группы — В. В. Иванов), перед которой поставлена задача выработать научно обоснованные предложения по улучшению педагогической работы (см. подробнее об этом в статьях: Ф. П. Филин. Изучение русского языка на современном этапе. — «Русская речь», 1976, № 1; В. В. Иванов. Об изучении русского языка как средства межнационального общения. — «Русская речь», 1976, № 5). Кроме того, общими вопросами методики обучения русскому языку в школе занимаются специальные секторы в Институте содержания и методов обучения Академии педагогических наук СССР (зав. сектором — М. М. Разумовская) и в Институте школ Министерства просвещения РСФСР (зав. сектором — В. В. Бабайцева).

Расширились возможности публикаций в области преподавания русского языка. Наряду с давно существующим (с 1914 года) журналом «Русский язык в школе», с 1957 года стал выходить всесоюзный научно-методический журнал Академии педагогических наук СССР «Русский язык в национальной школе». Он рассчитан на учителей-русистов; преподающих в национальной школе; на страницах журнала публикуются статьи ученых, методистов, авторов учебников, учителей по широкому кругу вопросов методики преподавания, анализа и обобщения передового учительского опыта и мн. др. Кроме того, журнал имеет разделы «Языкознание», «Лингвистические заметки», где помещаются научно-теоретические статьи; печатаются также статьи и о преподавании русской литературы в национальной школе, так как два предмета школьного цикла — русский язык и русская литература тесно связаны между собой.

Все изложенное свидетельствует о больших успехах, достигнутых за годы Советской власти в области развития русского и других национальных языков, в постановке их преподавания в многонациональной советской школе. Эти успехи явились результатом претворения в жизнь ленинских принципов национально-языкового строительства в условиях самого передового общественного строя в нашей стране.

Член-корреспондент АПН СССР
И. Ф. ПРОТЧЕНКО

ГИМН СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Текст С. МИХАЛКОВА
и Г. ЭЛЬ-РЕГИСТАНА

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов
Единый, могучий Советский Союз!

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надежный оплот!
Партия Ленина — сила народная
Нас к торжеству коммунизма ведет!

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил:
На правое дело он поднял народы,
На труд и на подвиги нас вдохновил!

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надежный оплот!
Партия Ленина — сила народная
Нас к торжеству коммунизма ведет!

В победе бессмертных идей коммунизма
Мы видим грядущее нашей страны,
И Красному знамени славной Отчизны
Мы будем всегда беззаветно верны!

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надежный оплот!
Партия Ленина — сила народная
Нас к торжеству коммунизма ведет!

Советская драматургия начала создаваться в самом начале революции, в период гражданской войны.

«Шторм» В. Билль-Белоцерковского — одна из первых пьес (1924), широко отразивших героико-революционную гражданскую войну. Автор «Шторма» показал советского человека — патриота социалистической родины во всей полноте его благородного духовного и морального облика. Дыханием подлинной революционной борьбы веяло от этого произведения, сразу же после своего появления на сцене завоевавшего горячую любовь советского зрителя. Эта пьеса

наряду с «Любовью Яровой» (1926) К. Тренева и «Разломом» (1927) Б. Лавренева стала классикой советской драматургии.

В 1925 году пьеса «Шторм» появилась на сцене театра МГСПС, ныне Государственного ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени Академического театра им. Моссовета, и до сегодняшнего дня она в репертуаре театра. В ней центральное место занимают типические, правдивые образы большевиков — Председателя Укома, матроса Виленчука и Раевича. Глубокое духовное единство, преданность делу партии и

ГЕРОИКА РЕВОЛЮЦИИ

Ю. А. Кузьменков в роли «Братишки»

1. В центре спектакля яркий образ Председателя Укома — закаленного большевика, а рядом с ним его верный соратник — матрос Виленчук или, как его ласково называют, «Братишка».

Матрос Виленчук — инвалид, у него нет ноги, и он не может сражаться на передовой, но всецело предан революции и рвется в бой. Ему поручают охранять Председателя Укома — это его партийное задание, которое он выполняет самоотверженно, с полной отдачей сил.

Уком партии, в котором происходит основное действие пьесы, — как бы командирский мостик боевого корабля в час грозного шторма, а революционный боец, матрос Виленчук — первый и надежный помощник командира, Председателя Укома.

«Братишка» — образ глубоко народный, и речь его очень образна. Слово его метко разит своей убийственной

революционному долгу роднит этих людей.

Редакция журнала обратилась к актерам, занятым в спектакле «Шторм», лауреату премии имени А. Довженко Юрию Александровичу Кузьменкову (матрос Виленчук) и Народному артисту СССР Ростиславу Яновичу Плятту (большевик-интеллигент Раевич) с просьбой ответить на вопросы:

1. Какие творческие задачи были поставлены перед вами в спектакле «Шторм»?

2. Какие речевые средства писателя вы использовали при работе над ролью?

иронией тех, в ком он своим безошибочным классовым чутьем угадывает притаившегося врага. Так, в момент, когда на заседании Укома решается вопрос о борьбе с сыпным тифом, и «Братишка» слышит холодно бюрократическую речь завздрава Загорецкого, вся кровь вскипает в нем, и он бросает в лицо Загорецкому слова, исполненные гнева и уничтожающего сарказма: «Когда шторм надвигается, то заранее снасти крепят!».

Большая дружба связывает между собой Председателя Укома и «Братишку». Именно в их взаимоотношениях с наибольшей полнотой раскрываются замечательные качества матроса Виленчука:

глубокая принципиальность, высокая человечность, чуткость к друзьям и непримиримая ненависть к врагам. Матрос обращается с очень простыми, но в то же время грозными словами к тем, кто свои маленькие личные интересы ставит выше интересов революции. Например, он говорит Загорецкому: «Смерть свистит по городу, а он? На извозчиках раскатывается, за галстук медицинского спирту закладывает, сам по кривой ходит!».

Человеческие качества «Братишки» проявляются в его бережном отношении к Председателю Укома, он ходит за ним, как нянька.

Фигура матроса очень активная, он полон веры в победу революции не только у себя на родине, но и во всем мире. Он всегда готов выполнить свой долг до конца и рвется в кровавый бой с белогвардейской бандой, с гордостью замечая: «Да я не пешком, я на тачанке, *барин* поеду». Во время этого налета банды погибает Председатель Укома, и матрос, склоняясь над другом, с глубоким чувством внутреннего потрясения тихо говорит, обращаясь к нему: «Вставай, Вася, наша взяла!».

Мне как исполнителю этой роли хотелось в образе «Братишки» подчеркнуть его кристально чистую веру в окончательную победу революции.

2. Речь «Братишки» глубоко народна, и так как он матрос, то пересыпана чисто «морскими» словечками. Например, его реплика: «Стоп, машина. Кочегар лопнул», значит все прахом, конец. Или, имея в виду Раевича, он говорит: «Таких бы нам интеллигентов побольше... И на теории и на практике *не сдрейфит*». В его речи есть и неправильные формы слов: вместо *пойдем в ЧК*, он говорит: *в Чеку*; и вульгаризмы: *прет* (идет), *зыкни* (позови), *глушил беляков* (бил...), *в ухо залिमонил* (ударил), *чего ерепенишься* (возмущаешься) и т. д. Когда он стремится говорить интеллигентно с теми, кто ему не нравится, то вставляет в свою речь слова иностранного происхождения, которые он слышал на корабле от офицеров, конечно, искажая их. Например, *пардонт*, *мерси в боку*, *товарищ мадам* и т. д.

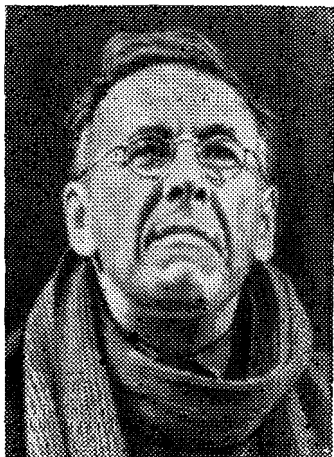
Юмор присущ «Братишке». По отношению к друзьям — это добрый юмор. Когда больной тифом Раевич просит о том, что если он умрет, то «не хоронить в могиле, а сжечь! Экономия места и труда, а еще лучше превратить мое тело в мыло!», матрос метко замечает: «А на мыле напишем: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“ Мыло из товари-

ща Раевича, партстаж — с 1898 года». На что Раевич отвечает: «Памятник полезный, но не долговечный». Матрос очень чуток к своим друзьям, понимая, что Раевич тяжело болен, он шуткой стремится поддержать его уходящие силы.

Я с большим удовольствием работал над речью «Братишки», так как она привлекает меня образностью и выразительностью.

Ю. А. КУЗЬМЕНКОВ

1. Мы пережили три «Шторма» в жизни нашего театра. Постановщиком первого спектакля в 1925 году был организатор театра Е. О. Любимов-Ланской. Я был участником двух последних постановок, но буду говорить о последнем спектакле, который наш театр подготовил к 50-летию юбилею Советской власти. Главный режиссер театра Юрий Александрович Завадский, постановщик «Шторма», очистил спектакль от всяких бытовых подробностей, от грима, костюмов. Это было несколько неожиданно. Я, помню, сопротивлялся, держась за свою бороду, без которой, казалось, мне будет неуютно, за свои точные приметы костюма. Все это осталось в спектакле в намеках, так как режиссеру хотелось собрать все внимание зрителей и актеров на жизни человеческого духа, на романтическом темпераменте спектакля, чтобы зрителя ничто не отвлекало, чтобы он весь был сосредоточен на нерве спектакля, а нерв спектакля, в частности, пафос роли Раевича — это беззаветная преданность делу революции.

Р. Я. Плятт в роли Раевича

Раевич в партии с 1898 года, был в эмиграции. Он беспощаден к врагам, смел и решителен в борьбе с ними. Передавая душевную чистоту и благородство Раевича, автор с глубокой симпатией, умело раскрывает своеобразную

характерность своего героя, утомленного, больного, но не поддающегося ни усталости, ни болезни, проникнутого юношеским энтузиазмом, полного горячей веры в торжество народа, руководимого Коммунистической партией. Можно вспомнить сцену субботника. Раевич приходит на него, хотя очень болен, товарищи стремятся его отправить домой, но он не уходит. Он говорит: «Дорогие товарищи! Ведь такой момент! Наш первый субботник! Ленин назвал его великим почином... Это фактическое начало коммунизма». Раевичи, люди типа Дзержинского, были подлинными рыцарями революции, безгранично верившими в окончательную победу коммунизма. Я, исполняя эту роль, стремился донести до зрителя их идеи, их пафос.

2. Драматург, стремясь прежде всего к выделению основного конфликта, к типизации двух основных борющихся сил, подчас отказывался от индивидуализации действующих лиц, их речи. Отсюда, например, широкое использование «массового» диалога без прикрепления реплик к тому или иному определенному персонажу. Пьеса передавала в стремительно сменяющихся драматических эпизодах сгущенную атмосферу «штормовых» лет, когда Советская республика боролась и с внешними врагами, и с внутренними. Билль-Белоцерковский ярко и точно воссоздал исторический колорит эпохи, и речь его персонажей опиралась на настоящую внутреннюю взволнованность.

Раевич — старый интеллигент и говорит, конечно, очень правильным литературным русским языком. По ходу действия в языковую ткань органично вплетается французская речь: Раевич читает по-французски белогвардейскую газету, отобранную у пленных офицеров-колкачовцев; или начинает петь по-французски «Марсельезу». Он образованный человек, прекрасно знает труды В. И. Ленина и к месту, например, цитирует его работу «Что делать?»: «Как сказал Ленин: „Мы шагаем под непрерывным огнем неприятеля“, а революция устоит. Это — история. Корни железные».

Я, как актер, стремился к тому, чтобы речь моего героя звучала внятно и убедительно, была острой и точной по мысли.

Р. Я. ПЛЯТТ

Интервью подготовила М. А. Галманова

Рисунки В. Толстоногова

СЕРП И МОЛОТ

Пусть гнал нас временный ущерб
В тьму, в стужу, в пораженья, в голод:
Нет, не случайно новый герб
Зажжен над миром — Серп и Молот!

Мы землю вновь вспоим трудом,
Меч вражий будет вновь расколот:
Недаром мы, блестя серпом,
Взметнули дружно мощный молот.

Но смело, мысль, в такие дни,
Лети за грань, в планетный холод!
Вселенский серп, сноп истин жни,
Толщъ тайн дроби, вселенский молот!

Мир долго жил! Довольно лжи!
Как в осень, плод поспелый золот,
В единый сноп, серп, нас вложи,
В единый цоколь скуй нас, молот!

Но вечно светом вешних верб
Дух человека свеж и молод!
Точи для новой жатвы серп,
Храни для новой битвы молот!

Валерий Брюсов

*«...Зажжен
над миром —
Серп и Молот!»*

Значительные явления советской эпохи постоянно привлекают внимание поэтов и писателей. При этом советизмы — слова, называющие в языке такие явления, и в условиях художественной речи становятся носителями емкого, концентрированного социально-политического содержания. Большой интерес в этом плане представляет поэтическое осмысление образа государственного герба Советского Союза — «Серпа и Молота». Как яркий символ величия труда в советском государстве, прочного союза рабочих и крестьян воспет наш герб в поэзии Маяковского, Брюсова, Маршака, Смелякова и ряда других поэтов.

Известное стихотворение В. Я. Брюсова «Серп и Молот» построено так, что образ Серпа и Молота, воплощающий величие нового мира, свободного труда, научного держания, обозначенный в первой строфе единым фразеологизмом — «Серп и Молот», в дальнейших строфах развертывается через ряд образов. Строфы стихотворения прочно связаны между собой употреблением в каждой из них обоих компонентов этого фразеологизма, хотя и выступающих по отдельности (нередко в символических, переносных значениях) в различных строках строфы.

■

Существенная особенность стихотворения — симметричность построения его строф, что является своеобразным композиционным приемом. Каждая строфа имеет две

части, из которых вторые две строки непосредственно включают слова «Серп» и «Молот», а в последних трех строфах стихотворения симметричным оказывается и построение последних двух строк по отношению друг к другу.

Дух человека свеж и молод!
Тоци для новой жатвы серп,
Храни для новой битвы молот!

В первой строфе стихотворения представлен единый образ символа нового мира: «новъй герб» — Серп и Молот, который «зажжен над миром». Сила этого света, огня подчеркивается антитезой — *зажжен* в противоположность *тьме, стуже* и т. д.

В следующей строфе этот образ реализуется в обобщающей теме труда — «землю вновь вспоим трудом», «блестя серпом, взметнули... мощный молот». И в этой строфе дана антитеза: побеждающая сила труда, воплощенного в действиях серпа и молота, их созидательная мощь противопоставлены понятию «меча вражьего», его обреченности — «меч вражий будет вновь расколот». Дальнейшее переосмысление понятий Серпа и Молота в третьей строфе связано с открытием всеобщей правды: «Вселенский серп, сноп истин жни, Толщъ тайн дроби, вселенский молот!».

Затем в следующей строфе понятие Серпа и Молота олицетворяется — они «живут» и действуют в нашем советском обществе: «В единый сноп, серп, нас вложи, В единый цоколь скуй нас, молот!». И вместе с тем в двуплановости образа этих строк остро звучит идея монумента (*цоколь, скуй*), воздвигаемого труду. При этом звуки *ц, с* в словах *цоколь, скуй* как бы усиливают эту идею, ассоциируясь в какой-то мере со звучанием металла.

Положительная сила Серпа и Молота в антитезе опять противопоставлена отрицательному — «Довольно лжи!».

Наконец, в последней строфе содержится призыв, где серп и молот воплощают орудия борьбы за новый мир, его строительство и выступают в качестве их символов: «Тоци для новой жатвы серп, Храни для новой битвы молот!».

Фразеологизм «Серп и Молот» и образные переосмысления этих слов в отдельности выдвигаются в контексте на первый план. Это связано и со смысловой, лексической значимостью самого фразеологизма, и с тем, что его компоненты далее выделяются, выступая в роли обращений (каждый из них в этой роли употребляется дважды:

«...серп, сноп истин жни», «толщъ тайн дробн,... молот!») и в ряде случаев имеют при себе определения (*вселенский* и др.). Понятие молота, его название связывается со словами *взметнули, дробн, скуп*. В строке «меч вражий будет вновь расколот» зарождается и новое понятие молота как орудия борьбы за новый мир, что закрепится далее в последней строке стихотворения: «Храни для новой битвы молот!».

Слово *серп* соединяется со словами *сноп, жни, жатва*, которые способствуют созданию образа серпа, семантически соответствуя в каждом словоупотреблении одной из сторон многоплановости его значения.

Обратим внимание на то, что основное понятие выделяется и рифмой. Все строфы заканчиваются одним из компонентов фразеологизма — словом *молот*. Отметим также, что фразеологизм «Серп и Молот», его компоненты, включающие при малом объеме их общей фонетической цепи несколько сонорных звуков (*р, л, м*), постоянно усиливаются звучанием контекста, в котором часто повторяются сонорные звуки и звонкие согласные, — этим создается общая тональность гимна.

Итак, труд, который символизируется в образе Серпа и Молота, утверждающих правду, истину в жизни, прославляющий его монумент, а затем призыв к защите и усилению серпа и молота в борьбе за новый мир — это главная, направляющая идея контекста, формирования его образности.

В стихотворении подчеркивается связь Серпа и Молота с новым миром, противоположность сути нашего герба и понятий, связанных с ним, миру старому. Выражено это прежде всего непосредственно прилагательным *новый*: *новый герб, новая жатва, новая битва*. Кроме того, в стихотворении встречается дважды слово *вновь* («землю вновь вспоим трудом», «меч вражий будет вновь расколот»).

Отметим попутно, что тема нового мира, устремленность к будущему выражена и грамматически, особенно в форме повелительного наклонения глагола, в форме его будущего времени (*вспоим, вложи, скуп* и др.) с противопоставлением в ряде случаев прошедшему времени глагола (*гнал, жил*).

Любопытна и антитеза — «временный ущерб» и вечность света вешних верб («вечно светом вешних верб»).

Новый мир дан в ореоле горения, света, блеска в противоположность тьме, холоду и т. п.: «Серп и Молот» «зажжен», «блестя серпом», «плод поспелый золот», «свет вешних верб».

Звучит в стихотворении также тема борьбы за новый мир — «битва», поражение мира старого — «расколот» (о «мече вражьем») и подчеркивается тема единства советского народа: мы, нас, дружно, спол, цоколь, скупй.

В последних строках четвертой строфы тема единения народа выражена непосредственно, с использованием повтора слов *единый* и *нас*.

В единый спол, серп, нас вложи,
В единый цоколь скупй нас, молот!

Последние строки стихотворения представляют собой обращение ко всему народу:

Точи для новой жатвы серп,
Храни для новой битвы молот!

Общий стилистический колорит стихотворения возвышен. Он создается путем использования славянизмов (вспоим трудом, взметнули дружно), лексики широкого звучания (толщ тайн, битва, вселенский, планетный холод), слова-архаизма (*вражий* — о мече). Определенную роль в создании экспрессии возвышенного играет и использование традиционного публицистического образа горения — «зажжен над миром» и традиционно романтических образов молодости, света, весны — «свет вешних верб», «дух человека свеж и молод».

Публицистичность звучания некоторых строк усиливается и их синтаксической структурой: «Нет, не случайно новый герб...», и призывной формой повелительного наклонения: «Довольно лжи!».

Стихотворение В. Я. Брюсова «Серп и Молот» навсегда вошло в сокровищницу поэтических произведений, воспевающих новый мир, нашу Родину, великие идеалы свободного труда.

И. М. ПОДГАЕЦКАЯ

Великий Октябрь и письменность народов СССР

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла широкие возможности для развития литературных языков народов Советской страны.

Одним из основных достижений советских языковедов после победы Октябрьской революции является создание письменности для тех многочисленных народов СССР, которые ее не имели. Кроме того, был осуществлен переход на новые системы письма языков со сложной письменностью. Все это помогло советскому обществу в кратчайший срок ликвидировать веками существовавшую массовую неграмотность и значительно способствовало ускорению строительства социализма в СССР. Переход на русское письмо большинства языков был осуществлен в 1936—1941 годах. Теперь 60 из 66 литературных языков пользуются собственной национальной письменностью, разработанной на базе русского алфавита.

В настоящее время Советский Союз населяют свыше 150 национальностей и этнических групп. Из них около 125 являются коренными народами, живущими на нынешних территориях с древнейших времен. Они занимают огромное пространство от Берингова пролива на востоке до Балтийского моря на западе, от Северного Ледовитого океана до вершин Памира. Благодаря проведению в жизнь ленинской национальной политики КПСС наиболее крупные народы (их более сорока) имеют свою национальную автономию.

Наше государство богато письменными памятниками различных эпох. Только на небольшой территории Абхазской АССР можно встретить греческие, грузинские, латинские, арабские и славянские письменные памятники.

До Октябрьской революции письменность имели около 20 на-

родов Советского Союза, языки которых условно принято называть *старописьменными*. При Советской власти почти 50 национальностей получили письменность впервые: их языки называют *младописьменными*. И лишь очень малочисленные народы остались «бесписьменными», они пользуются языками более крупных народов.

Письменные языки имеют 15 союзных, 20 автономных республик, 8 автономных областей, 10 национальных округов, а также относительно крупные народы, не получившие национальной автономии.

По родственному признаку в Советском Союзе представлены: из индоевропейских — восточнославянские, балтийские, иранские, романские, германские и другие языки. Большинство языков входит в предполагаемую родственную группу алтайской семьи: обширная группа тюркских языков, монгольские, тунгусо-маньчжурские. Из других семей представлены: угро-финские, иберийско-кавказские, палеоазиатские и прочие.

Нелегкой дорогой дошли народы Советского Союза до современных высот развития литературных языков.

Обратимся к истории. С древнейших времен наскальных рисунков до наших дней можно проследить интересную картину развития письма и письменных литературных языков на территории Советского Союза. Древние памятники обнаружены в Туркмении при раскопке холма *Алтын деге* — ‘Золотой холм’ и относятся к четвертому тысячелетию до нашей эры, то есть насчитывают около шести тысяч лет. Дошли до нас и другие системы

письма: «руническое» или орхоно-енисейское письмо древних тюрков, «уйгурское», манихейское, сирийское, согдийское, арабское, которые теперь уже не употребляются, а также живые письменности: армянская, грузинская, славянская (русская), латинская. В дореволюционный период письменность народов отличалась пестротой графических основ. Немногие народы имели свою национальную графику, как, например, русские, армяне, грузины. Украинцы, белорусы, осетины, якуты, чуваша, коми, удмурты пользовались алфавитными системами на основе кириллицы. Народы, исповедовавшие католицизм и протестантство, имели письменность на основе латинской графики: эстонцы, литовцы, латыши. Казахи, узбеки, азербайджанцы, татары и другие, исповедовавшие мусульманскую веру, пользовались письменностью на основе арабской графики. Буряты, калмыки, исповедуя ламаистскую веру, пользовались разновидностями монгольской (древнеуйгурской) письменности.

Однако, если у народа и существовала письменность или зачатки письменности, ею не могли пользоваться широкие массы: она служила орудием просвещения лишь для избранных, потому что ни царизм, ни верхушка самих национальных меньшинств не были заинтересованы в повышении культуры и знаний, а следовательно, и в ликвидации неграмотности трудящихся.

Неграмотность народов Дальнего Востока, Сибири, Крайнего Севера и Северного Кавказа, не имевших письменности вообще, а также народов Средней Азии и Казахстана, доходила до 98—99 процентов, а во всей царской России едва превышала 75%. У многих народов, имевших письменность, процент грамотности был ничтожным, например, среди казахов он составлял 2,1%, узбеков — 1,8% и т. д. Все это, естественно, отражалось как на состоянии развития и функционирования языков, так и на культурном развитии народов.

Для осуществления культурной революции в нашей стране прежде всего необходимо было повысить уровень образования, ликвидировав полностью неграмотность населения. А это невозможно было сделать без применения общедоступного массового письма, без расширения сети школ для детей и взрослых на родном языке. Именно этим объясняется тот факт, что вопросы, связанные с дальнейшим развитием народного образования, литературы и искусства, постоянно находились в центре внимания партийных, советских и общественных организаций.

На основе ленинской национальной политики был намечен и осуществлен курс на языковое строительство в стране, на создание и усовершенствование письменности, послужившее основой для организации обучения детей в школе на родном языке, уста-

повления норм правописания литературных языков, выпуска учебных пособий и т. д. Вместе с тем были разработаны принципы создания терминологии, опубликованы теоретические исследования по языкам народов СССР.

Была проведена коренизация местных органов управления, государственных и хозяйственных аппаратов («коренизация советского аппарата,— т. е. «аппаратчиками» служат представители коренного населения» — А. С. Селищев. Избранные труды. М., 1968), введено делопроизводство на понятных для населения национальных языках и другое. Все это обеспечило создание многочисленных новых алфавитов, отвечающих требованиям развивающегося общества. Уделяя огромное внимание вопросам культурной революции в стране, В. И. Ленин говорил: «Помощь нациям отсталым и слабым необходимо усилить содействием самостоятельной организации и просвещению рабочих и крестьян каждой нации в борьбе с средневековым и с буржуазным гнетом, равно содействием развитию языка и литературы угнетенных доселе или бывших неравноправными наций» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 38, с. 95).

Прежде чем создать письменность для ранее бесписьменных языков советским языковедам пришлось провести большую предварительную работу по изучению особенностей их фонетической и грамматической систем. В результате двадцатилетней (1920—1940) работы были достигнуты крупные успехи в нормализации правописания, создана письменность для 50 национальностей Советского Союза впервые за всю историю их развития. Это был беспримерный подвиг в культурном строительстве, равного которому не знал мир. Овладевая письменностью, грамотой, народы нашей страны за очень короткий срок преодолели огромное расстояние, которое прошли крупные культурные нации экономически развитых стран мира в течение столетий. Следует подчеркнуть, что число национальных письменностей, созданных в Европе за предшествующие эпохи развития европейских стран, значительно уступает количеству письменностей, созданных за послереволюционное двадцатилетие в Советском Союзе.

Как видим, современного состояния развития письменность народов Советского Союза достигла не сразу. Это был сложный и трудный путь. Отметим три главных его этапа, которые имели свои особенности в разрешении основных трудностей, связанных с задачей в кратчайший срок сделать грамотным все население необъятной страны.

На первом этапе (1918—1926) решалась проблема усовершенствования существовавшего у каждого народа письма. Вторым этапом (1926—1936) характеризуется отход от сложных систем письма, в основном — арабского, которое было самым распространенным среди письменных языков. Латинизированное письмо, сменив архаичные сложные письменные системы у многих народов, не знавших, что такое книга, грамота, успешно помогло быстрой ликвидации неграмотности. Сама латинизация письма прошла в своем развитии несколько ступеней. На первой (1918—1926) проводились работы по переходу на латинизированное письмо в отдельных национальных центрах. На второй (1926—1929) был выдвинут лозунг унификации латинизированных алфавитов, в основном — тюркоязычных народов. На третьей (1929—1936) — созданы письменности для многочисленных бесписьменных языков народов СССР.

На третьем этапе развития письменности (1936—1941) был осуществлен переход на славянскую (русскую) графическую основу. В пользу создания и введения письменностей на латинской графической основе, казалось, говорило все: и удобство, и унификация, позволявшая носителям родственных языков читать произведения на этих языках и т. д. Однако при всем этом не была учтена большая тяга народов СССР к овладению русским языком и русской культурой, а через русский язык — высшими достижениями мировой культуры. Этот фактор привел к тому, что уже через 10—15 лет после принятия латинизированного алфавита начался массовый переход на алфавиты, созданные на базе славянской азбуки — кириллицы, на базе русского письма.

Это свидетельствует о том, что создание и введение письменности для каждого конкретного языка той или иной многонациональной страны нельзя рассматривать как чисто языковедческую проблему, при этом необходимо учитывать социальные условия, экономические и культурные связи народов.

В обращении учителей Байрам-Алийского района Туркменской ССР, выступивших с предложением перейти на русскую графику, говорилось о том, что переход на новый алфавит создаст огромный подъем в развитии языка и литературы туркменского народа. Сегодняшняя действительность полностью подтверждает справедливость сказанных слов.

Славянское письмо не было чем-то абсолютно новым для народов СССР, многие из которых были знакомы с миссионерским русским письмом, использованным для печатания книг на их

языках и для составления различных двуязычных и многоязычных словарей, грамматических справочников. Великий казахский педагог и просветитель И. Алтынсарин в XIX веке печатал свой учебник по казахскому языку на русском алфавите, несмотря на то, что официальным письмом у казахов было арабское. Прогрессивные деятели ряда национальностей царской России еще задолго до Октябрьской революции ставили вопрос о переходе на славянско-русский алфавит. О преимуществах славянского алфавита писали и западные языковеды, объективно оценивающие современные системы письма.

Таким образом, нельзя считать переход на русский алфавит случайным явлением. Славяно-русский алфавит пришел к народам Советского Союза как алфавит нации, которая является носителем передовой культуры, передовой революционной теории — ленинизма.

Переход на русскую графику имел выдающееся значение во всех отношениях. Он явился крупным этапом не только в развитии письменности, но и национальных литературных языков и сыграл большую роль в подъеме общей культуры народов Советского Союза.

Переход на русскую графику позволил упростить и удешевить бурно развивающееся издательское дело, открыв возможность печатать в одной типографии книги разных народов Советского Союза, пользующихся славянской азбукой. Устранение алфавитного разнобоя в огромном большинстве национальных школ облегчило преподавание и овладение грамотой на двух языках — родном и русском, ускорило разработку орфографических норм, упростило правописание общественно-политических, научно-технических терминов, во многом заимствованных из русского языка.

Русский язык сблизил народы СССР, став языком межнационального общения, чего трудно было достичь при латинском письме.

Еще далеко не все проблемы письменности народов СССР решены окончательно. Переход на русский алфавит проходил стихийно, без координирующего центра, чем и было вызвано отсутствие унификации букв алфавитов. Это привело к разнобою при обозначении одинаковых звуков, как в масштабе языков народов СССР, так и в масштабе алфавитов группы близкородственных языков. Например, все тюркские языки пользуются русской графикой, однако в изображении некоторых букв имеется существенная разница. Некоторые алфавиты остаются в рамках русских

букв и не имеют специальных обозначений для передачи звуков, отличающихся от русских.

Недостатки имеются и в правилах орфографии. Нечетко определены основные принципы правописания, нерешенным остается вопрос о правописании сложных слов, нет единства и в правописании заимствованных (особенно из русского языка) слов. Нередко одно и то же слово на уроках родного и русского языка пишется по-разному, что создает трудности в овладении грамотой на двух языках и т. д. Все это говорит о том, что советским языковедам есть над чем работать в направлении совершенствования существующих письменностей народов Советского Союза.

*Доктор филологических наук,
профессор
КЕНЕСБАЙ МУСАЕВ
Рисунок В. Комарова*

РЕВОЛЮЦИЯ

Дмитрий Семеновский

ТОВАРИЩ

Весенним дыханьем, нежданно и ново,
Меж нами промчалось заветное слово,
Заветное имя одно:

— Товарищ! —

Как песня, звучит нам оно.

То — песня во славу труда-миродержца,
То — мост, переброшенный к сердцу от сердца,
То — братьям от братьев привет.

— Товарищ! —

Прекрасней воззвания нет.

Из темных подвалов, из глуби подполья
Помчалось оно на простор, на раздолья
Кипящих толпой площадей.

— Товарищ! —

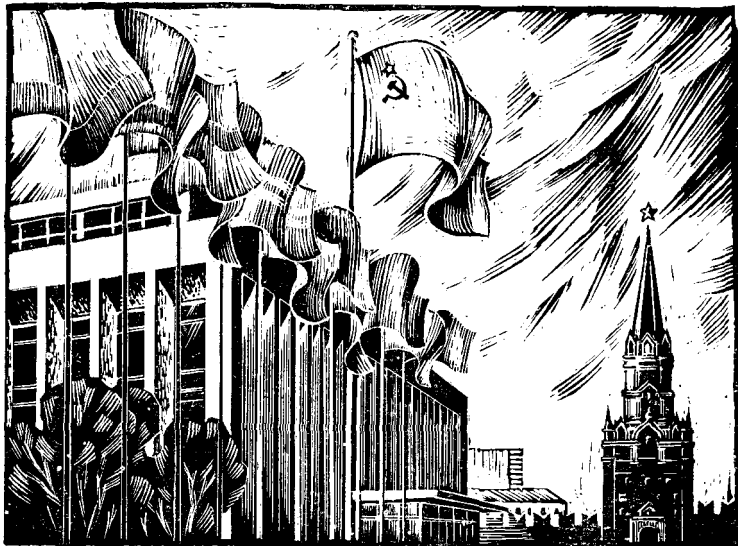
То — новое имя людей.

Лучистее взгляды, смелее улыбки.
И кажется: майским сиянием зыбким
Вся жизнь озарилась до дна.

— Товарищ,

Мы — сила, мы — воля одна.

1917

СЪЕЗД

Языковыми приметами времени часто становятся не только словарные новообразования, но и слова, история которых насчитывает не одну сотню лет. Одно из них — древнее русское существительное *съезд*, значительно изменившее после Великой Октябрьской социалистической революции свое общественное звучание. Между тем *съезд*, как правило, не относят к разряду лексических новшеств русского языка советской эпохи. И это легко объяснимо: ведь и сегодня оно в основном употребляется в значении «собрание, совещание каких-либо организаций, группы населения, деятелей в какой-либо области и т. п.», то есть в том значении (точнее — почти в том), которое оно имело уже в древнерусском языке. А. С. Пушкин писал в «Заметках по русской истории»: «Святополк II учреждает кн.〈ажеские〉 съезды, прекр.〈атившиеся〉 при тат.〈арах〉». И действительно, в 1097 году шесть русских князей (и среди них великий князь Святополк Изяславич) собрались на так называемый Любечский съезд (он проходил в г. Любече, расположенном на Днепре), чтобы договориться о прекращении междоусобиц и совместной

борьбе против разорявших Русь половцев. Однако это княжеское собрание в то время съездом еще не называлось, так его стали именовать позднее в исторической литературе. В 1097 году князья не «съехались на съезд», а, как рассказывает нам об этом событии «Повесть временных лет», «сняшася Любичи на устроенье мира», то есть собрались в Любече для установления мира.

По данным Картотеки древнерусского словаря Института русского языка АН СССР и «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского существительное *съезд* в значении 'собрание' начинает употребляться в русском языке не раньше конца XIII — начала XIV века. Самые же ранние списки памятников, в которых оно встречается, относятся к XV веку. Летописи рассказывают нам о различных съездах того времени:

о княжеских: «Тое же зимы бысть съездъ на Москвѣ всѣм княземъ Роускымъ и поиде князь великїи Семенъ Иванович[ь] ратїю къ Торжьку, а съ нимъ братїа его» («съезд» происходил в 1340 году; Рогожский летописец, XV век);

дипломатических (сегодня мы назвали бы их переговорами): «Послаша Новгородци на съездъ ко Свѣйскому [шведскому. — С. В.] королю Магнушу Аврама Тысяцького и Кузму Твердиславля и иных бояръ» (1347 г.; Московский летописный свод конца XV века);

ученых, богословских: «пришлите на съездъ свои философы, а яз свои, да поговорятъ про вѣру и да увѣмы, чья будет вѣра лучше...» (1347 г.; Московский летописный свод конца XV века).

Если судить по примерам (особенно по первому), то можно предположить, что к этому времени значение 'собрание, совет' у существительного *съезд* еще не достаточно зыкристаллизовалось из первоначального более широкого — 'действие по значению глагола *съезжаться*'. Однако уже в словоупотреблении XV века можно увидеть разграничение этих значений, например, в сочетаниях существительного *съезд* с глаголом *ездить*: «Того же лѣта ѣздиша на съѣздъ бояре Новгородские...» (Московский летописный свод конца XV века).

Нередко встречается слово *съезд* и в памятниках XVI—XVIII веков. Причем в документах XVIII века используется порой даже для перевода «варваризмов», иноязычной лексики, не входящей в русский язык: «...в Швеции назначенъ рейстагъ, то есть государственный съѣздъ»

(Записки В. А. Нащокина). Все это говорит о том, что уже к XVIII веку существительное *съезд* прочно утвердилось в языке в значении 'собрание, совещание, носящее официальный характер'.

В нашу эпоху старое русское слово *съезд* обрело новую жизнь. Для каждого советского человека с ним связаны представления о славном пути, пройденном нашей страной за годы Советской власти. Важными вехами в истории первого в мире социалистического государства стали съезды партии. До образования Верховного Совета СССР высшим органом Советской власти был Всесоюзный съезд Советов. В нашей стране съезды, являясь высшими органами общественных организаций и союзов, направляют их деятельность (съезды профсоюзов, комсомола, писателей и т. д.). Для обсуждения важных проблем собираются на всесоюзные и республиканские съезды представители различных профессий и групп населения (съезды учителей, врачей, интеллигенции и др.). Значительность явлений, событий, обозначаемых существительным *съезд*, и обусловила его принципиально иное, чем раньше, общественное звучание.

Официально слово *съезд* было закреплено в качестве названия высшего органа партии в принятом на II съезде РСДРП (1903) Уставе партии. Однако еще с середины 90-х годов XIX века, когда необходимость в объединении всех социал-демократических организаций России стала очевидной, предполагаемое собрание представителей этих организаций называли именно *съездом*: «На подготовке партийного съезда,— вспоминает Н. К. Крупская,— настанвал всячески Владимир Ильич» (Первый съезд РСДРП. Документы и материалы. М., 1958); «Вопрос о созыве съезда,— пишет один из старейших деятелей Коммунистической партии М. Ф. Владимирский,— обсуждался в Московском „Рабочем союзе“ весной 1896 года» (там же).

Первый съезд РСДРП состоялся в Минске в 1898 году. Хотя фактически единая партия на нем не была создана (это произошло позднее — в 1903 году на II съезде), сам факт заявления о создании Российской социал-демократической рабочей партии имел большое революционно-пропагандистское значение. Интересно отметить, что, хотя в решениях съезда высший орган партии получил наименование *съезд*, сам он носил другое название. Участники I съезда партии вспоминают, что в целях конспи-

рации они пользовались словом *коллоквиум* (см. «Первый съезд партии», Гос. изд-во Украины, 1923). Данное название отражено и в ряде документов: «Главной задачей настоящего коллоквиума, — говорится в «Уставе коллоквиума», — является объединение доныне разрозненных социал-демократических групп» (Первый съезд РСДРП. Документы и материалы). Однако оно было вынужденным, поэтому говорить о каком-либо варьировании обозначения здесь не приходится. Тем не менее отказ с конспиративной целью от названия *съезд* достаточно знаменателен: он свидетельствует о том, что уже в конце XIX века это слово вызывало представление о собрании достаточно значительном — как по своей роли, так и по своим масштабам. Кроме того, на выборе существительного *съезд* в качестве названия высшего партийного органа, несомненно, сказалась его широкая распространенность в конце XIX века. В последней трети XIX века *съезд* становится достаточно «заметным» словом: в различных сферах общественной жизни пореформенной России проходили многочисленные «съезды». Как правило, они носили профессиональный (в широком смысле) характер: на них собирались представители каких-либо определенных видов деятельности (съезды археологические, медицинские, сценических деятелей, торгово-промышленные, юридические и т. д.). Но нередко проходили и, так сказать, «проблемные» съезды, посвященные какому-либо отдельному вопросу. Различны были съезды по своей значимости, масштабу. Наряду, скажем, с представительными съездами русских естествоиспытателей (первый из них состоялся в 1867—1868 годах в Петербурге) собирались съезды и такого уровня, как «Съезд по вопросу о введении в Виленской губернии положения о земских начальниках» (Вильно, 1903). Таким образом, существительное *съезд* к концу XIX века становится едва ли не основным наименованием собраний и совещаний, носящих официальный характер. Все это и приводит к тому, что оно без какой-либо конкуренции со стороны других слов становится названием высшего органа РСДРП.

В начале XX века складывается существующее соотношение между словами *съезд* и *конференция* (от латинского *conferre* — собирать в одно место) как обозначениями различных органов партий. Третий съезд РСДРП (1905) принимает резолюцию «О периодических конференциях представителей различных партийных организа-

ний», в которой, в частности, говорится: «III партийный съезд выражает пожелание, чтобы как Центральный, так и местные Комитеты организовывали возможно чаще конференции представителей различных организаций нашей партии» (Третий съезд РСДРП. Протоколы). Позднее это соотношение между съездом как высшим органом партии, конференцией как партийным органом, созываемым по мере необходимости Центральным комитетом, и конференцией как высшим органом краевой, областной, окружной, городской, районной партийной организации закрепляется в Уставе партии.

Если применение слов *съезд* и *конференция* в качестве названий различных органов той или иной общественной организации однозначно устанавливается в уставном порядке, то их употребление для обозначения собраний, совещаний, не обладающих функцией руководства, управления, испытывало, а подчас и сегодня испытывает, колебания. Значительными колебания были в 20-х — начале 30-х годов. Это было вызвано, в частности, более широким (по сравнению со словоупотреблением наших дней) использованием существительного *съезд*. «Всеохватность» слова не была чем-то присущим исключительно языку революционной эпохи, скорее, напротив, в ней отразились традиции словоупотребления предреволюционных десятилетий. Ведь наряду с представительными собраниями название *съезд* тогда получали и сугубо местные или узкопрофессиональные совещания: Екатеринбургский уездный съезд учителей и учительниц народных училищ (1911), Съезд деятелей по мелкому кредиту (Петербург, 1907), Съезд деятелей по кустарной промышленности (Петербург, 1902) и т. д. В 20-х — начале 30-х годов традиция подобного «сниженного» употребления слова *съезд* ощутимо сказывалась. Нормой было называть совещания уездного или даже волостного масштаба съездами, и это нашло отражение не только в документах того времени, но и в художественной литературе, периодической печати:

« — Тов. Нафанайлов, Вы все в уезде, в уезде.

— И в уезде, и везде — и на волостных съездах, и на сельских сходах думаю о Вас» («Крокодил», 1923, № 2).

Многие из названий, такие, например, как «Екатеринбургский съезд деятелей по производству кровельного железа» (1924), звучат сегодня необычно, но для своего времени они были нормативными и общепринятыми.

Однако несмотря на известную традиционность употребления в первые послереволюционные годы слово *съезд* воспринималось совершенно иначе, чем до революции. Изменилось не слово — изменились сами съезды, их роль и назначение. На место обособленных, как правило, собраний, о которых большая часть населения дореволюционной России вряд ли что-либо могла знать, пришли *съезды* (конференции, совещания), знаменующие небывалый подъем социальной активности народных масс, вливающиеся в единый поток общественной жизни страны.

Определенные изменения произошли в синтаксической сочетаемости существительного *съезд*. Если сегодня *съезд*, как правило, управляет только зависимым словом, называющим организацию, социальную или профессиональную группу (иными словами, указывающим на «субъекта»), требуя его постановки в форме родительного падежа единственного или множественного числа (съезд Географического общества СССР, съезд архитекторов), то в конце XIX — первой трети XX века часто встречались и конструкции «*съезд*+*по*+дат. пад. зависимого слова». Перед революцией проходили такие, например, съезды, как «*Съезд по борьбе с чумой и сусликами*» (Самара, 1914), «*Съезд по организации разумных развлечений для населения Харьковской губернии*» (1915), а в 20-е — 30-е годы — «*Съезд по выработке типов снегоочистителей*» (Москва, 1922), «*Съезд по культурному строительству г. Костромы*» (1931). Хотя подобные сочетания встречаются и в современном русском литературном языке («*Липецкий областной съезд по коммунистическому воспитанию*», 1971), значительно более привычными являются конструкции с предлогом *по*, в которых место стержневого слова занимают существительные *совещание* и *конференция*.

Со временем стали более ограниченными и возможности использования существительного *съезд* для обозначения собраний, совещаний официального характера. Уже в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (т. IV, 1940) оно толкуется следующим образом: «Собрание представителей большой общественной организации». Сегодня уже нельзя назвать съездом районное совещание специалистов по производству кровельного железа, как это было в 20-х годах. Однако и в наши дни употребление этого слова иногда подвержено колебаниям, особенно при обозначении совещаний обла-

стного уровня. Здесь можно встретить и «съезды», и «конференции», и «совещания», причем проследить какую-либо закономерность в применении этих соотносительных названий не всегда удастся: одноименные собрания получают различные «имена» не только в разных областях, но и в пределах одной административно-территориальной единицы (Куйбышевская областная конференция терапевтов, 1959, но Липецкий областной съезд хирургов, 1974; Горьковский областной съезд учителей, 1959 и Горьковская областная конференция учителей, 1972). Возможно, было бы целесообразно называть съездами все-союзные и республиканские собрания представителей организаций, обществ, союзов, групп населения, профессий, на других же уровнях использовать существительные *конференция* и *совещание*.

С. И. ВИНГРАДОВ

ГЕРОИЦА РЕВОЛЮЦИИ

Валерий Брюсов

ОКТАБРЬ 1917 ГОДА

Есть месяцы, отмеченные Роком
В календаре столетий. Кто сотрет
На мировых скрижалях и ды м а р т а,
Когда последний римский вольнолюбец
Тирану в грудь направил свой клинок?
Как позабыть, в холодно-мглистом полдне,
Строй дерзких, град картечи, все, что слито
С глухим четырнадцатым декабрю?
Как знамена, кровавым блеском реют
Над морем Революции Великой
Двадцатое июня, и десятый
День августа, и скорбный день — б р ю м е р.
Та ж Франция явила два пыланья —
Февральской и июльской новизны,
Но выше всех над датами святыми,
Над декабрем, чем светел пятый год,
Над февралем семнадцатого года,
Сверкаешь ты, слепительный Октябрю,
Преобразивший сумрачную осень
В ликующую силами весну,
Зажегший новый день над дряхлой жизнью
И, заревом немеркнувшим, победно
Нам озаривший правый путь в веках!

А. В. Луначарский (1875—1933) — советский государственный и общественный деятель, соратник В. И. Ленина, профессиональный революционер, пламенный пропагандист идей социализма. После победы Великой Октябрьской социалистической революции по поручению нашей партии направлялся на важные участки государственной работы. А. В. Луначарский был народным комиссаром просвещения РСФСР. Человек энциклопедических знаний, выдающийся теоретик искусства и литературы, он внес огромный вклад в дело создания социалистической культуры.

В центре Ленинграда, недалеко от Кировского моста и Летнего сада, находится Марсово поле. Это архитектурный и историко-революционный памятник города. На Марсовом поле похоронены герои февральской революции и Великого Октября — славные сыны большевистской партии, отдавшие жизнь за народное дело. На восьми угловых плитах каменной стены, окаймляющей с четырех сторон место могил, выбиты в граните торжественные надписи. Их нельзя читать без волнения (текст надписей приводится с сохранением орфографии подлинника):

не зная имен
всех героев борьбы
ЗА СВОБОДУ
кто кровь свою отдал
род человеческий
читит безименных
ВСЕМ ИМ В ПАМЯТЬ
и честь
этот камень
на долгие годы
поставлен

ЧИТАЯ ЛУНАЧАРСКОГО

Мемориал глубоко волнует каждого, кто посещает его, поражает своей строгостью и величием. Это место священо. Автор торжественных надписей — Анатолий Васильевич Луначарский. Его имя хранится в памяти народной. Именем Луначарского названы улицы и проспекты, Московский Театральный институт (ГИТИС) носит имя А. В. Луначарского; есть в Москве мемориальный кабинет-музей Луначарского.

Научная и литературная деятельность Луначарского обширна: писатель, литературный критик, историк и литературовед, теоретик и знаток многих видов искусства — живописи и скульптуры, театра и кино, музыки и архитектуры. В. И. Ленин высоко ценил талант Луначарского: в одной из бесед с М. Горьким он сказал о Луначарском: «На редкость богато одаренная натура». Луначарский — прекрасный лектор и оратор; будучи профессором Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова, он читал курсы лекций по истории русской и зарубежной литературы; был академиком АН СССР, известен также и как переводчик.

В статьях и выступлениях, посвященных творчеству Пушкина, Гоголя, Некрасова, Чернышевского, М. Горького, Маяковского и др., в статьях об искусстве, в речах и репортажах о международной политике проявлялась широкая эрудиция Луначарского. Готовил ли он выступления по международному положению, писал ли статьи

Марсово поле.
Ленинград

о творчестве работников искусства, анализировал ли театральные постановки — всегда старался использовать выразительные средства русского языка. Известный советский писатель Л. Никулин рассказывал: «Свободно, непринужденно он [Луначарский] владел словом, ни на мгновение не задумывался, где именно надо поставить его — в начале, в середине или в конце фразы. Слово летело из его уст легко, свободно и падало именно туда, куда нужно, и получалась отточенная, законченная фраза, ясная завершенная мысль» (Л. Никулин. Люди и странствия).

При подготовке текста о погибших борцах за свободу и революцию Луначарский выбрал не только подходящие для данного случая так называемые белые стихи, но и использовал особые лексические и фразеологические средства русского языка: *положить жизнь, отдать кровь, пасть, жертва, славно, чтить, потомки, тираны, семя войны, красный* (в значении «революционный») и др.

В мемориальной надписи

ВСЕМ ИМ В ПАМЯТЬ

и честь

этот камень

на долгие годы

поставлен

употреблено вместо *памятник* слово *камень* в значении «надгробный памятник». Луначарский это сделал не столь-

ко для того, чтобы избежать близости двух однокорневых слов *память* и *памятник*, сколько для придания тексту особой торжественности. С той же целью взяты слова и выражения высокого стиля *сонм*, *уходить из жизни*, *во имя*, *ныне*, *сыны*, вошедшие в следующую торжественную надпись мемориала:

К СОНМУ ВЕЛИКИХ
ушедших из жизни
во имя жизни расцвета
ГЕРОЕВ ВОССТАНИЙ
разных времен
к толпам яacobинцев
БОРЦОВ 48
к толпам коммунаров
ныне примкнули
сыны петербурга

Фразеологизм высокого стиля *вписать в анналы* Луначарский включил в текст:

1917—1918
вписали в анналы
россии
ВЕЛИКУЮ СЛАВУ
скорбные светлые годы
ПОСЕВ ВАШ
жатвой созреет
для всех населяющих
землю

Луначарского не смутило и то, что иноязычные по происхождению слова *сонм*, *анналы*, принадлежащие книжному языку, кто-то не поймет. Можно было, конечно, заменить эти слова другими, общеизвестными, но торжественная надпись требовала высоких слов.

Луначарский свободно владел разными жанрами и стилями русского языка: от лексики сугубо книжной, вы-

сокой (*априори, тенденция, инвектива, импонировать, жить в веках*) до разговорной и просторечной (*панцид-ка, на авось, околпачить, пялить глаза, валом валить, строить глазки, как с гуся вода, орать во всю глотку*). «Априори можно было бы сказать, что в этой сделке Петербург с открытыми глазами дал бы себя *околпачить*» (Парижские письма); «Наше путешествие по Швейцарии на этот раз не сопровождалось никакими особыми явлениями. В Фрибуре, Берне, Лозанне толпа *не пялила* на нас *глаза* и группы переодетых полицейских не бросались нам в глаза» (Статьи и речи по вопросам международной политики).

В 1914 году в политическом фельетоне «Соседи по имению» В. И. Ленин писал: «Бывают такие крылатые слова, которые с удивительной меткостью выражают сущность довольно сложных явлений». Луначарский использовал в статьях, речах и репортажах пословицы, поговорки, крылатые слова, фразеологизмы: *воз и ныне там; топтаться на месте; нечего на зеркало пенять, коли рожа крива; метать бисер перед свиньями; всяк сверчок знай свой шесток; с волками жить — по-волчьи выть; пуганая ворона каждого куста боится; бить по больному месту; очертя голову; валить с больной головы на здоровую; приказать долго жить*. Большой разоблачающей силы достигают репортажи по вопросам международной политики, в которых используются выражения: *после дождичка в четверг; когда рак свистнет; бабушка надвое сказала; пуп земли; шито белыми нитками; одним миром мазаны; мели, Емеля, твоя неделя*.

«Правительство его величества ни слова не сказало о танках, потому что ими Англия снабжена впрок, ни об авиации, потому что здесь *бабушка надвое сказала*: то ли дорожные соседи разрушат Лондон, то ли Лондон разрушит дорожных соседей» (Статьи и речи по вопросам международной политики); «Если бы из какого-нибудь захолустья прилетел бомбовоз и бросил бы бомбу *на пуп земли*, то это совершенно запрещается, как ужаснейшее преступление. Но если *из пупа земли* вылетят бомбовозы и бомбардируют отдаленные местности, то это в порядке вещей» (там же).

Выполняя миролюбивую миссию молодого Советского государства в Женеве, Луначарский возмущался бездеятельностью членов подготовительной комиссии по разору-

жению: «Не реже одного раза в год собираются другие ловкие дипломаты... которым поручено делать вид, будто они страшно заняты приготовлением мира. Они *толкут воду с ступе, переливают из пустого в порожнее*; они ткут днем и распускают ткань ночью, они топчутся на месте, ходят парадным маршем: шаг вперед, два шага назад, — словом, они работают в поте лица» (там же).

Всем известно, что выражения *толочь воду в ступе* и *переливать из пустого в порожнее* означают 'заниматься чем-либо бесполезным, попусту тратить время', а *топгаться на месте* — 'не двигаться вперед в чем-либо, оставаться в прежнем состоянии'. Нерешительность руководителей комиссии по разоружению была передана следующим образом: «Она [комиссия] только расходится и заявляет: председателю поручается собрать нас вновь, но не прежде, чем рак свистнет... Может быть, и соберутся, может быть, и не соберутся, либо дождик, либо снег, либо будет, либо нет» (там же).

Луначарский часто создает выражения, напоминающие хорошо известные пословицы и проч. Так, например, слова из басни И. А. Крылова «Кукушка и петух» «...Кукушка хвалит Петуха? За то, что хвалит он Кукушку» изменяются следующим образом: «А в буржуазном обществе... во всех областях ведется карьеристическая борьба... Юноши иногда (даже часто) заключают друг с другом союз, состоящий в том, что *петух хвалит кукушку за то, что кукушка хвалит петуха...*» (Классовая борьба в искусстве).

Другое известное выражение *Большому кораблю* — *большое плавание* используется так: «Устремляясь на своем *большом корабле в большое плавание*, ты, превратившийся в капиталиста мещанин, потерпишь крушение именно потому, что бездушные твои цели заставят тебя совершить множество преступлений по отношению к живой жизни...» (Генрик Ибсен). Своеобразно преобразована цитата из «Евгения Онегина» Пушкина «Старик Державин нас заметил И, в гроб сходя, благословил»: «Старые поэты, вроде Клопштока, заметили и, в гроб сходя, благословили юного автора» («Гёц» на площади).

Выражение из «Евангелия» «Если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или города того, отрясите прах от ног ваших» (навсегда порвать с кем-нибудь, уйти с негодованием) в преобразованном виде использовано Луначарским неоднократно: «Салтыков-Щедрин, следя за упадком и разрушением помещичества, *прах* которого он *отряс от ног своих*, создал почти дьявольский образ Иудушки Головлева» (Самгин); «...У знаменитого драматурга в конце концов хватило сил, чтобы *отрясти прах старшего мира от ног своих*, но не хватило жизненной энергии на то, чтобы переступить порог нового мира» (Бернард Шоу еще раз говорит правду). Раздвигаются рамки и у известной пословицы *Пуганая ворона и куста боится*, применяющейся к тем, кто, испытав трудности, пережив много несчастий, становится излишне осторожным и боится даже того, что не таит в себе опасности: «На деле он мямлил и канителил самым позорным образом, *как пуганая ворона*, боясь каждого дворянского реакционного куста» (Литература шестидесятых годов).

Выражение *Лить воду на мельницу* (косвенно помогать в чем-либо, содействовать своим поведением, своими действиями кому-либо) употребляется многократно не только в полном виде, но и в преобразованном: «Политис... произнес одну из своих блестящих речей, которая совершенно неожиданно *была водой на нашу мельницу*» (Статьи и речи по вопросам международной политики). В этом же значении используется другое выражение *Таскать дрова в чью-либо печь*: «Зубастый финансист, о жестоким эгоизме которого распространяется на первых страницах Адап, смеется и потирает руки, видя, как *таскает дрова в его печку* человек, говорящий с уважением о приближающейся эре справедливости» (там же).

Включая дополнительные слова, Луначарский расширял границы многих фразеологизмов русского языка: хлебнуть *чару* горя (хлебнуть горя); ломать *свою крутолобую* голову (ломать голову); метать молнии *морального негодования* (метать молнии); погреть руки у *огня паники* (погреть руки); открывать *театральные* Америки (открывать Америку). Намеренно изменялись отдельные слова в пословицах, поговорках, фразеологизмах с целью создания большей экспрессии, определенного стилистического эффекта: убивание *времени* (убивать время); хлебнуть *горюшка* (хлебнуть горя); *сосание* под ложеч-

кой (сосать под ложечкой); *пускание* пыли в глаза (пускать пыль в глаза); *умывание* рук (умывать руки); *прягать нож* за пазухой (держат камень за пазухой); *успокоиться* на лаврах (почить на лаврах); *полпуда* соли съесть (пуд соли съесть); *выскочить* из себя (выходить из себя); *на бусах* его не проведешь (на мякине его не проведешь).

Стилистического эффекта Луначарский достигал не только введением в пословицы, поговорки и фразеологизмы новых слов, изменением общепринятых слов-компонентов, но и сокращением всего словосочетания. Известное выражение *Ложка дегтю испортит бочку меду* во многих работах используется сокращенно: *ложка дегтя; являться ложкой дегтя*; вместо *Пьяному море по колено — море по колено*; вместо *Мягко стелет, да жестко спать — мягко стлать*.

Неисчерпаем запас фразеологизмов русского языка. Вот выражения со словом *глаз*, которые чаще всего встречаются в работах Луначарского: *оставаться с глазу на глаз; с открытыми глазами; раскрывать глаза; бежать куда глаза глядят; бросаться в глаза; делать на глазах; закрывать глаза; смотреть в глаза; пялить глаза; колоть глаза; не в бровь, а в глаз; протирать глаза; для отвода глаз* и др. Богата фразеология со словами *голова, рука, бог, нос* и др.

Для создания большей убедительности изложения Луначарский употребляет рядом два фразеологизма: *толочь воду в ступе, переливать из пустого в порожнее; открывать Америку или сахарную воду; ездить верхом, водить за нос; бить баклуши, толочь воду в ступе; не попасть впросак, не натворить чепухи; переворачивать вверх дном, сбивать с толку* и другие. Фразеологизмы часто выполняют роль уточняющих и раскрывающих словосочетаний; *уязвимое место и ахиллесова пята; обыграть и оставить в дураках; протестовать и криком кричать; осуждать и бросать камнем; нажиться и погреть руки; фальшивка и филькина грамота; дразнить и высовывать язык*.

Знание многих европейских языков, прекрасное владение русским языком, большая эрудиция позволили Луначарскому не только создать статьи о русских, советских

и зарубежных писателях, художниках и драматургах, не только написать речи, репортажи по вопросам международной политики, но и подготовить торжественные тексты о борцах за свободу, в честь которых на Марсовом поле горит Вечный огонь:

НЕ ЖЕРТВЫ — ГЕРОИ
лежат под этой могилой
НЕ ГОРЕ А ЗАВИСТЬ
рождает судьба ваша
в сердцах
всех благодарных
потомков
в красные страшные дни
славно вы жили
и умирали прекрасно

Кандидат филологических наук
В. Н. СЕРГЕЕВ
Ленинград

ГЕРОИНКА РЕВОЛЮЦИИ

Владимир Маяковский

Когда я
 итогу,
 то, что прожил,
и роюсь в днях —
 ярчайший где,
я вспоминаю
 одно и то же —
двадцать пятое,
 первый день.
Штыками
 тычется
 чирканье молний,
матросы
 в бомбы
 играют, как в мячики.
От гуда
 дрожит
 взбудораженный Смольный.
В патронных лентах
 внизу пулеметчики.

Отрывок из поэмы «Владимир Ильич Ленин». 1924

ЯЗЫК
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

В творческой лаборатории
писателя

Секрет необычайной весомости, особой значимости слова у Гайдара, «легкости» гайдаровского пера заключается в характере творческой манеры писателя, постоянно совершенствовавшего свои произведения, шлифовавшего их язык. У Гайдара требование «самого внимательного отношения к слову, всесторонне продуманных сокращений и замен» было определяющим. В этом убеждает сопоставление первоначальных редакций с окончательным текстом произведения. В частности, сравним первый вариант рассказа «Р. В. С.», опубликованного в пермской газете «Звезда» (апрель 1926), и его окончательную редакцию (М., 1936). Произведение в силу драматичности событий и остроты сюжета повествования насыщено диалогами, репликами, что требует от автора специальных и разнообразных средств введения и сопровождения прямой речи персонажей. Писатель не прекращал работы над ним и после первой публикации, отделявая не только его сюжет, но и язык.

ГАЙДАР
ПРАВИТ...

Особенно тщательная правка проводится среди глаголов, входящих в авторские слова, сопровождающие прямую речь героев.

А. Гайдар использует разнообразные глаголы. Одни из них характеризуют речь с детализацией различных видов сообщений, другие дифференцируют виды общения, третьи дают оценку речи. Широко используются Гайдаром и глаголы с пояснительными словами, выраженными наречиями, деепричастиями, предложно-падежной формой имени существительного. Кроме того, писатель нередко обращается к синонимическим заменам глаголов речи.

Сличение двух редакций рассказа «Р. В. С.» показало, что писатель предельно строго отбирал глаголы, характеризующие прямую речь героев, тщательно отыскивал наиболее выразительные из них, предпочитая наиболее точные языковые варианты, соответствующие замыслу произведения.

Как правило, такие замены осуществлялись среди собственно глаголов речи. Ср.: «— Нельзя помногу,— *объяснил* он.— У Онуфрихи всего две коробки, так надо, чтобы незаметно». В окончательной редакции: «...*пояснил* он» (цитируется по изданию: А. Гайдар. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 1, М., 1964). Произведено, на первый взгляд, мало заметное изменение, однако, обращение к значению глаголов *объяснил* и *пояснил* вскрывает существенные различия между ними. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова глагол *объяснить* определяется: «растолковать, сделать более понятным». Это значение предполагает не краткую и простую реплику Жигана, а более распространенную и содержательную информацию. Глагол *пояснить* в значении 'дать некоторое истолкование' уточняет тип высказывания.

Ср. также: «— Зачем у сараев? — неохотно *спросил* Жиган,— можно еще куда-нибудь, а то рядом с мертвыми». В окончательной редакции: «...*возразил* Жиган». Вопрос Жигана является по существу возражением, риторическим вопросом и требует характеристики не глаголом *спросить*, а глаголом *возразить* — 'говорить против, приводить опровергающие доводы'. Попутно устраняется и слово *неохотно*, ставшее излишним.

Пример другой замены:

«Ничего,— уверенно *проговорил* Жиган,— из-под всякого запора можно при случае. Повадка только нужна». В окончательной редакции: «...*заявил* Жиган».

Выбор глагола *заявить* связан с категоричностью, авторитетностью высказывания бывалого Жигана, имеющего солидный

жизненный опыт. Одновременно устраняется и зависимое слово *уверенно*, его отсутствие компенсируется значением глагола *заявить* — «публично, официально сообщить... что-либо в письменной форме или в устной форме (книжи.)».

Большой интерес представляют авторские исправления в пределах синонимических замен глаголов речи. В рассказе «Р. В. С.» случаи их употребления ограничены, что, вероятно, связано с несложностью психологических характеристик персонажей, хотя и здесь слова указывают на эмоциональное состояние героев. Таково целенаправленное использование оценочного плана глагола в следующем случае авторской правки:

«Зачем ребенка бьешь? — *вспыхнула* на Головня мать, — нашел с кем связываться». В окончательной редакции: «...*вступилась* Димкина мать». Основное назначение глаголов *вспыхнуть*, *вступить* — описать чувства матери в момент высказывания. В целях уточнения ее внутреннего состояния автор предпочитает использовать глагол *вступить*, передающий лишь попытку возразить Головню, ощущение зависимости от него, трусливого и злобного. Подобная замена точнее представляет взаимоотношения героев в описываемой ситуации.

Гораздо чаще Гайдар вместо синонимических замен использует собственно глаголы речи, иногда с уточняющими словами. Например: «О-хо-хо, — *вздохнула* отец Перламутрий, поднимаясь». В окончательной редакции: «...*проговорил*»; «Отворите, — *стучался* Жиган». В окончательной редакции: *повторял*; «Большой больно, — *остался недовольным* Топ, внимательно оглядывая толстый неуклюжий гвоздь». В окончательной редакции: «...*ответил* Топ».

Отказ от замен, так называемых «речевых жестов», в которых упоминаются движения, сопровождающие речь, выявляет стремление автора согласовать содержание прямой речи и ее характеристику: «Крысу чует, — почему-то шепотом заговорил Жиган. И, притворно зевнув, *слюнул*: Домой надо идти, Димка». В окончательной редакции: «...и, притворно зевнув, *добавил*».

Один из излюбленных приемов характеристики прямой речи у Гайдара — употребление пояснительных слов при глаголах для того, чтобы оттенить выразительные черты высказывания, дать характеристику эмоционального состояния героя. Сопоставление разных редакций гайдаровского рассказа выявляет тонкую и кропотливую работу писателя по отбору удачного уточняющего слова, глагол при этом часто остается без изменения: «Чтоб тебе самому кто-нибудь шею свернул, — *сердито ответил* Димка». В окончательной редакции: «...с *сердцем ответил* Димка». Новое пояснительное слово с *сердцем* ярче оттеняет ненависть Димки к Головню, избившему собаку. Ср. также: «Тот открыл глаза и *спросил*

негромко: „Ну что, мальчуганы?“. В окончательной редакции: *«...спросил просто»*.

В этой правке прослеживается то же стремление писателя посредством зависимых слов при глаголе уточнить характеристику прямой речи и психологическое состояние ее автора. *Спросить негромко* — спросить ‘едва слышно’, *спросить просто* — ‘добродушно, бесцеремонно’. Благодаря произведенной Гайдаром замене проступают черты характера незнакомца — красного командира — добродушие, искренность, доверчивое отношение к ребятишкам.

Иногда писатель, избегая многословия, убирает зависимое слово при глаголе. Например: «Ах, чтоб тебе! — с *невольным восхищением* подумал Димка, — вот наяривает!». В окончательной редакции: *«...с восхищением подумал Димка»*.

Очень часто сокращение уточняющих слов при глаголе объясняется стремлением автора избежать смысловой избыточности: «И я тоже, — *откровенно сознался* Димка». В окончательной редакции: *«...сознался Димка»*. Значение частей сочетания *откровенно сознался* во многом сходно. И наоборот: очень редко включает Гайдар зависимое слово в группу глагола: «А что тебе мертвые? — *спросил* Димка». В окончательной редакции: *«...насмешливо спросил Димка»*.

Иногда писатель, отбирая наиболее точные глаголы и сопровождающие их зависимые слова, заменяет весь комплекс.

«Крысу чует, — сказал теперь Димка.

— Крысу, — *каким-то подавленным голосом повторил Жиган*, — а только чего-то это он раньше их не чуял?». В окончательной редакции: *«...упавшим голосом ответил Жиган»*.

Нередко Гайдар перемещает центр авторских характеристик в пояснительные слова при глаголе высказывания: «Это с которым вы бежать собрались?

— Да, — *удивленный, смутился* Димка». В окончательной редакции: *«...смутившись, ответил Димка»*; «Ничего, — *побледнел от испуга* Димка». В окончательной редакции: *«...испуганно ответил Димка»*.

Характерный для писателя прием сжатия диалога путем устранения авторских слов наиболее часто встречается при такой форме прямой речи, которая представляет собой собственно вопрос или собственно ответ, не нуждающийся в дополнительных комментариях:

Первый вариант

Окончательная редакция

— Ты что так долго?
— Я, брат, штуку какую знаю!
— Какую? — *заинтересовался Димка.*

— А я, брат, штуку знаю!
— Какую?

— Красные далеко?
— Далекo,— *ответил Димка.*—
— Не слышать вовсе что-то.

— Красные далеко?
— Далекo. И не слышать вовсе что-то.

Наоборот, разрядка авторскими словами прямой речи производится Гайдаром редко:

Первый вариант

Через несколько минут вышел командир, прочитал записку и забегал торопливо и волнуясь по комнате.
— Не может быть..., прочитай-те, он, конечно, он, его рука и его почерк.
— Кто привез?

Окончательная редакция

Вошли двое.
— Не может быть!— *удивленно крикнул один.*
— Он, конечно, он!— *радостно перебил другой,*— его подпись, его бланк. Кто привез?

Вставка авторского комментария речи вызвана необходимостью передать взволнованность, радостное возбуждение командиров от полученного известия члена Реввоенсовета, которого считали погибшим.

Анализ авторских правок выявил важную особенность: замене подвергаются глаголы, определяющие прямую речь главных героев рассказа — Димки и Жигана. И почти без изменения остаются глаголы, характеризующие реплики второстепенных персонажей рассказа.

Итак, авторская правка глаголов, вводящих прямую речь героев рассказа, осуществлялась в разных направлениях: замена глаголов речи синонимичными словами; уточнение зависимых слов при глаголах, сопровождающих прямую речь. Иногда Гайдар сжимал диалог путем устранения глагола речи; гораздо реже производил разрядку диалогов авторскими словами.

Отмечен характерный тип правки: писатель, как правило, предпочитает собственно глаголы речи, а не их замены — глаголы со значением психо-физического состояния, трудные для восприятия маленького читателя. Избранные в окончательной редакции рассказа глаголы являются наиболее точными, единственно возможными.

С. Р. САХАРОВА

Рисунок Б. Захарова

О ключевых словах в художественной прозе

литературных произведениях встречаются слова, выражающие главную идею целого художественного контекста. Их принято называть ключевыми. Эти слова часто выносятся в название романов и пьес, поэм и стихотворений («Обрыв» Гончарова, «Гроза» Островского, «Хорошо» Маяковского, «Жатва» Николаевой).

От них идут невидимые нити к портретам действующих лиц и пейзажам, диалогам и лирическим отступлениям. Они создают внутреннее единство лексической системы произведений, становясь существенным элементом его композиционного построения.

В одних произведениях ключевые слова лишь изредка проступают выпукло на поверхности контекста; в других, — наоборот, отчетливо, густо пронизывают художественную ткань, заставляя читателя искать в них особый смысл. Такие ключевые слова часто выделяются в контексте графически: курсивом, разрядкой. Так, например, одно из ключевых слов в романе Ф. Достоевского «Преступление и наказание» — *проба* — дается курсивом. Раскольников размышляет: «...когда я пошел делать эту... *пробу*...». Здесь слово *проба* наполнено большим психологическим содержанием.

В романе «Преступление и наказание» ключевое слово *угол* повторяется несколько раз, наслаивая на свое основное, конкретно-бытовое значение широкое социальное значение («угол жизни»): «... для житья моего мне нужен был угол, угол буквально»; «...спрятать мои деньги, чтобы их у меня в угле... не украли»; «Я прямо требовал угла, чтобы только повернуться...»; «оттого, что вырос в углу»; «...закупориться еще больше в угол...»; «Я сделал себе угол и жил в углу»; «Моя идея — угол» и пр.

Ключевые слова расширяют изобразительные возможности поэтической речи, увеличивают ее мыслимость. К ним, как средству двупланового повествования, нередко обращаются современные советские писатели (А. Фадеев, К. Федин, Л. Леонов, М. Шолохов, О. Гончар, М. Стельмах, В. Катаев и др.).

У каждого самобытного автора свои способы создания ключевых слов, выполнения их образно-символическим содержанием,

установления внутренней связи между их обобщенным значением и предметно-бытовым значением других слов в контексте целого. Во всем этом проявляется особый склад художественного мышления писателя.

Так, в рассказе В. Катаева «Фиалка» («Новый мир», 1973, № 8) своеобразно раскрывается внутренний смысл ключевого слова *новый*. Рассказ построен на скрытых и на резко видимых нравственно-этических контрастах. Внешняя сюжетная линия рассказа несложна. Большой старик Новоселов, нравственно опустошенный, пришел проститься перед смертью со своей бывшей, оклеветанной и брошенной им женой, восьмидесятилетней Екатериной Герасимовной, бывшей революционеркой, ныне персональной пенсионеркой союзного значения.

В неторопливом, замедленно-подробном повествовании, то и дело перебиваемом контрастами, резко вычерчивается идея произведения. В нем каждая деталь так зримо и точно выписана, что становится почти физически ощутимой.

Дробно испещренную деталями ткань произведения постоянно прорезает (19 раз) определение *новый*: «новый пятиэтажный корпус» и «новые, начинающие оседать могильные холмики», «новая молодая жена» и «новый костюм», «новые бетонные шпалы» и «новая власть» и др. Это определение по ходу повествования обрастает различными контекстуальными смысловыми напластованиями. Раскрывается в рассказе «Фиалка» и внутренне противоречивый смысл слова *новый*, передающий диалектику бытия. «Новый» — не только «пятиэтажный корпус», но и свежий «могильный холмик». Даже фамилия Новоселов в рассказе не случайна. Сквозь это слово просвечивает колючая ирония писателя: ведь ничего нового в Новоселове не было и нет. От слова *новый* уходят в глубь содержания рассказа тонкие смысловые ответвления: «здоровый», «бодрый», «свежий» и т. д. После встречи с Екатериной Герасимовной Новоселов возвращается к себе домой. На его пути ярко желтеют спечки девчат, «укладывающих новые бетонные шпалы». Содержание этого выражения явно символическое. С него началось путешествие Новоселова и им же замыкается. Это так называемое композиционное кольцо рассказа.

Екатерина Герасимовна, прогуливаясь в окрестностях дачи, достала слуховой аппарат и услышала, как «со стуком и грохотом, по новым рельсам на бетонных шпалах, промчался будапештский экспресс...»; «откуда-то доносился скрежет бульдозеров и экскаваторов; в одном месте, высоко поднявшись над окрестностями, ворочался решетчатый кран. Екатерина Герасимовна знала, что это строится новый поселок».

Всюду веет повизной времени, везде видны его реальные приметы. В рассказе «Фиалка» слово *новый* органически входит в обобщающий социально-философский контекст: «Она [Екатерина Герасимовна] настолько привыкла к этому вечному изменению форм общественной жизни вокруг нее и на ее глазах, что временами переставала его замечать, но иногда вдруг как бы останавливалась среди этого вечного движения и, осмотревшись, видела, как много уже сделала для народа та новая власть, за которую она всю жизнь боролась».

На фоне этого значения слова *новый* еще резче проступают значения слов *старость*, *старческий*: «И тогда ее старость, ее черные старческие думы во время бессонницы, ее усиливающаяся глухота, ухудшение зрения, ее неудавшаяся личная жизнь, одиночество, сознание неотвратимости скорой смерти отходили от нее прочь, и она испытывала такой душевный подъем, такую радость жизни — уже не столь своей личной, сколько жизни общей, всенародной,— что, казалось, счастливее ее нет человека на земле».

Слово *новый* в рассказе «Фиалка» плотно окружено такими антонимами, как *ветхий*, *заржавленный*, *нездоровый*, *высохший* и другими.

К ключевым словам в этом произведении относится и слово *фиалка*, вынесенное в название рассказа. «Фиалка» — партийная кличка Екатерины Герасимовны, данная ей в дореволюционные годы подполья, символизирует неувядающую внутреннюю духовную силу и душевное здоровье героини.

Любопытна такая, на первый взгляд, незначимая деталь в рассказе, как лыжня «фиалкового цвета». Во время прогулки Екатерина Герасимовна видит занесенные снегом колхозные поля, трубы газопровода и на ослепительном снегу лыжню «*фиалкового* цвета». Вдумчивый читатель не может не уловить в эпитете *фиалковый* скрытый социальный подтекст. Оно возвращает его к молодости революционерки, к подпольной кличке «Фиалка». От этого имени уходит символическая «лыжня» в будущее...

Ключевые слова обнаруживаются и в произведениях многих зарубежных писателей: А. Франса и Б. Шоу, Э. Хэмингуэя и Э. Ремарка и других. В романе современного английского писателя Сида Чаплина «День сардины» (*The Day of the sardine*) («Молодая гвардия». М., 1964) ключевое слово *сардина* (*sardine*) связывает весь сюжетный строй и композицию произведения. Возникнув однажды на первой его странице, оно появляется вновь лишь в конце романа, создавая острый ударный момент в концовке повествования. И, однако, читатель постоянно ощущает присутствие этого слова, так как оно находится в смысловой глущине произведения.

В начале романа «День сардины» уже немолодой рабочий рассказывает подростку из городских трущоб Артуру Хэггерстону притчу о «глухой» мелкой рыбешке «сардине», которая косяками сама идет в расставленные сети. Так бывает в капиталистическом мире и с безвольными людьми, заключает он свой рассказ. Артур Хэггерстон не хочет уподобиться сардине. Он стремится найти свой путь в жизни. Ключевое слово *сардина* появляется в романе С. Чаплина естественно: рабочий, рассказывающий притчу Артуру, работает на консервном заводе. Слово *сардина* притягивает к себе такие слова, как *плавание* (swimming), *отмель* (shoal), *консервная банка* (tin coffin) и другие, значение которых в контексте романа совершенно ясно перемещается в социальную сферу. Слово *сардина* обрастает новыми иносказательными образами. Благодаря этому в романе создается семантически замкнутая система образно-символических обозначений.

Заканчивается роман «День сардины» грустной лирической нотой. Артур Хэггерстон становится опытным рабочим. Пришел конец его скитаниям. Он обрел благополучие. В кармане у него «уютно» хрустят «фунтовые бумажки». Он изящно одет. Но нет у него самого главного: идеала и душевного покоя.

«Навел красоту, а идти некуда»,— горестно размышляет про себя Артур Хэггерстон.

И после этого опять обнаженно остро проступает в контексте романа ключевое слово *сардина*, предметно-бытовое значение которого соскальзывает на переносное, философско-нравственное: «Я смотрю, как сардины двигаются на узком конвейере — серебряный поток, текущий из моря; здесь их укладывают в жестянки голова к хвосту, хвост к голове. Так и я. Купаешься в масле, лежишь ровно и красиво, но это слабое утешение, когда запаляют крышку».

Подросток Артур Хэггерстон уходит из дома и у него начинается свое самостоятельное «плавание» (swimming). Разочаровавшись во всем, он вместе с тем ищет выхода из создавшегося положения, так как не хочет доживать свой век, как сардина в масле.

Вышесенное в название романа слово *сардина* становится ключом к пониманию идеи всего произведения. Оно создает внутреннее единство лексической системы романа, являясь важным элементом композиции.

Итак, ключевые слова в литературных произведениях одной своей, предметно-вещной, стороной обращены к деталям быта, а другой,— к социальным и нравственно-этическим проблемам. Они семантически многомерны, отсюда их образно-символическое значение. Поэтому исследование принципов и приемов превраще-

пия слов бытового смысла в слова «ключевые» позволяет нам глубже проникнуть в идейно-художественную структуру произведения, яснее понять характер работы писателя над языком.

В. В. ПЕТРОВСКИЙ

ГЕРОИКА РЕВОЛЮЦИИ

Александр Безыменский

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

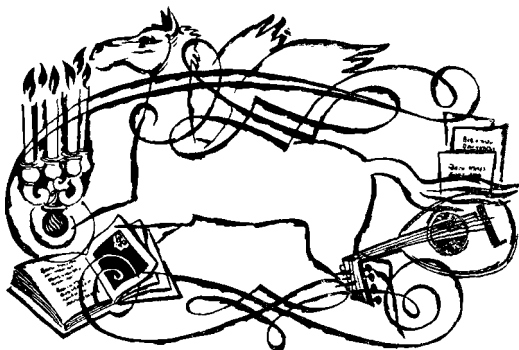
Вперед, заре навстречу,
Товарищи в борьбе!
Штыками и картечью
Проложим путь себе.
Смелей вперед, и тверже шаг,
И выше юношеский стяг!
Мы — молодая гвардия
Рабочих и крестьян.

Ведь сами испытали
Мы подневольный труд.
Мы юности не знали
В тенетах рабских пут.
На душах цепь носили мы —
Наследье непроглядной тьмы.
Мы — молодая гвардия
Рабочих и крестьян.

И, обливаясь потом,
У горнов став своих,
Творили мы работой
Богатство для других.
Но этот труд в конце концов
Из нас же выковал борцов,
Нас — молодую гвардию
Рабочих и крестьян.

Мы поднимаем знамя!
Товарищи, сюда!
Идите строить с нами
Республику Труда!
Чтоб труд владыкой мира стал
И всех в одну семью спаял,—
В бой, молодая гвардия
Рабочих и крестьян!

1922

УЧИТЬ ЛИ «ЕЗДЕ В ПОЭЗИЮ»?

Существуют понятия «языковые законы» и «тайны слова». Сопоставляются они или противопоставляются? Что такое тайны слова? Новые выразительные возможности слов, которые увидел писатель, или по ошибке, «беззаконные» нарушения, болезненные вывихи в живом языковом организме?

В чем заключены культура и искусство речи? Во взаимосвязи законов языка и тайн слова? Или законы языка противостоят тайнам слова, поэтическому словесному обращению, как два полюса? Один полюс — это нормативный язык, подчиняющийся общим законам, а другой — язык художественного контекста. Художественный же контекст — это единое целое со своими законами внутренней точности, обусловленной замыслом автора и естественностью описываемых ситуаций. Итак, вопросы поставлены. Постараемся на них ответить.

Действительно, можно ли стричь под одну общую «лингвистическую» гребенку, подводить под единую общую норму художественное произведение — плод индивидуального творчества?

О чем говорит нам исторический опыт? Создатель «Риторики на пользу любителей сладкоречия» (1744–1748) и «Российской грамматики» (1757) — М. В. Ломоносов уже в первых параграфах своего «Краткого ру-

ководства к краспоречию» изложил следующую программу, обязательную для всех, кто решается взять в руки перо или говорить публично: «Краспоречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об ней мнению». Для того же, чтобы «красно говорить» и «преклонять других к своему мнению» — «к приобретению оного требуется пять следующих средств: первое — природные дарования, второе — наука, третье — подражание авторов, четвертое — упражнение в сочинении, пятое — знание других наук».

Как видим, программа, начертанная М. В. Ломоносовым, может быть и в наше время вполне современной и даже своевременной программой для всех обучающихся искусству слова: талант, профессиональная подготовка (наука), обучение на лучших образцах, собственный опыт, общее образование. Можно ли принять эту программу? Можно ли обучать «езде в поэзию»? Конечно. Пегас — копь крылатый и требует высшей школы верховой езды. Известны слова академика Л. В. Щербы о прелести обоснованных отступлений от нормы (Спорные вопросы русской грамматики.— «Русский язык в школе», 1939, № 1). Не менее известны и слова Г. О. Винокура о том, что правильная речь — это еще не речь умелая, искусная. Ему же принадлежат слова: «Мастер языкового употребления не только хорошо знает нормы языка, но и сам на них влияет и сам их создает» (Из бесед о культуре речи.— «Русская речь», 1967, № 3). Но в изречении Л. В. Щербы как-то легче запоминаются слова о возможности отступлений от нормы и о праве писателя на создание нормы. И проскальзывают почти незамеченными слова о *прелести обоснованных отступлений* и о *хорошем знании нормы*. Но это мы вспомнили, о чем говорят известные ученые. А как творили писатели-классики?

Н. В. Гоголь ратовал за нормативный язык, выступая против «искажения истинного значения коренных русских слов». Гоголь мечтал о работе над словарем, мечтал об издании толкового словаря русского языка. Сам же писал, постоянно нарушая нормы своего времени. В. В. Стасов в воспоминаниях отметил: «С Гоголя водворился на Руси совершенно новый язык: он нам безгранично правился своей простотой, силой, меткостью, поразительной бойкостью и близостью к натуре... Вся молодежь пошла говорить гоголевским языком».

Тонкий стилист Тургенев писал о Герцене: «Язык его, до безумия неправильный, приводит меня в восторг: живое тело». Нечто сходное — парадоксально, но прекрасно — звучит в словах Короленко о Льве Толстом: «Перечивываю „Войну и мир“... слог неотделанный, даже прямо распущенный... запутанные фразы падают то и дело. Но над всем этим бьется какая-то особенная,

спокойно-величавая и правдивая нота, которая придает слогу Толстого... внезапную силу и неодолимую прелесть».

Что же наши классики подадут пример письма с ошибками, с нарушениями нормы? Текст художественного произведения надо оценивать как определенное художественное единство. Художественный текст — это, конечно, единое художественное целое. Между тем, в науке о языке все более укрепляется весьма своеобразный взгляд на художественный текст. Некоторые полагают, что стиль художественной литературы как особый функциональный стиль вовсе не существует. Основание: у него нет формальных, четко выраженных отличительных признаков. В допускаемых в стилистику так называемых функциональных стилях — официально-деловом, научном, публицистическом... — есть четкие приметы: своя особая лексика, свои излюбленные грамматические построения. Кто же не знает, что писать, например, заявление, справку, рапорт надо «особым языком», определенными штампами.

В тексте художественной литературы нет такого формального единообразия. Здесь есть все: официально-деловые ситуации и соответствующий им язык, публицистика и «высокие» отступления автора и его героев, есть и разговорный диалог, и научные споры, и рассуждения с научными терминами, и особые обороты речи. Художественный текст словно соткан из всего языкового разнообразия, охватывает все языковые стили. И, может быть, действительно тем самым не представляет единого стиля? Может быть, это и есть лоскутное одеяло, сшитое из разностильных «лоскутков»? И поэтому справедливо препарировать художественный текст, выделяя то фразу научного стиля, то разговорного, и подвергать их анализу по нормам и законам этих стилей?

Позволим себе маленькое отступление. Однажды я слышала рассказ о том, как один инженер выкрасил дачную мебель красками, предназначенными для живописца. Краски эти со всеми своими «живописными» приметами покрывали мебель, но не создавали произведения искусства. Формальные приметы красок остались, а вот функция их была нарушена. Так и слова создают определенный функциональный стиль не формальными, а функциональными признаками.

Вспомним из «Войны и мира» Льва Толстого последнюю ночь Пети Ростова. Петя задремал: «...Музыка играла все слышнее и слышнее. Напев разрастался, переходил из одного инструмента в другой. Происходило то, что называется фугой, хотя Петя не имел ни малейшего понятия о том, что такое fuga... Ах да, ведь это я во сне, — качнувшись наперед, сказал себе Петя. — Это у меня в ушах. А может быть, это моя музыка. Ну, опять. Валяй,

моя музыка! Ну!.. ..Невидимые прежде лошади стали видны до хвостов, и сквозь оголенные ветки виднелся водянистый свет...».

Выделим слова: *фуга* — музыкальный термин, *валяй* — просторечие, *водянистый* (свет) — эпитет, существующий как определение утреннего света только в индивидуальном поэтическом употреблении (И. Тургенев, Л. Толстой и др). Однако все вместе эти слова вошли в художественный контекст не просто как термин, просторечие, необычный эпитет. Они связаны образом Пети, замыслом автора — показать юность, чистоту, музыкальность Пети и затем бессмысленность его гибели. Мы не обращаем внимания на термин *фуга*. Не в самом термине дело. *Фуга*, слово такое далекое от войны, и сам Петя, который еще так «любит сладкое», и непосредственное, мальчишеское слово *валяй* — вот перед нами из слов разностильных создан такой цельный образ юноши — почти ребенка, унесенного войной.

Художественный текст большого писателя — это единое полотно, пусть пестротканое, из которого, однако, нельзя вытянуть ни одной нити, не повредив всего целого. Функция образного воздействия на читателя — «преклонить других к своему... мнению», своему видению мира, своему восприятию мира. Эта функция сплавляет все языковое разнообразие, получается единый сплав в стиле, манере данного автора. Этим единством и силен большой художник слова.

Еще один вопрос: как понимать термин «общенародный язык», как оценить «диалектизмы» и «местные речения» в художественной литературе? Они ведь явные нарушения норм литературного языка.

Во времена Тургенева *зеленя* и подобные слова не входили в общенародный литературный язык. Их ввел Тургенев. Ради местного — орловского, сельского — колорита. Тургенев не вольничал, не нарушал норму литературного языка. Речевые характеристики, описание пейзажа, быта могут получить местные «речевые краски». Это было обоснованное употребление локально окрашенного слова-диалектизма. В литературный язык могут войти и не только диалектизмы (как знаменитые уже *зеленя!*), но и арготизмы, и жаргонизмы. Последние вовсе не всегда являются сорняками и паразитами. Из жаргона пришло слово *стусеяться* (Ф. М. Достоевский. *Дневник*), *сноб* (Теккерей. Ярмарка тще-славия), *небоскреб* (из речевого оборота американских рабочих-строителей) и многие, многие другие. Арго, жаргон — явление по существу отрицательное, но все же не однородное и, главное, реально существующее. Жаргонообразная лексика позволила таким писателям, как Ф. Гладков, И. Бабель, И. Ильф и Е. Петров,

Л. Леонов, положить яркие штрихи в созданные ими живописные картины быта 20-х годов.

Литературный язык черпает свои ресурсы из разных источников, по-своему возвышая их. Обогащение литературного языка — это очень большая и интересная тема и «Русская речь» еще не раз посвятит этому вопросу свои страницы. Общепризнанный литературный язык обработан мастерами (М. Горький). Он подчинен единой норме и является достоянием всего народа как язык общий для всех — орловцев, рязанцев, москвичей...

В стиле художественной литературы должны соединяться и своя индивидуальная манера, и свое словесное выражение, и свое умение раскрыть «тайны слова», и высокая объективность нормы. Именно это соединение обеспечивает взаимопонимание писателя и читателя. Излишний субъективизм в «словесных тайнах», неоправданное попрание законов языка, разрушает основную функцию языка — функцию общения (коммуникации).

Самоуверенный Шалтай-Болтай — Humpty-Dumpty Льюиса Кэрролла презирал норму и законы языка: «Когда я беру слово, оно означает то, что я хочу, не больше и не меньше, — сказал Шалтай высокомерно.

— Вопрос в том, подчинится ли оно вам, — сказала Алиса.

— Вопрос в том, кто из нас здесь Хозяин, — сказал Шалтай-Болтай. — Вот в чем вопрос!».

Это действительно существенный вопрос: кто хозяин слова?

Вот примеры из современных писателей. Философская повесть Юрия Трифонова «Другая жизнь». Портрет художника Георгия Максимовича: он «в художнической куртке, недавно *пошитой* в ателье МОСХа, с фиолетовым фуляровым платком на шее, в белоснежной рубашке, в брюках модного серого цвета „гудрон“, но, правда, *внизу у него были* старые шлепанцы со смятыми задниками». Нужно ли здесь просторечное *пошитая*? А как понять оборот *внизу у него были шлепанцы?*.. В русском языке *внизу* противопоставляется *вверху*, но невозможно сказать *вверху у него шляпа!*

Еще труднее понять метафоричное сочетание *нечто плотящее*: «Есть ли у тебя нечто всеохватное, *плотящее* воедино все твои тетрадошки, выписки, факты, цитаты?». Слово *плотящее* в системе русского языка соотносится с глаголом *плотить*, то есть «скреплять, связывать в плоты (бревна, доски и т. п.)». В данном контексте нужны значения таких слов, как *сплотить*, *соединить*, *скрепить*, *связать*: мысли, выводы, наблюдения. Глагол же *плотить* имеет только ограниченную сочетаемость, только конкретное значение — «плотить бревна, лес». В ином употреблении он метафо-

ричен и должен иметь соответствующее словесное окружение (*плотить* — как бревна, как лес в плоты). Индивидуальный сдвиг в значении слова не нашел видимого подкрепления в тексте повести.

И еще пример из небольшого рассказа Виктории Токаревой «Стечение обстоятельств». Рассказ построен как внутренний монолог: *«Поговаривали, что цветы эти поморожены, что лукавые хозяева смачивают их в специальном растворе и цветы вянут в ту же секунду, как только их приносишь домой...»*. Это слова из эпизода на рынке, слышатся голоса покупателей (разговорные *поморожены*). Таковую же речевую помету отметим и в реплике почтовички Зинаиды: *«Они пытались было разбегаться и даже разменяли свою квартиру на две комнаты в разных районах...»* (просторечное *разменяли свою квартиру*).

Как видим, отступления от нормы могут служить выразительности речи, а могут затемнять мысль автора, вызывать раздражение своей несовместимостью с нормой. Недаром Л. В. Щерба говорил о предели отступлений от нормы. К тому же было бы неверно считать, что «умелая, искусная речь» широко опирается на отступления от нормы. Язык Тургенева нормативен. Но неповторимый тургеневский текст отнюдь не стандартен (хотя и существует термин «стандартный язык»). Этот термин следует понимать лишь как «отвечающий установленной, принятой норме», весьма условный и не очень удачный, но он призван сосредоточить внимание на обязательности нормы в выработанном веками литературном языке — и в повседневном общении, и в подлинном языковом творчестве.

Читатель вправе замечать «беззаконные» нарушения, противоестественные «вывихи» из языковой системы. Каждый первичный шаг поэтического Пегаса — это ошибка на глазах у тысяч, а иногда и миллионов читателей. Но ошибка или, может быть, словесная находка? Без языковых повадий нет ни языка поэтически-индивидуального, ни живого языка вообще. Однако не в выискивании ошибок смысл борьбы за языковую культуру, а в воспитании — и со школьной скамьи — языкового «чутья», в самовоспитании этого «чутья» в особенности у всех взявшихся за перо. Примечательны пушкинские строки о сути творческого процесса:

... вновь ищущу союза
Волшебных звуков, чувств и дум;
Пишу...

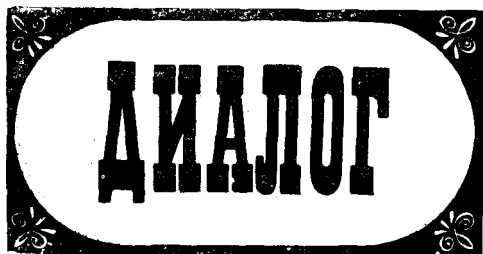
Евгений Онегин

Выделим слова *союз* и *пишу*. Писать — это раскрыть в слове свои мысли и чувства, то есть достигнуть *союза звуков, чувств и*

дум. В поисках такого союза выбор тропы должен быть ориентированным. Не идет же первооткрыватель земель или геолог — исследователь земных недр без карты и компаса. Опыт поможет, конечно, выработать еще и свои ориентиры. Общепринятая в языке норма — это тот же компас, это залог взаимопонимания в языковом общении. Важность нормы, высокую объективность языковых законов трудно подвергнуть сомнению, если помнить о великой и вечной коммуникативной функции языка.

А. А. БРАГИНА

Рисунок В. Комарова

В современном русском литературном языке слово *диалог* (от греч. *dialogos* — разговор, беседа) обозначает три тесно связанных, но тем не менее самостоятельных явления: 1) обмен мнениями, сведениями и т. п.: «И если когда-нибудь Надя вернется... Мысленно я все время готовлюсь к тому разговору. Это, я думаю, еще не стало болезнью, но стало моей бессонницей, моей неотступностью. Ночами я веду *диалог*, в котором участвуем мы оба: Надя и я. Сюжет *диалога* всегда одинаков: это наша с ней жизнь» (Алексин. Безумная Евдокия). В этом же смысле употребляются и слова *разговор* и *беседа*. Два других явления составляют специфику слова *диалог*: 2) часть литературного произведения, представляющая собой разговор: «Редко в отдельных учебниках ведется разговор о *диалоге*, монологе, речевой характеристике героев» («Литературная Россия», 14 мая 1976); 3) жанр произведений, написанных в форме разговора; в последнем смысле *диалог* применяется к произведениям древнегреческой литературы: *диалоги* Платона, и французской, эпохи Просвещения: *диалоги* Дидро. Произведения русской литературы, написанные в форме разговора, например «Разговор книгопродавца с поэтом» А. С. Пушкина, называются *диалогами* не принято.

Интерес представляет употребление в последние годы слова *диалог* в первом смысле (как синонима слов *разговор* и *беседа*).

Как и в прошлом веке, слово *диалог* нехарактерно для речи обиходно-бытового содержания, особенно устной. В ней, как и в речи персонажей художественных произведений, оно употребляется главным образом шутливо-иронически: «Кому-то там премию не дали... Я слышала такой *диалог*» (устная речь); «После нашего с ним [редактором] *диалога* я, конечно, должен был сжечь всё» (телефильм «Такая короткая долгая жизнь»). Разговоры и беседы литературных персонажей (при их обсуждении, анализе и т. п.) называются *диалогами* в основном в речи специалистов-ученых, писателей, артистов и т. п.: «Но особенно мне памятна „сцена у фонтана“ и диалог Ермоловой — Марины Мнишек с Ленским — Самозванцем» (Юрьев. Записки); реальные разговоры и беседы — в речи небытового содержания: «Это оно [время] навело нас на мысль начать *диалог* о самом главном в нашей жизни — о труде» («Неделя», 1976, № 8); «Погружение в языковую среду (все время общение велось исключительно на английском), бесконечные *диалоги*... — вся своеобразная методика ускоренного обучения была направлена на формирование, активизацию и закрепление разговорных навыков» («Неделя», 1976, № 26); смотри также пример из рассказа «Безумная Евдокия» А. Алексина.

Отличительной чертой употребления *диалога* в наше время является, во-первых, широкое использование его в речи, предназначенной для массового читателя (слушателя), в частности в речи газетно-публицистической. И во-вторых, в обилии и разнообразии случаев «обыгрывания» без шутливо-иронического задания особенностей его значения. При этом вскрываются такие тонкости, такие смысловые нюансы, которые остаются незаметными. Об этих особенностях современного употребления слова *диалог* и идет речь в статье.

1. *Диалог* (как и *разговор*, *беседа*) обозначает обмен мнениями, сведениями между людьми. В 60-х годах его стали применять сначала к обмену мнениями между государствами — СССР и США, странами социалистическими и капиталистическими, по вопросам сокращения гонки вооружений, нормализации международных отношений и т. п., а затем и к обсуждению общественно-политических проблем с целью достигнуть соглашения, договоренности, причем не только государствами, но и партиями, группировками и т. п.

Вот примеры последнего времени: «Венский *диалог*. Обсуждаются проблемы военной разрядки в Центральной Европе» («Известия», 18 мая 1976); «... провести выборы в обстановке широкого *диалога* между разными партиями» (телепрограмма «Время»,

18 мая 1976); «Диалог и сотрудничество — необходимые аспекты международных отношений» («За рубежом», 1976, № 22); «Участники сессии высказались за продолжение диалога с развивающимися странами» (Радиопередача, 24 июня 1976). Частое применение слова *диалог* к ситуациям, связанным с обсуждением, привело к тому, что у него начал формироваться новый оттенок значения, сближающий его со словом *переговоры*.

2. С обмена мнениями, сведениями и т. п. слово *диалог* по аналогии переносят на разного рода взаимоотношения между кем-либo. В пьесе А. и П. Тур «Чрезвычайный посол» оно применено к торговым отношениям (между государствами): «Кольцова. Кроме того, почему бы нашим странам не начать взаимовыгодный торговый диалог?». В научно-популярной речи распространены переносы слова *диалог* на «отношения» человека с неживыми предметами. Вот примеры из документальных фильмов: «Прикасаясь сегодня к предметам старины, мы ведем диалог с историей» (Диалог с историей); «Ныне наступила эра диалога ученых с машиной. Спрашивает человек, отвечает машина» (Диалог продолжается).

3. Обмен мнениями, сведениями и т. п. предполагает, что говорящие не просто высказываются на одну тему, но обращаются друг к другу. Применение слова *диалог* к высказываниям, не отвечающим этому требованию, по нашим материалам, ничем не оправдано и, таким образом, является ошибочным. Например: «Курца имеет дом, — слышится за кадром голос девочки... — Каждый имеет дом, — продолжает уже диктор... А где дом палестинца? — спрашивает девочка у своего деда — старого араба... Таким диалогом начинается 25-минутный документальный фильм, символически названный „Ключ“. Вместо ответа старик углубляется в воспоминания» («Правда», 7 августа 1976). Причину подобных ошибок можно видеть в отсутствии в современном русском литературном языке слова для обозначения той речевой ситуации, когда говорящие высказываются, не обращая друг к другу.

4. Непременным условием диалога (как и разговора, и беседы) является устная или равнозначная устной (например с помощью мимики и жестов) форма общения: «Группа не мыслит своего существования без прямого диалога со зрителем. Уже разосланы письма в крупнейшие коллективы с просьбой высказать замечания и предложения по поводу репертуара» («Известия», 30 января 1976); «Как хорошо, когда твое выступление превращается в диалог с широким кругом радиослушателей» (Радиопередача, 22 июля 1976) — здесь в письменной форме высказывается одна из сторон.

5. «Обыгрывание» смысловых особенностей слова *диалог* не всегда связано с отходом от них. Условия, в которых в свое время неизбежно протекала устная речь, сформировали в слове *диалог* указание, что говорящие находятся близко друг от друга. Появление телефона не привело к утрате этого смыслового оттенка: те, кто говорят по телефону, мыслятся как находящиеся рядом. В заголовке «Диалог через Альпы» и далее в цитате: «Я решил поинтересоваться творческими планами актрисы [итальянки Клаудиа Кардинале], тем более что сохранил номер телефона ее загородной виллы... Наш *диалог* через Альпы состоялся 13 апреля» («Неделя», 1974, № 17), — смыслового сдвига нет. Для впечатления необычности словоупотребления оказалось достаточным упоминания об Альпах, подчеркивающего огромность расстояния между беседующими.

6. Первоначально слово *диалог*, как и греческое *dialogos*, и русские *разговор* и *беседа*, не указывало количества участников обмена мнениями, сведениями и т. п. Об этом свидетельствует «Новый слсвотолкователь, по алфавиту расположенный» Н. Яновского (1803), впервые зафиксировавший слово в русском языке. Но в разговорах литературных персонажей, к которым оно преимущественно применялось, чаще всего участвуют двое. Тем самым создавались предпосылки для соответствующих изменений в его значении. Однако носителям литературного языка XIX века было хорошо известно, как образовано греческое *dialogos* (*dia* — через, *logos* — речь), и это сдерживало изменения. К концу прошлого века, по свидетельству «Словаря русского языка», составленного Вторым отделением Академии наук (1895), слово *диалог* еще воспринималось как обычное по отношению к разговору двух, но уместное и по отношению к разговору нескольких человек.

«Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1935—1940) еще определяет *диалог* как разговор двух или нескольких лиц, а в определении «часть литературного произведения, состоящая из разговоров» не включает никаких ограничительных указаний. Но, видимо, «Толковый словарь» отражал в основном языковое сознание представителей старой интеллигенции, получивших образование в дореволюционное время. К середине 30-х годов понимание *диалога* как разговора двух несомненно стало преобладающим: к этому времени состав говорящих на литературном языке пополнился представителями нового поколения, не изучавшими греческого языка в школе. Во всяком случае отмеченные изменения значения слова *диалог* в наши дни — совершившийся факт. Показательно, что десять человек, которым был задан вопрос: «Сколько человек участвуют в диалоге?», решительно ответили: «два» и (с некоторым недоумением): «два, конечно».

Не менее показательно переосмысление его внутренней формы. Современное значение слова *диалог*, как и *монолог*, кажется сейчас многим словообразовательно предопределенным. Почти все опрошенные, в том числе лица с филологическим образованием, считают, что *ди-* или *диа-* в *диалог* имеют значение 'два'.

В литературоведении и лингвистике смысловые изменения слова *диалог* привели к возникновению нового термина *полилог* — 'разговор нескольких лиц' и 'часть литературного произведения, представляющая собой разговор нескольких лиц'. Он еще не отмечен даже в словарях литературоведческих и лингвистических терминов, но специалисты пользуются им широко и свободно.

Употребление слова *диалог* при обмене мнениями (в прямом и в переносном смысле) со многими участниками разнородны. Такое употребление может оправдываться тем, что множество понимается как единое целое (*диалог с развивающимися странами*) или в нем выделяются две какие-то группы (*диалог между ливанцами*. — «Правда», 15 июня 1976) — в этих случаях нет смыслового сдвига.

Довольно часто слово *диалог* относится к «клубку» перекрещивающихся или сосуществующих диалогов. Вот пример — заголовок «Диалог с лауреатами» («Неделя», 1974, № 52). В этом «диалоге» участвует около 30 человек, но... Анатолий Карпов отвечает на вопросы одних читателей — жителей разных городов, Людмила Турищева — других, Владислав Третьяк — третьих и т. д. Здесь также нет отклонения от значения слова *диалог*: единственное число употреблено в значении множественного.

Заголовок статьи народного художника РСФСР Н. Кузьмина «Третье лицо в диалоге» («Неделя», 1974, № 9) создает впечатление такого отклонения. Оказывается, в название вынесена часть фразы, в которой речь идет о «диалоге» (слово употреблено переносно) между двумя — писателем и читателем, третье же лицо (иллюстратор) лишь помогает одному из участников: «Медленное, внимательное чтение должно быть первой добродетелью иллюстратора. Только при многократном переживании каждой фразы, каждого слова литературного произведения *вживаешься* в его атмосферу, получаешь доступ в лабораторию творчества писателя и приобретаешь моральное право выступить в роли, как ни назови: соавтора, сотрудника, интерпретатора. Словом, третьим лицом в *диалоге* автора и читателя. Какая трудная и ответственная роль!». Цель этого заголовка — необычностью словоупотребления заинтересовать читателя, заставить его обратиться к тексту статьи; сравните заголовок: «Третий в диалоге» (о переводчице. «Литературная газета», 23 июня 1976).

7. *Диалог* отличается от слов *разговор* и *беседа* также характеристиками обстоятельств обмена мнениями, сведениями и т. п.

Разговор указывает на непринужденно-дружеские отношения между говорящими: «Выступление газеты вызвало большую читательскую почту... *Разговор*, начатый тов. Васильевой, будет продолжен на страницах газеты» («Литературная газета», 10 декабря 1975); «*Разговор* с большим хроническим колитом» (заголовок. «Здоровье», 1976, № 2).

Беседа показывает важность, значительность, если не содержания, то самого факта обмена мнениями, а говорящих характеризует как людей серьезных и, пожалуй, незаурядных. Такие же сведения заключает в себе и *диалог* (см. примеры употребления без изменений смысла, приведенные выше). «Я невольно прислушивался к беседе своих соседей по купе» — здесь слово *беседа* не сообщает ни о характере отношений между говорящими, ни о цели обмена мнениями. Соседи по купе могут быть и друзьями, проявляющими к тем или иным вопросам чисто отвлеченный интерес, и лицами, состоящими в официальных отношениях (это может быть, например, адвокат со своим подзащитным, которого он консультирует).

Диалог же указывает, что говорящие выступают не как представители той или иной специальной области деятельности, а как частные лица, что они не преследуют каких-либо специальных целей и отношения между ними — неофициальные. «Ремонт квартиры. Юридические *диалоги*» («Неделя», 1976, № 20) — под этой «шапкой» дается ответ юриста на вопросы читательницы, *диалог* выступает в одном из значений слова *консультация* — «совет, даваемый специалистом».

Диалог указывает на краткость реплик и не заключает в себе указания на обстоятельность обмена мнениями, на обсуждение каких-то вопросов (в этом его отличие от *беседа* и сходство с *разговор*): «Я невольно прислушивался к *беседе* своих соседей — Я невольно прислушивался к *разговору* своих соседей — Я невольно прислушивался к *диалогу* своих соседей». Впрочем, в последнее время под влиянием употреблений типа *диалог между государствами* «идея» обсуждения (с целью достигнуть единства мнений, соглашения, договоренности) начинает в нем формироваться: «*Диалог* писателя и партийного работника... Мы пригласили писателя-иркутянина Марка Сергеева и секретаря Иркутского обкома КПСС Евстафия Никитича Антипина обменяться мнениями по этой старой, но всегда живой, требующей обсуждения проблеме „Герой и время“» («Молодой коммунист», 1976, № 2).

8. Слова *диалог*, *разговор* и *беседа* различаются стилистически. *Разговор* и *беседа* не имеют стилистической окраски и потому

представляются одинаково естественными в любых речевых условиях — и в устной обиходной речи, и в письменной речи публицистического, научного и т. п. содержания. Слово же *диалог* имеет книжную окраску (правда, слабую). Оно вызывает ассоциации со сферой своего преимущественного употребления — речью (главным образом письменной), которая по своему содержанию выходит за пределы бытовой повседневности и ведется с целью поделиться опытом, знаниями. Понятно, что при употреблении в речи бытового содержания *диалог* не может не обратить на себя внимания.

Газетно-публицистическая речь и это — стилистическое — свойство слова использует для неожиданности, необычности словоупотребления. В подзаголовке к беседе корреспондента с владельцем уникальной коллекции самоваров: «Диалог у самоваров» — и ее концовке: «Наш диалог затянулся до полуночи...» («Неделя», 1975, № 49) «обыгрывание» стилистической окраски слова *диалог* основано на своего рода каламбуре. *Самовар*, называя предмет официальной беседы, вместе с тем вызывает представления об обиходно-бытовой обстановке общения (*У самовара я и моя Маша*); бытовые подробности (*затянулся до полуночи*) усиливают этот эффект. Слова *разговор* и *беседа* здесь выглядели бы вполне обычно.

Приведенный материал показывает весьма интересную жизнь и особенности значения слова *диалог* в современной речи.

Кандидат филологических наук
Е. Ф. ПЕТРИЦЕВА

ГЕРОИКА РЕВОЛЮЦИИ

Велемир Хлебников

Свобода приходит нагая,
Бросая на сердце цветы,
И мы, с нею в ногу шагая,
Беседуем с небом на ты.
Мы, воины, строго ударим
Рукой по суровым щитам:
Да будет народ государем
Всегда, навсегда, здесь и там!
Пусть девы споят у оконца
Меж песен о древнем походе,
О верноподданном Солнца
Самодержавном народе.

12 апреля 1917

Позднелатинское прилагательное *serpentinus* 'змеиный', восходящее к латинскому *serpens, serpentis* 'змея' (собственно причастие настоящего времени от глагола *serpere* 'ползать, пресмыкаться'), послужило источником ряда «общих» слов в современных европейских языках, в том числе и русском. Это, в частности, название пятнистого темно-зеленого минерала, используемого в качестве декоративного камня, — хризотила, змеевика: *serpentin*, франц. *la serpentine* (f.), англ. *serpentine*, нем. *Serpentin* и т. д. Сюда же относится русское слово *серпантин* 'узкая разноцветная бумажная лента, бросаемая в танцующих на балах, маскарадах', отражающее французское произношение — *le serpentin* (m.), что доказывает его заимствование не прямо из латыни, а через французское посредство; ср. нем. *Papierschlange*, англ. *paper streamers*.

От латинского *via serpentina* было получено малоупотребительное русское слово *серпентина*: «Оседлав хворостины, скакали по серпентине шоссе „чанаевцы“» («Литературная газета», 29 мая 1965); «Автобус покинул городские кварталы и вошел в первый поворот серпентины» («Литературная газета», 1973, № 15); «Отсюда по 40-километровой серпентине мы должны втащить зеркало вверх... Гроза застигла на серпентине!.. Серпентина кончается прямо у входа в обсерваторию» («Литературная газета», 1974, № 48).

Значение 'извилистая дорога' весьма поздно — не ранее конца XIX века — отмечается у соответствующих слов в английском

и французском языках. Его оформление в женском роде в русском слове *серпентина* соответствует тенденциям профессиональной речи. Оно с очевидностью входит в колеблющиеся ряды типа *спазма* — *спазм*, *литера* — *литер*, *канистра* — *канистр* (см.: В. Г. Костомаров. Канистра.— «Вопросы культуры речи». Вып. 2. М., 1959). Принадлежностью к специальной терминологии, несомненно, объясняется и тот факт, что общелитературные словари не фиксировали слово *серпентина*: в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (М., 1940) имеются только *серпантин* 'длинная узкая разноцветная бумажная лента' и *серпентин* 'минерал хризотил'; лишь *серпантин* дают «Словарь русского языка» АН СССР (М., 1961) и прижизненные издания «Словаря русского языка» С. И. Ожегова — «длинная узкая лента из цветной бумаги, которую бросают в танцующих на балах, маскарадах» и «длинная цветная бумажная лента, которую бросают среди танцующих на балах, маскарадах».

В то же время специальные словари отнюдь не игнорируют слова *серпентина*. Так, в «Словаре иностранных слов» под редакцией И. В. Лёхина и Ф. Н. Петрова (3 изд. М., 1949) находим: *серпантин* «клубки узкой разноцветной бумажной ленты, бросаемые среди танцующих во время бала, маскарада или карнавала», *серпентин*¹ «змеевик, хризотил, темно-зеленый или желто-зеленый минерал; употребляется для поделок, изготовления посуды, колонн, памятников и пр.», *серпентин*² «танец, гибкие извивающиеся движения которого напоминают движения змеи» (это слово признается и как возможное написание *серпантин*) и, наконец, *серпентина* «извилистая горная дорога с крутыми поворотами». При этом *серпентин* и *серпентина* возводятся к латинскому корню, а *серпантин* — к французскому.

Современная речевая практика, однако, нарушает изложенные исторически сложившиеся соотношения: в значении 'извилистая дорога' все чаще встречается форма *серпантин*: «По серпантину среди тенистых дубов и пиний поднимаются автомашины» («Известия», 21 мая 1976); «Мчатся прямо-таки с космической скоростью по серпантинам горных дорог, по улицам сел и городов...» («Правда», 10 июня 1976); «По мере приближения к Диредаве — городку, расположенному примерно в пятистах километрах к востоку от эфиопской столицы Аддис-Абебы, серпантин горной дороги заставляет все чаще тормозить на крутых виражах» («Известия», 23 июня 1976); «В центре миллионного города шоссе врезалось в склон прибрежной горы. Крутизна справа. Почти обрыв слева. Внизу река и мост, на который выбегает асфальтированный *серпантин*... Если автопоезд взорвется и семь тонн бензина (огненный вал!) хлынут вниз по узкому *серпантину* навстречу пере-

полненным трамваям, везущим горожан на работу, потоку автомобилей — быть большой беде» («Известия», 22 июля 1976); «З. показывает на узкий серпантин дороги, петляющий под нами и отчетливо заметной с высоты» («Правда», 19 февраля 1977).

Причина тут, разумеется, проста. Приобретая в связи с нынешней актуализацией транспортной тематики общественную значимость и популярность, понятие «извилистая дорога» вывело на общелитературную арену фиксировавшее его слово *серпентина*. Малоизвестное (заметим, что малоизвестен и его производительный «собрат» *серпантин!*), оно стало естественно ассоциироваться с литературным *серпантин*; более того — стало восприниматься как его искажение... Результат оказался своеобразным: слово *серпентина* не прививается, а *серпантин* перенимает на себя его значение.

«Словарь русского языка» С. И. Ожегова (9-изд. М., 1972) приводит переносное значение «извилистая дорога в горах» наряду с основным значением слова *серпантин*. Новизна такого значения все-таки очевидна, о чем свидетельствует факт его регистрации в словаре-справочнике «Новые слова и значения» под редакцией Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина (М., 1971), где наиболее ранний пример употребления датируется 1962 годом. Видимо, правильной форме *серпентина* (ср. также *серпантин*), отражающей латинский первоисточник, не суждено укорениться в русском языке. В этом повинно, так сказать, французское вмешательство, привнесшее в русское произношение латинского корня отражение его «носового прочтения».

Этот исторический курьез, связанный с разным посредничеством и разными путями заимствования (ср. *фазис*, *базис* и *фаза*, *база*; *анкер* и *якорь*; *каштан* и *шатен*; *нерв* и *невроз*; *сарай* и *сераль*; *машина* и *машин* и т. д.), создает культурно-речевую проблему в современном русском языке. Достаточно, например, указать на разноречивость в нормативном «Орфографическом словаре русского языка»: *серпантин* (узкая и длинная бумажная лента), *серпантинный*, *серпент*, *серпентин* (минерал), *серпентина* (извилистая горная дорога), *серпентинит* (изд. 11, под редакцией С. Г. Бархударова, С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро. М., 1971) и *серпантин* (лента; извилистая дорога), *серпантина* (сопряжение дорог), *серпантинный*, *серпантинный*, *серпент*, *серпентин* (минерал), *серпентинит* (изд. 13-е, под редакцией С. Г. Бархударова, И. Ф. Протченко и Л. И. Скворцова. М., 1974). Все это, разумеется, отражается и в живой речевой практике, в современных книгах и газетах.

Логика унификации заставляет приветствовать совмещение значений слов *серпантин* и *серпентина* в одном, и с этой точки

зрения заслуживает одобрения тенденция газетных корректоров и авторов новейших словарей расширить смысловую структуру слова *серпантин* и изгнать из языка *серпентина*.

Доктор филологических наук
В. Г. КОСТОМАРОВ

ГЕРОИНКА РЕВОЛЮЦИИ

Александр Прокофьев

МАТРОС В ОКТЯБРЕ

Плещет лента голубая —
Балтики холодной весть.
Он идет, как подобает,
Весь в патронах, в бомбах весь!

Молодой и новый. Нател!
Так до ленты молодой
Он идет, и на гранате
Гордая его ладонь.

Справа мизуер и слева,
И, победу в мир неся,
Пальцев страшная система
Врезалась в железо вся!

Все готово к нападенью,
К бою насмерть...

И углом
Он вторгается в Литейный,
На Литейном ходит гром.

И развернутою лавой
На отлогих берегах
Потрясенные, как слава,
Ходят молнии в венках!

Он вторгается, как мастер.
Лозунг выбран, словно щит:

«Именем советской власти!» —
В этот грохот он кричит.

«Именем...»

И, прям и светел,
С бомбой падает в века.

Мир ломается. И ветер
Давят два броневика.

1930

СУХИНИЧИ — СУХИНИЧСКИЙ

В русском языке часто употребляются прилагательные, образованные от географических названий (топонимов): Волгоград — волгоградский, Изюм — изюмский, Чаплино — чаплинский, Варваровка — варваровский, Гуляйпóле — гуляйпóльский. Это очень активные и нужные слова, но говорящему или пишущему образовать их не всегда просто. В Гуляйпóльском районе Запорожской области есть небольшое поселение *Сигóр*. Как образовать от него прилагательное? Ведь в русском языке это можно сделать при помощи суффиксов *-ск-, -овск-, -инск-, -енск-, -анск-, -еуц-, -еск-(ий)*! От *Сигóр* прилагательное образуется при помощи суффикса *-янск-(ий)*: *сигóрянский*. Сложность еще в том, что в нашем языке, как и во всех славянских, от топонимов одной и той же структуры прилагательные образуются по-разному: *Стáйки* — *стáйковский*, но *Бочáрки* — *бочáрский* (Брянская обл.). К тому же основа топонима

способна сочетаться с несколькими суффиксами: Ялта (Крымская обл.) — *ялтинский* и Ялта (Донецкая обл.) — *ялтовский*, Крáсное (Сумская обл.) — *краснянский*, *красненский* и *красно́вский*.

В этой статье речь будет идти об образовании прилагательных от топонимов на *-ич-и*. Анализ фактического материала показывает, что от этих топонимов прилагательные формируются по пяти моделям (образцам).

I. К основе с суффиксом *-ич-* присоединяется простой суффикс *-ск-* и окончание *-ий*: *Вéрхличи* — *вéрхлический* (Брян. обл.), *Любáвичи* — *любáвический* (Смолен. обл.), *Евáничи* — *евáнический* (Новгород. обл.), *Сухи́ничи* — *сухи́нический* (Калуж. обл.).

II. К основе с *-ич-* присоединяется простой суффикс *-еск-(ий)*: *Лю́торичи* — *лю́торический* (Тульск. обл.), *Ребо́вичи* — *ребови́ческий* (Ленингр. обл.), *Тéрвеничи* — *тервени́ческий* (Ленингр. обл.).

III. К основе с *-ич-* присоединяется сложный суффикс *-енск-(ий)*: *Парови́чи* — *парови́ческий* (Брянск. обл.).

IV. К основе без *-ич-* присоединяется *-ск-(ий)*: *Кúркóвичи* — *кúркóвский* (Брян. обл.), *Слáвновичи* — *слáвновский* (Смоленск. обл.), *Фили́повичи* — *филли́повский* (Моск. обл.), *Ярослáвчи* — *ярослáвский* (Ленинград. обл.).

V. К основе без *-ич-* присое-

диняется сложный суффикс *-инск-*: Ульятчи — ульятинский (Смолен. обл.).

Часто от одного и того же топонима прилагательные образуются по двум моделям: Алешковичи (Брян. обл.) — алешковичский (I) и алешковский (IV); Журиничи (Брян. обл.) — журиничский (I) и журинский (IV); Клевичи (Новгород. обл.) — клевичский (I) и клевический (II).

Самыми многочисленными в русском языке (как и в украинском и белорусском) являются прилагательные, образованные по первой модели: Верхуличи — верхуличский (Калуж. обл.), Азбичи — азбичский (Смолен. обл.), Андрейковичи — андрейковичский (Брян. обл.). Это очень старая модель, известная еще из древнерусских времен, когда она была тоже распространённой. И в древнерусском языке топонимический суффикс *-ич-* сохраняется перед суффиксом *-ьск-* (*-ск-*) в имени прилагательном. Эта закономерность прослеживается и в языке великорусской народности. Приведем примеры из «Московского летописного свода конца XV в.»: вятичский, суболичский, кривичский. Их высокой продуктивности в современном русском языке способствует сочетание гласного и согласного *-ич-* в производящей основе, что позволяет ей свободно соединяться с суф-

фиксом *-ск-*: Любавичи — любавичский (любавич+ск+ичи). Суффиксы *-ич* и *-ск-* образуют в русском языке звуко сочетания *-ичск-*: Павличи (Брян. обл.) — на письме *павличский*, в устной речи местных жителей — *павли[цк']ий*; Баннич (Сумск. обл.) — *баничский* и *бани[цк']ий*; Дубовичи (Сумск. обл.) — *дубовичский* и *дубови[цк']ий*.

Применение суффикса *-еск-* (модель II) не изменяет лексического значения прилагательного (*клевический* и *клевичский* указывают на отношение к населённому пункту *Клевич* Новгород. обл.), он только не допускает в устной речи звуко сочетания *[-ицк-]* и не меняет конечный звук *[ч]* в суффиксе *-ич-* в *[ц]*. Однако, как видно по первой модели, это не обязательное условие при образовании оттопонимических прилагательных (образованных от географических названий).

В лингвистической литературе существует мнение, что суффикс *-еск-* употребляется в прилагательных только после основ на *ж, ч, ш, щ*. Можно было бы на этом основании полагать, что от топонимов на *-ич-* и в производных прилагательных необходимо применять суффикс *-еск-(ий)*. Но в действительности этого нет. В большинстве прилагательных после *-ич-* идет суффикс *-ск-*, а не *-еск-*: семиречский

(Брян. обл.); думи́ничский, хва́стовичский, милоти́чский, сьльковичский, фоминичский, сьльбкнничский, бояновичский, палькёвичский (Калуж. обл.); екімовичский, ерпічский, хисла́вичский, свистовичский, башкóвичский, бобровичский, кузьми́чский, зверовичский, лүкннчский, сусловичский, кошёвичский, шилóвичский, аста́повичский, шерóвичский, кожухóвичский, микүлчский, надёйковичский, петрóвичский, почннчский, мушкóвичский (Смолен. обл.); есе́новичский (Калинин. обл.); котельничский (Кировск. обл.); гáличский, солигáличский (Костром. обл.); гоморóвичский, лáзаревичский (Ленинград. обл.); борóвичский, кременнчский, шүтнловичский, шерехóвичский, тухóвичский (Новгород. обл.).

Более того, в письменных памятниках древней поры немало прилагательных, в которых суффикс *-еск-* стоит не только после шипящих, но и после звуков [р], [д], [н] и других: угореской (Повесть временных лет), новгородский (Грамоты великого Новгорода и Пскова), червенский (Ипатьевская летопись).

Следовательно, суффикс *-еск-* в прилагательных от топонимов на *-ич-* не обусловлен и фонетической структурой производящей основы. В системе словообразования от топонимических прилагательных русского языка возникли

параллельные формы: Лютóричи — люторичский и люторичский. Суффикс *-еск-* не смог вытеснить формы на *-ичск-* (*ий*) и заменить их полностью во всех сферах и стилях русского языка.

Гораздо активнее IV модель: Звёпковичи — звёпковский (Псковск. обл.). Подобные образования встречаются в языке великорусской народности: Гордошевичи — гордошевский (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.).

Если проследить историю возникновения прилагательных этого типа, то обнаружится, что первоначально выпадения суффикса *-ич-* не было. Топонимы на *-ич-* появлялись, как правило, на основе названий потомков первых поселенцев, которые в свою очередь образовывались от имен, прозвищ или фамилий родоначальников или первопоселенцев: Лехно (имя родоначальника) — лехнов род — лехновичи (название потомков) — Лехновичи (топоним). Прилагательное *лехновский* фактически возникло до того, как сформировался топоним *Лехновичи*, и образовалось от основы притяжательного прилагательного *лехнов-*: *лехнов род*, но *лехновский двор*, *лехновское имение*. Следовательно, исторически прилагательное *лехновский* соотносится со словами *Лехно*, *лехнов*, а не с

топонимом *Лехновичи*. Поэтому здесь нет и усечения: *лехнов + ский*.

Имя родоначальника и название его потомков — *Лехно*, *лехновичи* — забылись, а в связи с этим вышло из употребления и притяжательное прилагательное *лехнов*. Прилагательное на *-ск-(ий)* — *лехновский* стало соотноситься с самым активным членом этого ряда — топонимом *Лехновичи*. Отсюда и делается вывод о выпадении суффикса *-ич-* в процессе словообразования.

Такие формы и поныне употребляются как в официально-деловой, так и в разговорно-бытовой речи. Вот примеры этого типа: *Батьковичи* — *батьковский*, *Борисовичи* — *борисовский* (Псков. обл.); *Панковичи* — *панковский* (Брян. обл.). Однако они постепенно вытесняются прилагательными, образованными от топонимов с суффиксом *-ич-* (модель I); употребительны главным образом в разговорно-бытовой речи как вариативные образования и не проникают в литературный язык. Эти прилагательные значительно чаще остаются в исторических и фольклорных источниках, иногда традиционно сохраняются в официальных административно-территориальных названиях: *Алешковичи* — *алешковичский* и *алешковский*, *Филипповичи* — *филипповичский* и *филипповский*, *Рыловичи* — *рыловичский*

и *рыловский*, *Журиновичи* — *журиновичский* и *журинский*, *Курковичи* — *курковичский* и *курковский* (Брян. обл.). Подобные формы не могут быть образцом для образования современных литературных прилагательных от топонимов на *-ич-и*.

Единичными примерами представлены модели III и V: *Паровичи* — *паровиченский*, *Рябичи* — *рябичинский* (Брян. обл.). Суффиксы *-енск-(ий)* и *-инск-(ий)* нового значения или его оттенка в прилагательное не вносят. *Паровиченский* и *паровичский* как относительные прилагательные к топониму *Паровичи* имеют одинаковое значение. Сложные суффиксы здесь излишни, так как и простой суффикс *-ск-* свободно соединяется с основами на *-ич-*: *парович + ский*. Нет надобности опускать *-ич-* и применять сложные суффиксы *-инск-* или *-енск-* — *Давыдичи* — *давыдченский*, поскольку сочетание *-ич- + ский* — *давыдич + ский* легко произносимо. Поэтому новые прилагательные по третьей и пятой моделям в русском языке не образуются.

Семантические, структурные и артикуляционно-произносительные признаки с учетом исторического и современного словоупотребления позволяют выявить такую закономер-

пость: наиболее распространенны в современном русском литературном языке прилагательные, образованные от основ на *-ич-и* при помощи простого суффикса *-ск-* (модель 1). Эти формы имеют многовековую традицию, являются основными в диалектной и литературной речи, в разговорно-бытовой и официально-деловой сферах языка. По первой модели от топонимов на *-ич-и* образуются, кроме уже существующих в языке, следующие прилагательные: 1) от новых топонимов; 2) от старых, у которых в языке еще нет производных прилагательных; 3) от старых и новых, имеющих в диалектной и разговор-

ной речи формы на *-инск-ий*, *-енск-ий*, но не имеющих литературной формы.

По второй, третьей, четвертой и пятой моделям в русском литературном языке новые прилагательные от топонимов на *-ич-и* не образуются, а употребляются лишь традиционные формы, которые вошли в состав официальных названий (сельсоветов, районов, учреждений, предприятий и организаций). При наличии двух или нескольких вариантных форм предпочтение отдается образованиям по первой модели.

*Доктор филологических наук,
профессор*

*В. А. ГОРПИНИЧ
Запорожье*

ГЕРОИКА РЕВОЛЮЦИИ

Петр Орешин

РОДНИК

Во мне забился новый,
Совсем живой родник.
Я человечье слово
По-новому постиг.

Оно звенит и плачет
И чувствует как грудь,
И горю и удаче
Предсказывает путь.

Оно полно томленья,
Отрады и усад,
Когда живут корни
И листья говорят.

Оно полно тревоги,
Когда в бессонный час
Заговoryт не боги,
А лишь один из нас.

Оно светло, как реки,
Как сонмы вешних рек,
Когда о человеке
Затужит человек.

И нет доверья слову,
И слово — пустоцвет,
Коль человечьим зовом
Не зазвучит поэт.

Что мне луна, и травка,
И сад прекрасных роз,
И лиственная давка
Черемух и берез!

Постиг иное слово
Я в буре наших дней:
Природа — очень ново,
Но человек новей!

1926

В этой статье продолжается разговор, связанный с необходимостью разграничивать терминологическое и нетерминологическое употребление слова (см. статью Т. С. Коготковой «Слово в терминологическом и нетерминологическом применении». — «Русская речь», 1975, № 1). В обеих статьях рассматриваются общие вопросы о сложном функционально-стилевом строении русского национального языка в целом, о месте в нем языка многочисленных терминологических систем и о характере терминов в языке терминологических систем и слова в общем литературном языке.

ПОЕЗД

И

СОСТАВ

Содержание термина, как правило, связанное с каким-либо научным, техническим, отраслевым понятием, устанавливается сознательно, по договоренности в среде специалистов. В этом его отличие от слова. Хотя язык терминологических систем как бы искусствен и автономен, тем не менее он постоянно взаимодействует с языком общим, литературным и народными говорами. Общепринятый язык обычно заимствует слова из языка отдельных терминологий, а терминологические системы свои единицы — из диалектов.

Особую сложность представляют такие случаи, когда одно и то же слово может быть термином (является зарегистрированной единицей той или иной терминологической сферы) и нетермином (употребляется в общем литературном языке). Как правило, содержание этих однозвучащих слов не просто близко между собой, а совпадает в основном своем смысловом признаке, например: *дорога* — слово общего языка и инженерно-дорожного; *земля* —

общее слово и как термин в геологии. О подобных словах, выступающих одновременно и в качестве термина и нетермина, писал профессор А. А. Реформатский: «Возможность достаточного контекста... спасает эти термины от неправильного понимания..., но приводит к правильному пониманию термина не всегда» (А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1955, с. 83). Использование слов в функции термина или нетермина хотя и объяснимы общими закономерностями, тем не менее характер их реализации индивидуален, лингвистическая картина неповторима. А это требует особых разъяснений.

Года три тому назад специалист-железнодорожник К. С. Серебров поднял вопрос об использовании слов *поезд* и *состав*. На страницах газет, по радио нередко можно встретить распространенные контексты типа: «Впереди *составов* шли снегоочистители» или «Машинисты провели на участке угольные *составы* со значительным превышением технической скорости». Подобные контексты грамотны с точки зрения литературного словоупотребления и недопустимы в профессиональном языке железнодорожников. К. С. Серебров в связи с этим пишет: «Газеты читает среди прочих читателей и миллионная армия железнодорожников. Конечно, даже железнодорожники, умудренные газетными формулировками, в конце концов привыкнут читать, что машинисты водят на участках не *поезда*, а *составы*... Но ...есть и такие, что не привыкают и болезненно переживают такие бессмысленные выкрутасы».

Почему же использование слов *состав* и *поезд* в приведенных контекстах получает неодобрительную оценку «бессмысленных выкрутасов» у К. С. Сереброва? В языке железнодорожников *состав* и *поезд* — термины, они обозначают разные реалии (предметы) и поэтому ни в каких речевых ситуациях не заменяют друг друга, не могут быть синонимами. У железнодорожников, как это определяет К. С. Серебров: «*Поезд* — вагоны, сцепленные с поездным локомотивом, или самоходные, составленные в определенной последовательности, принятые главным кондуктором (начальником поезда), отправляемые (отправленные) со станции по графику движения поездов под установленным поездным номером; *состав* — вагоны, сцепленные в определенной для формирования поездов последовательности: а) стоящие на запасных, сортировочных или деповских путях станции; б) передвигаемые по станционным путям в процессе маневров; в) поданные под погрузку (посадку), под выгрузку (высадку)». Эти определения в основных признаках совпадают с данными специализированных справочников.

Из терминологических определений следует, что в специальном железнодорожном употреблении невозможно сочетание «Состав находится в рейсе». К. С. Серебров разъясняет этот момент

так: «Наши железные дороги существуют более ста лет, и за это время ни один *состав* не выходил в рейс, имея назначением другую станцию (хотя бы соседнюю). От станции до станции ходят только *поезда* — курьерские, скорые, почтовые, пригородные, пассажирские, фирменные, товарные, маршрутные, санитарные, рабочие, воинские, служебные, экстренные и вспомогательные и т. п. Не может быть на перегоне между станциями поезда без номера, соответствующего его категории. Даже отдельный локомотив (без вагонов) получает поездной номер, то есть оформляется как *поезд*. *Состав* может оказаться на перегоне между станциями только в двух исключительных случаях: 1) когда часть вагонов поезда отрывается (авария!) и остается на перегоне; 2) когда по крайней технической надобности маневренный локомотив выводит не уместяющийся на путях станции формируемый состав за пределы входного или выходного светофора (семафора). *Поезд* перестает быть поездом на конечной станции, когда отцеплен поездной локомотив и маневренный локомотив уводит на запасные пути уже не поезд, а *состав*». Таково реальное соотношение поезда и состава в понимании железнодорожника.

Этому точному и необходимому распределению понятий должно соответствовать и точное употребление терминов *состав* и *поезд*. Однако такого строго предметного (реального) разграничения неспециалисты не проводят, поэтому в общелитературном языке иное соотношение слов *поезд* и *состав*. Железнодорожное значение слова *поезд* фиксируется в толковых словарях начиная с середины XIX века (первая фиксация дана в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г.).

Понятное носителям русского языка с детских лет, имея самое широкое бытовое употребление, слово *поезд* в словарях литературного языка, естественно, не получает каких-либо специализированных помет. Железнодорожное содержание его выражается в определении, которое во всех современных толковых словарях русского языка примерно одно и то же: «Состав из сцепленных между собой железнодорожных вагонов, приводимый в движение паровой, тепловой или электрической тягой». Условия эксплуатации его определяют ряд ведущих признаков, на основе которых в литературном языке создается идиоматическая, то есть присущая только этому слову, сочетаемость. Вот эти признаки: 1) по назначению: товарный, пассажирский, служебный, почтовый, продовольственный, санитарный, специально-оборудованный, курьерский, особый; 2) по скорости движения: скорый, пассажирский; 3) по направлению движения, к чему / от чего: московский, ленинградский, дальневосточный и т. п., сюда же примыкают пригородный, дачный — лексический ряд без ограничения; 4) по времени при-

бытия или отбытия (в соотношении с сутками): первый, последний, утренний, дневной, вечерний, ночной, 9-ти (и т. п.) часовой. Эта сочетаемость идиоматична, ибо неотъемлема от слова *поезд*, в отличие от неидиоматичной: длинный поезд, зеленый поезд, веселый, шумный, ползущий, пустой поезд и т. п.

У слова *поезд* появляется синоним — *состав*. Начало этой синонимизации возникает в условиях одного контекста: «Поезда здесь редки... когда-то один раз в месяц налетит состав» (Иванов. Хлопок).

Главное, что близкие по смыслу слова *поезд* и *состав* в общем словоупотреблении (не у железнодорожников) не выглядят вычурной метафорой и ничем не задевают языкового чувства говорящих. В художественной литературе (по данным картотеки Словарного сектора — Ленинград) *составы* так же, как и *поезда*, могут *бежать*, *лязгать колесами*, *застрывать в пути*, *мчаться* и *ползти* и т. д. В популярной песенке поется: «Тишина над Рогожской заставой, спят деревья у самой реки, лишь *составы* бегут за *составами*, да кого-то кликают гудки», здесь *состав* — это *поезд*, находящийся в рейсе.

Синонимичность слов *поезд/состав* в литературном языке основана на частичном предметном совпадении их: и в том и в другом случае присутствуют сцепленные между собой железнодорожные вагоны. Отсюда возникает и тождественное лексическое окружение. Ср. атрибутивные словосочетания: *железнодорожный поезд/состав*; *пассажирский*, *товарный поезд/состав*; *длинный*, *недлинный поезд/состав*; глагольные словосочетания: *поезд/состав вышел*, *шел*, *двигался*, *бежал*, *маневрировал*, *полз*, *мчался* и мн. др.; *подать поезд/состав*; *осмотреть поезд/состав*, *разгрузить поезд/состав* и т. п. Однако *поезд/состав* — не абсолютные синонимы. Этот момент разъясняется в двухтомном «Словаре синонимов русского языка». Выявляя различия в словах *поезд/состав*, данный словарь подчеркивает два момента: 1) обязательность локомотива (или какой-либо другой тяги) для *поезда* и необязательность ее для *состава*; 2) *поезд* — прежде всего средство передвижения. Эта вторая часть содержания слова *поезд* в широком смысле обращена к человеку и обществу. Поэтому у слова *поезд* возможны такие словосочетания, которые не могут быть у слова *состав*: *билет на поезд* (а не *состав*); *расписание поездов*; *попасть к поезду*; *спешить*, *опоздать на поезд*; *ехать в поезде/поездом*, *уезжать с поездом*, *встречать поезд*, *ошибиться поездом*, *попасть на поезд*, *поезда ходили* (регулярно); *от поезда до поезда*; *поезд-молния*, *поезд-летучка*, *поезд-баня* и т. п.

Этимологическая прозрачность слова *состав* (внутренняя близость к глаголу *составить* — *составлять*, ср. в Словаре В. Даля словообразовательный вариант — *составка*) определяет серию имен-

ных беспредложных словосочетаний с родительным падежом: *состав поезда, состав вагонеток, состав четырехосных вагонов, состав открытых платформ, состав темных теплушек* и т. п. Эти конструкции непривычны со словом *поезд*.

Такова картина функционального распределения слов *поезд* и *состав* в общем, литературном языке, отличная от языка железнодорожно-терминологического. В литературном языке это — синонимы, способные в ряде контекстов заменять друг друга, а в речи железнодорожников по ведущему терминологическому признаку (пробывание в рейсе) слова *поезд* и *состав* разные.

Какова же в таком случае должна быть позиция у составителей толковых словарей русского литературного языка? Известно, что языковой базой для картотек служат извлечения из произведений художественной литературы, прессы, журналов, где семантическое сближение слов *поезд* — *состав* привычно. Словари не могут не показать этой близости, толкуя данные слова. Но чтобы избежать противоречий с языком железнодорожников, составители словарей должны более решительно и последовательно сопроводить слово *поезд* и *состав* отсылками к справочникам железнодорожного специализированного профиля.

Слова, выступающие одновременно то как термин, то как нетермин в разных функциональных системах русского языка, всегда могут затруднить взаимопонимание. В этих случаях роль и ответственность лексикографической работы повышается. Думается, что задача словарей литературного языка и терминологических в примерах, подобных разобранным *поезд* — *состав*, должна быть направлена на устранение явных несоответствий.

Кандидат филологических наук

Т. С. КОГОТКОВА

Рисунки В. Захарова

ОБ ОДНОМ ИЗ САМЫХ УПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СОЧЕТАНИЙ

Язык газеты давно привлекает внимание исследователей. Высказывается справедливое мнение о том, что «без материалов, извлеченных из газет, сейчас становится все более невозможным изучение языка в целом, определение его общих норм и актуальных стилистических разветвлений» (В. Г. Костомаров. Русский язык на газетной полосе. Изд-во МГУ, 1971). Изучение отдельных языковых явлений в газете, сопоставление их с употреблением в других стилях речи дает возможность глубже исследовать язык, его лексику, грамматический строй, выявить характерные ошибки в употреблении слов, грамматических конструкций.

Обследование газет «Правда» и «Известия» (по 10 номеров каждой) с целью извлечения наиболее употребительных сочетаний показало, что чаще всего встречаются служебные слова: составные предлоги, союзы, частицы. Самым частым сочетанием этого типа оказалось *не только*. Оно зарегистрировано во всех номерах газет по 9–11 раз в каждой. Остановимся подробнее на его употреблении и на случаях неправильного построения конструкций с ним.

Не только — это и частица, и часть составного союза. Частицы *не* и *только* образуют устойчивое неразложимое соче-

танце. *Не только* в качестве частицы не отмечено ни в одной из грамматик, не зафиксировано и в толковых словарях русского языка. Между тем *не только* как частица составляет примерно 25 процентов от всего количества употреблений этого сочетания. Предложения, в которые входит эта частица, не закончены по своему содержанию. Сравним ее с *только*.

Только акцентирует внимание на следующем за ним слове, не допуская других характеристик, и это не требует продолжения мысли: «Он играет *только* на рояле». *Не только*, наоборот, требует развертывания контекста — указания на другие объекты, обстоятельства и т. п.: «Он играет *не только* на рояле». При этом частица *не только* также сосредоточивает внимание на следующем за ним слове и занимает место перед тем словом, к которому относится: «Но *не только* кроссами живут в эти дни легкоатлеты. Бегуны на длинные и сверхдлинные дистанции принимают участие в марафонских пробегах» («Правда», 3 октября 1975).

Таким образом, *не только* является структурным элементом определенных синтаксических построений. Это предопределяет возможность использования ее в сложном предложении, где она выступает не просто как отрицательная усиительно-выделительная части-

ца, а выполняет еще и связующую союзную функцию. Предложению с *не только* противопоставляется по содержанию или сопоставляется с ним следующее предложение. *Не только* в данном случае является союзной частицей. Она занимает место перед тем словом или сочетанием, к которому относится: «Цепочка взаимопомощи проходит *не только* через коллективы комбината, она тянется и на соседние предприятия» («Правда», 3 сентября 1976).

Не только является частью составных расчлененных союзов *не только... но и; не только... но; не только... а; составного союза а не только*. Наиболее употребительный из них в газете — *не только... но и...; случаи использования союза а не только* единичны.

Все эти союзы используются в двух случаях. С одной стороны, они служат для градационного сопоставления (сопоставления по степени качества, признака и т. п.) однородных второстепенных членов предложения или однородных подлежащих. При этом могут сопоставляться часть и целое, менее общее и более общее. С другой стороны, с их помощью сопоставляются или противопоставляются однородные сказуемые или части составного сказуемого.

Для градационного сопоставления или противопоставления второстепенных однородных

членов предложения и однородных подлежащих используется преимущественно союз *не только..., но и...* Он стилистически нейтрален, и с этим связано его широкое распространение в языке газеты. Части союза располагаются непосредственно перед теми однородными членами, которые они соединяют: «Соревнование с друзьями дает нам *не только* экономический эффект, *но и* большое моральное удовлетворение» («Правда», 3 октября 1975); «Лазер дает возможность повысить прочность укладки труб, вести работу *не только* днем, *но и* ночью» («Известия», 22 марта 1976).

Союзы *не только..., но...; не только... а...,* наоборот, используются в более экспрессивных контекстах. Об этом свидетельствует употребление усиленных частиц *даже, также,* наречий, не просто усиливающих значимость второй части ряда, но и подчеркивающих выразительность контекста: «Большое внимание уделено сохранению *не только* отдельных исторических архитектурных памятников, *но* даже целых улиц старой Москвы» («Правда», 27 ноября 1975); «Тема эта [историко-революционная] сейчас развивается *не только* вширь, *а* прежде всего вглубь» («Правда», 10 февраля 1976).

С помощью союзов *не только..., но...; не только..., а...* производится обычно сопоставле-

ние действий в пределах сложного предложения. Части союза располагаются непосредственно перед разными сказуемыми или частями составного сказуемого, осложненными, как правило, второстепенными членами. Второе сказуемое или вторая его часть обычно является более весомой, более значимой. Градационное сопоставление или противопоставление второй части усиливается с помощью частиц или усиленных наречий, сочетаний наречного характера: «Он верит, что его сигнал в мастерской или на заводе-изготовителе воспримут предупредительно *и не только* извинятся за случившееся, *а* незамедлительно сделают ремонт» («Правда», 25 октября 1975); «Достаточно сказать, что оно [море] накопит свыше 11 миллиардов воды. Это *не только* в достатке удовлетворит жажду быстро развивающейся индустрии Кузбасса, *но* коренным образом улучшит гидрологический режим реки, оздоровит ее, сделает ее судоходной» («Известия», 14 марта 1976).

Таким образом, сочетание *не только,* самое употребительное в языке газеты, является частицей и частью составного союза. *Не только* входит в состав расчлененных союзов *не только..., но и ...; не только..., но...; не только..., а...;* составного союза *а не только.* Следует подчеркнуть, что этот союз соединяет члены предложения, и

логически и синтаксически однородные, поэтому части союза располагаются, как правило, непосредственно перед однородными членами предложения. Разделять их могут лишь усилительные частицы, наречия, паречные сочетания.

Отклонения от нормы при построении конструкции с союзами *не только..., но и...*; *не только..., но...*; *не только..., а...* связаны с недостаточно четким пониманием существа этих конструкций.

Союз *не только..., но и...*, как было сказано, связывает однородные члены предложения. Нормой является постановка первой и второй части союза непосредственно перед теми членами предложения, которые входят в градационный ряд, сопоставляются. Вот примеры: «Под тяжестью обледенения не устояли *не только* хрупкие деревья, *но и* некоторые металлические опоры и столбы с проводами» («Правда», 27 ноября 1975); «Важно использовать каждый погожий час, добиваться *не только* высокой производительности техники, *но и* хорошего качества „белого золота“» («Правда», 3 октября 1975); «Сжатая под давлением более ста атмосфер водяная струя *не только* рушит угольный пласт, *но и* переносит отбитый уголь к отвалу» («Правда», 20 января 1976).

Довольно часто встречаются отклонения от нормы при употреблении союза *не только..., но и...* в тех случаях, когда сопоставляемые члены представляют собой сочетания с предлогами. Правильным является повторение предлога перед каждым из однородных членов. Предлог осуществляет связь имени существительного (или его заместителя) с другими словами в предложении. А поскольку однородные члены, соединяемые расчлененным союзом *не только..., но и...*, часто являются распространенными и находятся в разных частях предложения, то повторение предлога перед ними делает конструкцию более четкой. Ведь предлог в предложении вместе с именем представляет единое целое: «Речь идет *не только* о конкретных произведениях советской литературы, *но и* о самом духе ее, созвучном сегодняшнему дню» («Правда», 13 марта 1976).

Пропуск предлога перед вторым однородным членом делает конструкцию менее четкой, а иногда и двусмысленной: «Отсюда упакованную в огромные тюки, картонные и деревянные ящики рыбу отправляют *не только* в различные города страны, *но и* соседние государства» («Правда», 20 января 1976); следовало бы: *но и в* соседние государства. «Медвежью услугу оказывают детям те родители, которые стараются уберечь своих сы-

новой и дочерей *не только* от труда физического, *но и* труда учебного» («Известия», 22 ноября 1975); надо бы: *но и от труда учебного.*

Если союз *не только... но и...* соединяет сопоставляемые части сложноподчиненного предложения, то подчинительный союз или соотносительное слово повторяется после каждой части союза: «Нехватка механизаторов объясняется *не только* тем, что их мало готовится для сельского хозяйства, *но и* тем, что многие уходят на работу в другие отрасли» («Известия», 14 февраля 1976). Пропуск союза или соотносительного слова перед второй частью союза делает такое предложение менее четким: «Именно школьный педагог должен... помочь как можно точнее скорректировать „хочу“ и „могу“, думать *не только* о том, подходит ли я, имярек, избранной мною профессии, *но и* подходит ли она мне» («Известия», 6 февраля 1976); следует: *но и о том, подходит ли...*

Составное сказуемое может включать слова *надо, нужно, должно, намечено* и т. п. с однородными глаголами неопределенной формы: *надо прийти и взять книги; намечено построить и отремонтировать дома.* Слова *надо, нужно, намечено, должно* и т. п. относятся к тому и другому глаголу неопределенной формы. Поэтому когда в предложении с таким оборотом употребляется союз *не*

только... но и..., то его части располагаются непосредственно перед каждым из однородных членов, перед глаголами неопределенной формы. Слова *надо, нужно, должно* и т. п. находятся перед союзом; это значит, что они связаны с каждой из частей, им соединяемых: «Надо *не только* привлекать, *но и* стимулировать тягу пенсионеров к общественно полезному труду» («Правда», 10 февраля 1976); «Прямо скажем, это не легкая задача, но мы сделаем все, чтобы ее решить. Для этого намечено *не только* строить новые животноводческие комплексы..., *но и* реконструировать существующие, перспективные фермы» («Известия», 29 февраля 1976).

Нарушением нормы являются также предложения, в которых слова *надо, нужно, можно* и т. п. входят в одну из частей, соединяемых союзом: «В результате даже первоклассник совершенно не приспосабливается к жизни: он *не только* не может сам разогреть свой обед, *но и* сосредоточиться на занятиях, занять себя, организовать игру со сверстниками» («Известия», 22 ноября 1975); следует: «Он *не может не только* сам разогреть свой обед, *но и...*».

При градационном сопоставлении действий в конструкциях с союзами *не только... но...; не только... а...* части союза располагаются непосредственно перед сказуемыми. Наруше-

ние этого правила делает конструкцию недостаточно четкой: «Актерский ансамбль, представляющий труппу во всех поколениях, свидетельствует не только о высокой культуре театра, но в который раз доказывает, что лучший ансамбль — собрание индивидуальностей» («Правда», 3 октября 1975) — первая часть союза занимает место не перед сказуемым, а после него; следует: «Актерский ансамбль... не только свидетельствует...».

Если сопоставляются части составного сказуемого, то части союза не только..., но...

располагаются перед темп частями сказуемого, которые сопоставляются. Нарушением нормы является такое построение, когда первая часть союза помещается после обеих частей составного сказуемого: «Кинематографисты стараются показать не только новые строительные площадки, но хотя бы пунктиром наметить и портреты строителей магистрали» («Правда», 3 сентября 1975); следует: «...стараются не только показать...».

Доктор филологических наук
Р. П. РОГОЖНИКОВА

ГЕРОИКА РЕВОЛЮЦИИ

Виссарион Саянов

РУССКАЯ РЕЧЬ

Не говор московских просвирен,
Но сердцем старайся сберечь,
Как звездное небо России,
Обычную русскую речь.

Ее не захватишь в устavy —
Звенит, колобродит, поет
С частушкой у вербы кудрявой,
С тальянкой у Нарвских ворот.

Бегут перелеском проселки...
У волжских больших переprav
Поют на заре комсомолки
О девушках наших застав.

Ведь светлое очарованье
Ты каждому сердцу даешь,
И что для тебя расстоянье —
Ты в мире, как в песне, живешь.

Ты рано меня приласкала,
Но крепче слова приторочь
Под режущим ветром Байкала,
В сырую балтийскую ночь!

1925

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЧЕХОСЛОВАКИИ

общественным функциям русского языка в Чехии и Словакии с древнейших времен до современного периода посвящена эта статья. Мы расскажем о ряде важнейших проблем, связанных с историей их возникновения и развития.

1. С каких исторических времен можно наблюдать возникновение общественных функций русского языка на территории ЧССР, в каких сферах, с какой интенсивностью?

Можно считать, что древнерусский язык начинает употребляться в Чехии и Словакии не позже X века. Известны, например, сообщение от 965 года купца Ибрагима ибн Якоба о русских купцах в Праге и данные о торговых,

дипломатических отношениях Киевской Руси с Великоморавской державой (См. сб. *Cesko-sovětské vztahy, Praha, 1972, Universita Karlova*).

Начало общественных функций русского языка в политической и культурно-бытовой сферах надо искать, на наш взгляд, не только в участии древнерусского языка в удовлетворении потребностей и целей двусторонних государственных отношений Чехии и Руси, но и в его роли посредника (наравне с чешскими и старославянскими языками) между восточной и западной культурами.

Существуют исторические данные о том, что с давних времен члены княжеских семей Чехии и Руси заключали взаимные браки для укрепления государственных связей и что монахи, знающие латынь, старославянский язык и другие языки славян, были постоянными членами свит князей.

Употребление древнерусского языка в Чехии и Словакии (как и употребление старославянского языка) проходило с самого начала в трудных условиях борьбы интересов западного и восточного миров. В области языковой политики это проявлялось в усиленном распространении латинского и немецкого языков в ущерб всем славянским. Однако, потребность непосредственного участия древнерусского языка в общественной практике Чехии и Словакии была явной: древнерусский язык употреблялся во всех основных сферах общественной жизни (производственно-экономической, общественно-политической и культурно-бытовой).

2. Развитие общественных функций русского языка в производственно-экономической сфере.

После распада Киевской Руси и Великоморавской державы наступает период, когда в чешской, словацкой и русской торговле появляются разные посредники (немецкие, польские, венгерские, татарские и др.). В это же время усиливаются и разного рода препятствия в виде административных запретов, ограничений (См. об этом подробнее в книге: Florovskij A. V., *Česko-ruské obchodní styky v minulosti*, Praha, 1954). И все-таки засвидетельствованы русские слова торгового обихода в чешском языке (*sobol*, *sorok*, *šuba*) и, наоборот, в русских списках товаров — чешские названия, например, *муравское сукно*.

Основную черту общественных функций русского языка в производственно-экономической сфере Чехии и Словакии мы усматриваем в том, что он использовался как язык «беспереvodный», то есть понятный чеху и словаку и позволяющий им пользоваться своим родным языком при общении с русскими. В подтверждение этому можно привести следующий пример: словацкие и чешские ремесленники (точильщики ножей, лудильщики, продавцы разных сортов масла) к своим путешествиям по русской земле специально не готовились, рассчитывая на то, что они смогут договориться с русскими на своих родных языках. Наоборот, перед хождениями в Германию чешские и словацкие ремесленники специально переселялись на некоторое время в края со смешанным чешско-немецким населением. Постепенно возникали и общественные требования хорошего знания русского языка. Так, известно из сообщения чешского дворянина Мартиня Кабатника (XV в.), путешествовавшего в страны Европы и Египет, что ему дали переводчика (араба?), говорившего на русском языке.

Это не только означает, что русский язык был одним из междуна-родных языков торговли, но также и то, что в Чехии были специа-листы по русскому языку (См. об этом свидетельства в кни-ге: «Русский язык в современном мире» под редакцией Ф. П. Фи-липпа, В. Г. Костомарова, Л. И. Скворцова. М., 1974).

В дальнейшем, когда Чехия и Словакия стали составными частями Австро-Венгрии, происходит онемечивание чешского и мадьяризация словацкого народов. Но даже и в это время требо-вания практики заставляли тех или иных специалистов зани-маться русским языком и целенаправленно использовать его. Из-вестно, например, что время от времени в Чехию прибывали рус-ские мастера стекольной промышленности, а чешские специали-сты помогали развивать эту промышленность в России. Для та-ких непосредственных контактов «производителей» использование немецкого языка в качестве языка-посредника было нецелесооб-разным. Принимая во внимание, что знакомство с русским язы-ком имело в Чехии в XIX—XX веках довольно сильную тради-цию, можно сделать вывод, что такое общение проходило на рус-ском языке.

После распада Австро-Венгрии и образования самостоятель-ной Чехословацкой республики в 1918 году, расширение общения на русском языке в сфере производственно-экономической про-исходит не сразу. Настроенная антикоммунистически буржуазия препятствовала экономическим контактам с Советским Союзом, несмотря на то, что уже в 1920 году реалистически смотрящие на дело чешские коммунисты обратились к правительству с тре-бованием завязать прочные экономические связи с «новой Рос-сией». Однако, экономическая потребность рынков для чехосло-вацкого товара (особенно в годы кризисов) заставила правящие круги Чехословакии пересмотреть экономическую политику в от-ношении СССР. Большую роль в этом деле сыграли Коммунисти-ческая партия Чехословакии (КПЧ) и Общество чехословацко-со-ветской дружбы, сумевшие показать рабочим, что в сотрудниче-стве с СССР — выход из кризисного положения в Чехословакии. Возникают единичные контракты и более или менее долгосроч-ные договоры. Существуют данные, что очень инициативно вели себя в рассмотрении чехословацко-советских контактов острав-ские заводы, например, Витковичский железнодорожный. В це-лом торговля с СССР занимает в это время около 3% в валовой торговле обеих стран.

Таким образом, постепенно возникает и потребность в спе-циализированных технических и коммерческих переводчиках. Сначала они отбирались из чехов и словаков, знающих русский язык, или из русских, знающих чешский, а позже несколько ком-

мерческих училищ в Праге, Острове, Братиславе пачали специальную подготовку таких переводчиков.

Рассмотрение общественных функций русского языка в производственно-экономической сфере Чехословакии можно также подкрепить следующим примером: в чехословацкие кооперативы в СССР («Интергелпо», «Рефлектор» и др.) уезжали рабочие, владеющие русским языком.

Во время второй мировой войны русский язык потерял общественные функции в производственно-экономической жизни оккупированной Чехословакии, но тем не менее он изучался и чехами, и словаками, которые видели в нем опору в борьбе с фашизмом, символ веры в будущее.

3. Какие общественные функции выполнял русский язык в общественно-политической сфере Чехии и Словакии?

Контакты в общественно-политической сфере происходили по линии дипломатических отношений (переговоры, договоры) и во время совместных военных действий. Для дипломатических переговоров князья включали в свои свиты монахов, знающих старославянский и русский языки (в древнерусских диалектах). Первым чешским королем, который знал пять иностранных языков, был Карл IV (Сын Иоанна Чешского, он родился в Праге; с 1334 года управлял Моравией и Чехией; с 1346 года — император Священной Римской империи). Карл IV знал старославянский язык, покровительствовал ему и выдал закладную грамоту на основание монастыря для славян в пражском предместье с тем, чтобы богослужение совершалось на славянском языке.

Может быть, специально с точки зрения языка подготовились к политической миссии в Россию гуситы Ероним Пражский и Ян Рокита. Они задумали распространить гуситскую идеологию в России, используя некоторые похожие обряды культа. На поддержку России гуситы рассчитывали в борьбе против католического запада. Рокита был даже допущен к царю Ивану IV, вел с ним дискуссии (есть данные, что на русском языке); получил послание от царя, который, однако, выразил свое отрицательное отношение к гуситской идеологии.

Специальную подготовку по русскому языку получали и чешские монахи-иезуиты, отправлявшиеся на Русь для распространения католичества. Один из них — Тихановский — написал даже учебник русского языка. Из приведенных примеров видно, что в сфере общественно-политической русский язык был средством идеологической деятельности чехов в России.

Быстрому развитию общественных функций русского языка способствовало пребывание русских войск в Чехии (помощь русских царей Австро-Венгрии, особенно в наполеоновских вой-

пах). Именно к этому периоду относится первое движение за овладение русским языком в Чехии и частично в Словакии. Чехи и словаки не только хотят ближе познакомиться с русскими солдатами, но, изучая русский язык, они демонстрируют свою принадлежность к славянам, ищут у «великого славянского брата» защиту против онемечивания нации.

Второе массовое движение в Чехии и Словакии за овладение русским языком начинается в 60-е годы XIX века и носит также политический характер. Чешские политики и деятели культуры едут в Москву на славянский съезд, демонстрируя тем самым свое выступление против австрийских властей. Эта антиправительственная демонстрация вызвала огромный интерес народа к русскому языку. Чешский писатель Ян Неруда написал фельетон «Грамматическое течение», особо выделив мысль о том, что истинно народным движением является движение, в котором «извозчики, поварахи и др. рабочие на работе учили русский» («Květu», 28 июля 1867).

Политический характер имеют и движения чешского и словацкого народов за овладение русским языком во время русской революции 1905 года и первой мировой войны. А в период буржуазной Чехословацкой республики чешский и словацкий пролетариат даже выдвинул лозунг «Говорить по-русски». Это означало: не только знать русский язык, но и учиться по примеру русского пролетариата «разговаривать с буржуазией», то есть воевать за свои права. И, наконец, во время фашистской оккупации в Чехословакии возникают кружки русского языка, которые становятся символом интернациональной борьбы с фашизмом.

4. Какие общественные функции выполнял русский язык в культурно-бытовой сфере до 1945 года и какие основные черты этого развития можно выделить?

Русский язык в Чехии и Словакии развивается с самого начала как явление, связанное с пониманием славянской общности, единой славянской культуры. Хорошо известно, какую большую роль сыграл старославянский язык в развитии славянской культуры и письменности, но еще недостаточно проанализированы факты дальнейшей его истории на территории Чехии и Словакии. Близость русского и чешского языков, их генетическое родство были научно засвидетельствованы в эпоху гуманизма. Так, в предисловии к чешскому изданию Московской хроники чешский гуманист Даниэл Адам из Велеславина (1546—1599) писал об общем происхождении чешского и русского языков. В том же веке Филономус Бенешовски издает этимологический словарь чешских слов, в котором для раскрытия их этимологии постоянно использует русские выражения.

Сознание близости, родства чешского, словацкого и русского языков было особенно сильным в период временной потери политической самостоятельности Чехии и Словакии. В борьбе против онемечивания и мадьяризации, стремясь сохранить родные языки, чешская и словацкая наука делает главный упор на русистику. Для пополнения чешского и словацкого языков на научной основе производится тщательный отбор русских слов, научный сопоставительный анализ обоих языков с русским, наконец, устанавливаются многочисленные контакты с русской литературой.

Общезвестно, что не только отдельные слова, но и целые терминологические пласты чешского языка были построены с помощью заимствований из русского, например, в области философии (А. Марек) и естествознания (Ян Эвангелиста Пуркине). Все грамматики и учебники русского языка с времен Добровского основаны на научном сопоставлении русской и чешской грамматической и словарной систем. Если учесть, что в течение десяти лет (1857—1867) для чехов были выпущены учебники русского языка Ганки, Микеша, Коларжа (причем учебник Микеша, наиболее известный из них, был выпущен с мая по июль 1867 года в четырех изданиях, общим тиражом 17500 экземпляров), что курсы русского языка печатались в журналах и газетах того времени, то становится понятным, насколько вырос благодаря изучению русского языка культурный уровень чешского и словацкого народов. Журнал «Покрок» (Прогресс) напечатал 17 марта 1878 года: «Знание русского языка станет скоро характерной чертой каждого чеха, который хочет принадлежать к образованному обществу». И Йозеф Юнгман выразил свое убеждение прямо пророчески: «Недалеко то время, когда Европа будет учить русский язык, как сейчас учит английский».

Все видные литературные деятели из чехов и словаков владели в той или иной степени русским языком, некоторые из них использовали его знание и для переводов произведений русской литературы на родные языки (Колар, Майерова, Фучик и др.).

Следует добавить, что русский язык часто становился участником и помощником в развитии культурных контактов в широком понимании. Так, например, известно, что в России в XIX веке существовало чешское спортивное общество «Сокол», члены которого достаточно хорошо владели русским языком. До сих пор в русском языке существует ряд калькированных чешских слов, например, спортивные термины: *разножка*, *склонка*.

Итак, с точки зрения истории, в развитии общественных функций русского языка в Чехии и Словакии до 1945 года можно выделить два периода: 1) с X века и, примерно, до XVIII века и 2) с середины XIX века до 1945 года.

При исследовании исторического развития общественных функций русского языка мы стремились доказать, что он был на территории Чехии и Словакии прежде всего политическим фактором.

Общественная, и прежде всего политическая, значимость русского языка на всем протяжении истории чешского и словацкого народов до 1945 года приводила к тому, что русский язык учили и употребляли не как язык иностранный, а как родственный, близкий.

Сброшенная фашистами на Москву во время войны 1941—1945 годов бомба, неразорвавшаяся потому, что вместо запала в нее был вложен русско-чешский словарь, является показателем истинных чувств любви и уважения чешского и словацкого рабочего класса к советскому народу.

ПОЗЕФ СКАЦЕЛ

ГЕРОИНКА РЕВОЛЮЦИИ

Николай Тихонов

СОВЕТСКИЙ ФЛАГ

Флаг, переполненный огнем,
Цветущий, как заря,
И тонким золотом на нем
Три доблести горят:
То молот вольного труда,
Серпа изгиб литой,
Пятиконечная звезда
С каймою золотой.

Был побежден народный враг
Народною рукой,
И сто народов этот флаг
Взывают над собой —
На самой высшей высоте,
На самой дальней широте,
Среди полей и городов,
Меж волн бесчисленных рядов.

В нем — человечеству привет,—
И проще в мире флага нет,
В нем — нашей славы жаркий цвет,—
И жарче в мире флага нет,
В нем — нашей силы грозный свет,—
Сильнее в мире флага нет;
В нем — правда наших красных лет,—
Правдивей флага нет!

«Я РУССКИЙ БЫ ВЫУЧИЛ ТОЛЬКО ЗА ТО, ЧТО ИМ РАЗГОВАРИВАЛ ЛЕНИН»

русский язык — это язык, который дает нам возможность знакомиться с сокровищами не только русской и советской науки и культуры, но и с наукой и культурой всего мира. Посредством этого языка развиваются всесторонние политические, культурные и экономические связи не только с народами СССР, но и с другими народами, прежде всего социалистических стран. Русский язык с полным правом считают языком прогресса и мира. Между чехословацким и советским народами существует глубокая нерушимая дружба. И поэтому наш народ проявляет самое искреннее отношение к языку советских друзей. С давних времён в нашей стране существует тради-

ция отношения к русскому языку как к языку родственному, близкому. А после освобождения нашей страны Советской Армией в 1945 году русский язык стал одним из обязательных предметов во всех школах, причем последние десять лет он изучается с четвертого класса.

После Февральской победы нашего трудящегося народа, 29 годовщину которой мы отметили в этом году, были созданы Народные курсы русского языка. Их задача: дать нашим трудящимся основные знания русского языка. Народные курсы русского языка стали органической частью деятельности Союза чехословацко-советской дружбы и общественной жизни в Чехословакии.

Сотням тысяч граждан нашей республики представилась возможность учить русский язык, читать книги на русском языке, разговаривать с советскими друзьями. И в крупных городах, и в

небольших населенных пунктах возникло очень много кружков друзей русского языка, клубов русского языка. Их цель — помочь углублению языковых знаний, приобретенных в школе или на курсах. Работа в кружках и клубах организована так, что все слушатели могут читать советские газеты и журналы, встречаться с гостями из СССР, просматривать диафильмы о Стране Советов, переписываться с советскими друзьями.

Кроме обязательного изучения русского языка в школе, массового обучения на курсах и в клубах, огромной популярностью пользуются у нас конкурсы и олимпиады. Самым грандиозным является ежегодный конкурс под названием «Памятник Пушкину». На нем читаются стихи русских и советских поэтов, поются русские и советские песни, ставятся пьесы советских драматургов. Подготовка к конкурсу проходит с большим подъемом, хорошим настроением, у людей пробуждается интерес к культурному наследию советского народа. И конечно, все это воспитывает, особенно у молодежи, чувство интернационализма. Можно без преувеличения сказать, что конкурс «Памятник Пушкину» сыграл значительную роль в политической консолидации нашего общества. С каждым годом растет массовость конкурса и его культурно-политическое влияние. Так, если в 1970 году в конкурсе приняли участие 24 тысячи чехов и словаков, то в 1974 году — 75 360 человек, а в 1975 году — уже 1 166 000 человек.

Воспитанию молодежи в духе пролетарского интернационализма содействуют интернациональные лагеря. Они имеют уже многолетнюю традицию, и поэтому их число увеличивается. Также увеличивается число лекторов, которые ежегодно принимают участие в этих лагерях. С 1973 года в работу лагерей включились пионеры — дети советских военнослужащих. Они помогают нашим ребятам больше говорить по-русски, больше узнать об СССР.

Можно констатировать, что эти и другие молодежные лагеря, в которых изучается русский язык, очень популярны, вызывают огромный интерес нашей молодежи к советской действительности.

За последние годы по телевидению увеличилось число программных передач уроков русского языка, советских фильмов на русском языке. Растет число подписчиков на советские газеты. С удовольствием мы читаем журналы «Русский язык за рубежом» и «Русскую речь».

Главным организатором и пропагандистом обучения русскому языку в ЧССР является Союз чехословацко-советской дружбы. Этот Союз использует все возможности для того, чтобы русский язык стал более понятным и близким нашему народу.

В этом году весь прогрессивный мир отмечает шестидесятилетие Великой Октябрьской социалистической революции, кото-

рая открыла возможность для миллионов людей начать новую жизнь. Нельзя представить себе события в России 60 лет тому назад без великого вождя русского и мирового пролетариата — Владимира Ильича Ленина. Идеи Ленина осуществляются уже во многих странах мира.

Мы, чехи и словаки, хотим выучить русский язык для того, чтобы в подлиннике, без перевода, читать произведения этого титана мысли. Мы хотим и будем говорить на русском языке именно потому, «что им разговаривал Ленин».

ВЛАДИМИР ГРУБЕШ

ГЕРОИНКА РЕВОЛЮЦИИ

Василий Казин

СНИМОК

На нем — ни одной из любимых.
Не встретишь ни мать, ни родню.
Но есть он, чуть выцветший снимок,
Который я свято храню.

Взгляну ль на него ненароком
Иль брошу сознательно взгляд —
Вскипая в волненье глубоко,
По-детски и горд я, и рад.

Взволнуюсь я чуда явленьем.
И взгляд мой затеплит слеза:
Со снимка засветится Ленин,
Как счастье, ворвавшись в глаза.

Он вспыхнет, подпертый толпою,
Такой весь до кепки родной,
С такою фигурой простою
Под древней кремлевской стеной.

Стоит он, мудрец-покоритель
Врага, закрывавшего свет,
Великий наш первоучитель,
Провидец всех наших побед.

И глаз пронизательный щуря,
Следит он, как в зорях знамен
Шагает Октябрьская буря,
Шумит непреклонность колонн.

И вздрогну я с чувством священным,
Как гляну в удачу свою,
Что с ним, с дорогим, с незабвенным,
Я рядом, мальчишка, стою.

По карте Родины

Новые

названия

на карте

СССР

ИЗУЧЕНИЕ географических названий дает возможность узнать не только о многих интереснейших страницах в истории нашей Родины, но и лучше понять то новое, чем богат сегодняшний день Советской России. Современная географическая карта с особенной наглядностью и полнотой отражает изменения, происшедшие в жизни республики Советов за 60 лет. Географические названия (топонимы), возникшие в первые годы Советской власти, а также и те, которые появились на карте совсем недавно, являются не просто приметой времени — они могут о многом рассказать...

Историко - революционное прошлое нашей страны закреплено в ряде топонимов, рожденных Великим Октябрем и известных сегодня во многих уголках земного шара. С особой любовью советские люди относятся к географическим названиям, связанным с именем В. И. Ленина и присвоенным десяткам городов и поселков Советского Союза: Ленинград, Лениногорск в Восточно-Казахстанской области, Ленинск-Кузнецкий в Кемеровской области, Заветы Ильича в Хабаровском крае и другие.

В целом современные географические названия, отражающие историческое развитие нашей страны, пред-

ставляют довольно многочисленную группу. Они достаточно выразительны по своему содержанию и особых комментариев не требуют: город Октябрьск в Актюбинской и Куйбышевской областях, острова Большевик, Пионер и пролив Красной Армии в Северном Ледовитом океане, города Комсомольск-на-Амуре, Советская Гавань; поселки Красное Знамя в Туркменской ССР, Красные Баррикады в Астраханской, Красные Ткачи в Ярославской, Красный Профинтерн в Донецкой областях и т. д.

Ускоренные темпы индустриального развития, большие масштабы промышленного и гражданского строительства, освоение новых месторождений полезных ископаемых — все это закономерно определяет бурный рост числа городов, не обозначенных ранее на географической карте. Согласно статистическим данным, в Советском Союзе ежегодно возникает около 20 новых городов и рабочих поселков. Каждый из них получает при рождении свое имя, выбор которого всегда мотивирован теми или иными объективными причинами: географическими особенностями местности, историей края, его сегодняшним днем и прочим.

В настоящее время особенно активными стали процессы присвоения названий, отражающих нашу советскую действительность во всех ее проявлениях. Некоторые из таких выразительных названий, как Дивногорск в Красноярском крае и Братск в Иркутской области еще недавно, в 50—60-х годах, были лишь в обиходе архитекторов-проектировщиков и строителей, а сегодня они стали вполне привычными почтовыми адресами. О величайших гидроэлектростанциях на Енисее и Ангаре знают теперь во всем мире.

Ряд городов и поселков переживает в наши дни как бы свое второе рождение. Так, город Набережные Челны Татарской АССР возник еще в 1930 году, но получил широкую известность сравнительно недавно в связи со строительством крупнейшего гиганта советской автомобильной промышленности — Камского автозавода.

Город Тольятти в Куйбышевской области (бывший Ставрополь), названный так в 1964 году в честь выдающегося деятеля международного коммунистического движения Пальмиро Тольятти (1893—1964), за последнее

время стал часто упоминаться на страницах печати как родина популярных автомобилей «Жигули».

Мало кто знал раньше о поселке Байконур в Казахской ССР. Теперь имя одного из крупнейших космодромов Советского Союза известно далеко за пределами страны. Именно оттуда 12 апреля 1961 года стартовал в космос Ю. А. Гагарин. (См.: Э. М. Мурзаев. Байконур. — «Русская речь», 1976, № 3.)

Высокий уровень экономического и социального развития, достигнутый каждой союзной республикой за 60 лет, приводит к естественному укрупнению населенных пунктов. Ведь строительство современных заводов, фабрик, гидроэлектростанций, их последующая эксплуатация требуют значительного количества квалифицированных рабочих. Поэтому прямым следствием рождения крупных промышленных предприятий является большое жилищное строительство. Возникают новые рабочие поселки, а из рабочих поселков постепенно вырастают города. Так, например, в 1975 году в результате объединения поселков Маклаково и Новомаклаково в Красноярском крае появился новый город — Лесосибирск. В том же году стали называться горожанами жители таежного поселка Тындинский, расположенного на трассе Байкало-Амурской магистрали. Ныне город Тында стал столицей БАМа.

Отдельные топонимы, возникшие на карте нашей Родины за годы Советской власти, дают четкое представление о ведущей отрасли в экономике той или иной союзной республики, о разработке новых месторождений полезных ископаемых, о роде занятий жителей города. Достаточно выразительны названия молодых городов и поселков, выросших в 30—40-х годах: Антрацит в Ворошиловградской области, Асбест в Свердловской области, Зерноград в Ростовской области, Нефтекамск в Башкирской АССР, Марганец в Днепропетровской области, Гуматигас в Грузинской ССР, Никель в Мурманской области, Газли в Узбекской ССР, Каринторф в Кировской области, Рыбачий в Калининградской области и другие.

Не менее знаменательно, что особую группу среди географических названий, своеобразно отражающих новое в жизни нашей страны, составляют топонимы, начинаю-

щиеся с *Ново-*. В основном это имена, присвоенные городам и поселкам, возникшим в советское время. Например, Новосокольники в Псковской области, Новокуйбышевск в Куйбышевской области, Нововолынск в Волынской области, Новомичуринск в Рязанской области и десятки других.

Интересно, что словообразовательная модель, по которой строятся названия данного типа, не является новой в русской топонимии: ведь такие названия, как Новохоперск, Новоржев, Новоград-Волынский появились еще в XVIII веке. Однако подобных топонимов, возникших в более ранние эпохи, нам неизвестно. В «Книге Большому Чертежу», памятке XVII века, полно отражающей систему географических названий России, сложившуюся к концу XVI века, нет ни одного топонима, начинающегося с *Ново-*, хотя представлены единичные примеры названий типа Новгород-Великий, Новгород-Нижний, Новгородок-Северский.

Индустриальным новостройкам первых пятилеток обязаны своим рождением города и рабочие поселки, появившиеся в 30—40-х годах. Например, Новокузнецк, Новомосковск, Новотроицк, Новоэкономическое, Новоасбест и т. п. Строительство большого химического комбината в Витебской области БССР привело в 1963 году к рождению города Новополоцка. В связи со строительством Нововоронежской АЭС появился в 1958 году поселок городского типа Нововоронежский. В 1961 году в Оренбургской области недалеко от Орско-Халиловского металлургического завода выросли поселки Новоорск и Новорудный.

За годы Советской власти во многих городах появились крупные промышленные предприятия. Они также получили современные имена. Широко известна в нашей стране продукция Новолипецкого металлургического завода (г. Липецк), Новокраматорского машиностроительного завода (г. Краматорск), Новоспасского цементного завода (г. Спасск-Дальний) и других.

Как показывает анализ географических названий, содержащихся в справочнике «СССР. Административно-территориальное деление союзных республик» (М., 1974), всего насчитывается более ста названий городов и посел-

ков городского типа, возникших за период с 1920 по 1974 год. Причем особенно много названий с элементом *Ново-* было дано в 50—60-х годах (51 название). Именно тогда появились на карте ныне уже знакомые топонимы: Новольвовск, Новоайдар, Новомиргород, Новопсков и другие.

Выбор подобных названий удобен тем, что образующиеся пары топонимов создают известную преемственность в общей системе географических названий и позволяют увидеть связь исторического прошлого с настоящим (ср. Полоцк — Новополоцк, Ульяновск — Новоульяновск). В некоторых случаях эти названия географически четко указывают на то, что недалеко от нового города-спутника расположен старый город. Действительно, Новоульяновск находится всего в 26 км от Ульяновска, а Новополоцк — в 12 км от Полоцка и т. д.

Однако бурный рост новых названий на карте нашей Родины внес определенную непоследовательность в их правописание. Так, в газете «Советская Россия» (10 марта 1977) на одной и той же странице встречаем: Ново-Куйбышевский нефтеперерабатывающий завод и Нововоронежская АЭС. Подобный разнобой в написании заставил лингвистов дать ряд рекомендаций о том, как следует орфографически правильно оформлять новые топонимы, в частности, названия, начинающиеся с *Ново-*. В специальной статье «Неупорядоченное написание», напечатанной в журнале «Русская речь» (1975, № 1), дана обоснованная рекомендация писать топонимы данного типа слитно.

Итак, названия, появившиеся на карте нашего государства за более чем полувековую историю его существования, убеждают нас в том, что выбор географического имени никогда не бывает случайным. Географическое название несет конкретную информацию о том или ином объекте. А географическая карта наглядно отражает появление новых названий, созвучных нашему времени, нашей советской эпохе.

А. В. БАРАНДЕЕВ

В ДАННОЙ статье рассматриваются топонимы окрестностей поселка Нювчим Сыктывдинского района Коми АССР.

Контактирование языка коми и русского проявляется прежде всего в лексических, а в диалектах обоих языков — в фонетических и грамматических заимствованиях.

Лексические заимствования русским языком элементов из языка коми очень ярко отражаются в топонимике.

Своеобразный русский островок, окруженный коми селениями, возник здесь в 1756 году в связи со строительством железоделательного завода при впадении речки Дендель (коми Динъ-ёль) в приток реки Сысолы Нювчим. Главное ядро заводских рабочих составляли купленные в разных имениях России крепостные крестьяне. Точных указаний о том, откуда именно они были привезены, не имеется.

Известны лишь фамилии значащихся в ревизских списках крепостных Нювчимского завода, вероятно, составлявших коренное население поселка: Забалуевы, Леушины, Воробьевы, Соколовы, Соболевы и др. Очевидно, первые русские были привезены на Нювчимский завод с территорий, пограничных с коми краем. Так, фамилии Маракулины, Кармановы еще в 1859 году числились государственными крестьянами Вятской губернии Слободского уезда.

Некоторые топонимические названия, появившиеся с приходом в данную местность русских, — Забалуевский Дендель, Воробьевский мыс, Леушинский рудник, Колесовская пожня, Денисовский малинник и другие — подтверждают мысль о том, что упомянутые посетители фамилий составляли коренное русское население Нювчима. Местная топонимика, включающая и коми слова, свидетельствует о том, что русское население здесь является пришлым. Экономические связи и культурное общение не могли не сказаться на языке местных коми, также и русская речь жителей Нювчима не может не испытывать влияния коми языка.

Топонимика окрестностей поселка Нювчим отражает особенности рельефа, природных условий, занятий населения, экономики местности. На юге и востоке от поселка у реки Нювчим — 13 притоков, из которых реки Дендель и Большая Кузь-Ель имеют в свою очередь притоки (у реки Дендель — Томов Шор. У реки Большая Кузь-Ель — Большой Поншор и Малый Поншор).

Реки имеют русские и коми названия. Например, шесть притоков реки Нювчим (Воробьев Лог, Ерофьев Лог, Сурнинов Лог, Грунин Лог, Шарапов Лог, Камбалов Лог) представляют собой составные, двусловные наименования, в первую часть которых входят слова, образованные от имен и фамилий с помощью суффиксов со значением принадлежности *-ин, -ов, -ев*. Слово *лог* — географический термин, «низкое место, долина, балка» (В. И. Даль. Толковый словарь); «овраг, поле под паром» (М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка). В данном употреблении *лог* может обозначать балку, овраг, по которому протекает река (об этом свидетельствует и название оврага — Темный Лог); там косили сено владельцы угодий, чьи фамилии и легли в основу названий рек.

Вероятно, по той же модели образовано название реки Капин (лог), но со временем слово *лог* перестало употребляться, а слово *Капин* — склоняться (ср. на реке Канин, у реки Капин).

Реки Большая и Малая Черная получили свое название по цвету воды, кажущейся от темного дна черной. Иногда и сам термин *река* включается в название: Большая Речка и Малая Речка. Здесь можно предполагать калькирование местных названий, существовавших в этих краях до прихода русских. Коми слова со значениями 'река', 'речка', 'ручей', 'озеро' очень продуктивны в топонимике и часто заимствуются русскими. Таковы, например: *шор* 'ручей, ручеек', реки *Большой Поншор* и *Малый Поншор*, где *Поншор* — 'собачий ручей' <коми *пон* 'собака', *шор* 'ручей'; река *Томов Шор* (Томов — со значением принадлежности).

В этих составных названиях вместе употребляются русские и коми слова, создавая, таким образом, «гибридные» названия: *ю*, 'река, речка'; *река Сосью* <коми *сõп* 'желчь', «горькая река» (по рассказам жителей, вода в ней из-за выделяющегося болотного газа имела неприятный вкус); *ель* 'лесная речка, ручей в лесу'; *река Юан — Ель* <коми *юан* 'питье, напиток' или 'пойло для скота' и *ель* 'речка', буквально «речка, из которой можно пить воду»; *вад (вадй)* 'озеро', чаще 'лесное озеро, непроточное озеро с топкими берегами': озеро Гёрдвад «красное озеро» <коми *гõрд* 'красный' (озеро названо по цвету воды, имеющей красный оттенок из-за болотной руды — красновато-бурого железняка, залегающего на дне болот); озеро Лун Вад — «южное озеро», так как оно самое

южное в цепочке озер (коми *лун* 'день', 'юг'). (Все значения коми слов даются по Коми-русскому словарю под редакцией профессора В. И. Лыткина. М., 1961.)

Название реки *Нювчим*, а затем и поселка *Нювчим* (коми *Нюкчим*), по мнению А. К. Матвеева, заимствовано коми языком из древних вымерших языков европейского Севера, среди которых были севернофинские и саамские языки.

Для экономики края важным является наличие сенокосных угодий — лугов и особенно пожен: их очень много, почти все они имеют названия.

Заводское население занималось скотоводством, держало в основном коров, поэтому большое внимание уделялось заготовке корма для скота. Под пожни можно было занимать участки леса и расчищать их от деревьев. Не случайно поэтому в название пожни может входить слово *новочисть*. *Новочисть* — «свежая чащоба, новая подсека, кулига под пашню или под пожни» (Словарь В. И. Даля), например, *Соколовская новочисть*.

В основу названия пожни может быть положен и другой признак, поэтому оно включает и иные слова: *мыс* (*Белый мыс*, *Воробьевский мыс*), где *мыс* — 'часть суши, острым углом или резко выдающаяся в море, озеро, реку'. Эти пожни расположены вблизи от пруда и оканчиваются мысом с белым песком у воды, то есть в названии отражена форма участка; *листовник* — *Траевский листовник*, *Маракулинский листовник*, где слово *листовник* означает вид травы («ол. листовое сено, ботвистое, из трав широколистных, не из злаков; вообще крупная трава по залагам»).

В отдельных случаях слово *лог*, так часто встречающееся в названиях рек, тоже может включаться в название пожни, как, например, *Ильинов Лог*. Здесь оно имеет значение — 'низкое место, долища', богатые травой.

Иногда в название пожни входит слово *болото*, означавшее природный объект, возле которого находился луг. Затем болото исчезло, название осталось, например, *Колесовское болото* — пожня, где косят сено Колесовы.

Но чаще слово *болото* входит в название заболоченного участка территории, например, *Лемское болото*. Невдалеке от него находится пожня, не имеющая самостоятельного названия, следовательно, это болото является ориентиром, по которому определяется местоположение пожни. Слово *Лемское* включает в основу коми слово *льбм* (*льбмй*) — 'черемуха', 'черемуховый' и означает болото, по берегам которого растет черемуха (например, Лем-ю — черемуховая река).

В некоторых случаях название пожни представлено одним словом и имеет форму имени существительного женского рода, как *Чернобровка*, или среднего рода, как *Модяново*, *Тараканово* (форма среднего рода им придача, вероятно, потому, что при них было определяемое слово — *место*, *местечко*, например, *Закапино местечко*). Здесь слово *местечко* имеет значение определенной территории, занимаемой под сенокосные угодья, то есть является синонимом пожни. По свидетельству исследователей, в деловых памятниках XV—XVII веков слово *место* часто употребляется со значением 'участок земли, угодье' (см.: Л. А. Ивашко. О значении слова место в севернорусских говорах. Из истории слов и словарей. Л., 1963). Слово *местечко* — производное от *место* — имеет то же значение, только уменьшительно-ласкательный суффикс указывает на величину угодья: оно небольшое.

В названии пожни может отразиться прошлое экономики края: когда-то для железоделательного завода нужны были рудники, которые первоначально имели свое прямое значение — «самое общее название копани, где руда добывается» (В. И. Даль. Толковый словарь). Потом рудники иссякли, перестали существовать как объекты и дали название сенокосным угодьям. Их много: Воробьевский малый рудник, Воробьевский большой рудник, Анисимовский рудник и другие. Как видно из приведенных названий, в них может содержаться указание на величину бывших рудных разработок, их количество, обязательным же является слово со значением принадлежности (*Леушинский*, *Соболевский*).

К подобного рода наименованиям примыкает название пожни *Копиновская мельница*: мельницы давно уже нет, а название осталось.

Название пожни могло быть образовано от названия реки, неподалеку от которой она была расположена. Таковы, например, *Воробьевский Дендель*, *Забалуевский Дендель*, *Конторщикова Дендель*. Эти пожни протянулись вдоль русла реки Дендель. Притяжательные прилагательные образованы от фамилий Воробьева и Забалуева при помощи суффикса *-ск(ий)*, а слово *Конторщикова* от *конторщик*, то есть указывает на профессию владельца (или даже на прозвище по профессии).

Из других названий окрестностей поселка Нювчим следует отметить курени, малинники и лесоучастки.

Курени — необходимые атрибуты железоделательной промышленности: в них обжигали древесный уголь для завода (*Большой*

курень, Ильин курень, Куш курень). *Куш курень* — «голый, обнаженный курень» < коми *куш* может иметь несколько значений: 'голый, обнаженный'; 'лысый'; 'пустой'; 'голое место'; 'безлесное болото' (название это курень получил потому, что после пожара на том месте долгое время ничего не росло).

Малинники и лесоучастки отражают особенности природы лесного края, наличие этих объектов естественно. Названы они по фамилиям или прозвищам владельцев: *Колесовский малинник*, *Денисовский малинник* и другие.

Название *Большой Бор* отражает вид деревьев в лесоучастке (бор — сосновый или еловый лес). Лесоучасток *Карнанаэль* назван по форме озера, возле которого он расположен (по-коми дословно «река в форме коромысла» от *карнан* 'коромысло', *эль* 'река'), как показывает топографическая карта, озеро действительно похоже по форме на коромысло.

Как видно из рассмотренного материала, коми слова употребляются, в основном, в названиях водных источников, то есть в гидронимах, — наиболее древних и стабильных названиях.

Некоторые из коми слов прочно вошли в русскую терминологию ландшафта. Так, в словаре Мурзаевых зафиксированы: *вад* 'зарастающее озеро на речных террасах' (северо-восточная часть Европейского Севера); *вадья*, *водья* 'маленькое озеро', 'окно в болоте' (Поволжье, Вологодская обл.); *шор* 'ключ, источник, ручей, рукав реки, пролив' в Коми АССР, в Чувашии — 'болото', в Удмуртии — 'ручей' (Э. М. и В. Г. Мурзаевы. Словарь местных географических терминов. М., 1959).

В целом топонимика окрестностей поселка Нювчим отличается смешанным характером: в ней уживаются собственно русские слова со словами из коми языка. Заимствования здесь могут быть полными (*Пев-ю*) и частичными (в одном названии соединяются русские элементы с заимствованными — *Куш Курень*).

Таким образом, взаимодействие коми и русского языков отражает общий процесс контактирования языков, в частности, — взаимопроникновение лексических элементов.

Г. Н. НЕСИНА, Э. С. СЕРГЕЕНКО

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ В ПЬЕСЕ «ЛЮБОВЬ ЯРОВАЯ» ТРЕНЕВА

Пьеса «Любовь Яровая» была задумана автором еще в 1920 году, в декабре 1926 года с огромным успехом прошла ее премьера на сцене Малого театра, а через десять лет она была поставлена во МХАТе. Обе постановки — этапы в истории советского театра. С тех пор пьеса обошла почти все сцены советских и многих зарубежных театров. В чем причина такого успеха и популярности пьесы? — В вечно живой теме, остроте социальных конфликтов и высоком искусстве речевой композиции образов.

События в «Любови Яровой» развиваются «многоколесным механизмом» (В. И. Немирович-Данченко), ряд сюжетных линий внешне не связан с историей героини драмы, но это именно тот самый «политический и социальный фон, который нельзя выбросить без ущерба для идеи пьесы» (К. Тренев). В статье «Чувство родины» автор писал: «Всей силой чувства и разума, всеми отпущенными мне художественными средствами я стремился дать героям своей пьесы черты народности».

Действующие лица пьесы необычайно разнообразны по своему социальному составу и положению. Роман Кошкин — рабочий-революционер, председатель Ревкома, руководит всей революционной работой в городе. Огромная внутренняя сила и целеустремленность, глубокая вера в правоту дела Революции и ее созидательное начало, умение организовать массы на борьбу с контрреволюцией — вот главные черты его характера и поведения. На протяжении пяти действий пьесы Кошкин говорит

«ЕСЛИ
ОБРАЗ ВЫНОШЕН
И Я СЛЫШУ
ЕГО ЯЗЫК,
МНЕ НЕ НУЖНО
УЖЕ ИЗОЩРЯТЬСЯ
НАД ЕГО ЯЗЫКОМ,
ПОДБИРАТЬ
ДЛЯ НЕГО СЛОВА
И СЛОВЕЧКИ —
ОН САМ
ИХ ПОДБЕРЕТ».

К. Тренин

сравнительно немного, его речевая характеристика невелика по объему, но тем более она значительна по своей идейной и действенной нагрузке. Его речь в отличие от других персонажей насыщена словами и выражениями, которые отражают новые понятия общественной жизни. В первом действии он появляется со словами: «Товарищ Панова, пишите повестку сегодняшнего заседания. „Об учительском съезде и курсах, а именно: для перевыучки учителей. Об открытии в городе сети из сорока клубов. О поголовном выгнании на Зеленую горку всей буржуазии на рытье окопов. О поголовном всеобщем народном образовании. О выселении, вселении, переселении и уплотнении. Об электрификации в ударном порядке. И текущие дела. А именно — контрреволюция“» (цитируется по изданию: К. Тренин. Пьесы. Статьи. Речи, М., 1952).

Естественно, что при царизме рабочий Роман Кошкин не мог получить образование, и поэтому в его речи встречаются просторечные отклонения от литературной нормы: иноязычное слово *функционирование* он произносит как *фуксинирование*, образует свое, несколько корявое слово *выгнание*, не всегда справляется с правилами грамматики в построении сложных предложений. Но эти реалистические речевые штрихи не снижают образ, а скорее — наоборот — подчеркивают, как страстно борется Кошкин за новую культуру и народное просвещение. Профессору Горностаеву, который заметил неграмотность его речи, Кошкин взволнованно говорит: «Вы знаете, что

ученье — свет, а неученье — тьма? Нет, товарищ профессор, вы не все знаете. Я знаю больше. Вы знаете только, что ученье — свет, это вам прямо видать, а неученье — тьма, так это вы только сбоку видали. Я сам спытал на своей шкуре. Вам свет в глаза светит, а мне тьма застилает. Так мне эта тьма лютей, чем вам, и я с ей па живот и смерть биться буду. А кто мне помогать не желает, а, напротив, саботирует, тот у меня в один счет и свет и тьму получит». «Свет» — антитеза «тьмы», символ просвещения, образования, знаний и новой культуры, за которую борются Кошкин и его товарищи. Тема эта возникает в диалогах Яровой и Пановой как сквозная для всей пьесы. А в финале пьесы Кошкин тепло приветствует Горностаева, которому сам дал охранную грамоту от имени новой власти: «Товарищ Горностаев, очень рад! С тьмой, значит, бьемся?».

Многие реплики Кошкина напоминают по стилю военные приказы и распоряжения. В связи с приближением белых он сообщает Шванде: «Директива партии: я, ты, Мазухин, Хрущ — остаемся на подпольной работе. Ударная задача: взорвать Жегловский мост и с партизанами не давать покоя в тылу. Связь держим через Яровую». А Любви он говорит: «Уходим в зеленые. Которое оружие в погребе, под дровами, беречь до часу».

Федор Швандя — матрос, большевик, революционер-романтик. Влюбленность в революцию, живое воображение, непосредственность и юмор сочетаются в его личности со страстностью и непримиримостью борца, с безошибочностью классового чутья, мужеством и находчивостью. С врагами он так же прямолинеен, как Нагульнов в «Поднятой целине» М. Шолохова, и так же, как он, многие факты воспринимает «в мировом масштабе». Ср.: «Швандя. Дело задержало. Чир. Какое? Швандя. Мирового масштабу». (Речь идет об отправке ящиков с документами при эвакуации Ревкома в связи с приближением белых.) Или: «У товарища Маркса [Горностаева] голова, можно сказать, в мировом масштабе, а ты к стенке», — говорит он с упреком Пикалову. Это выражение в речи Шванди всегда употребляется как определение в значении «важный, значительный, замечательный». Другой заметный штрих его речи — поговорка *раз плюнуть* — подчеркивает легкость и решительность, с которой он берется за любое дело. Всех людей Швандя делит на «вполне (упольне) сознательных» и «несознатель-

ных». Слово *сознательный* он употребляет как синоним революционера, большевика, убежденного сторонника красных. Многие реплики Шванди окрашены мягким юмором, который возникает и от его неожиданного словоупотребления: «Панова. И вы, товарищ Швандя, там были? Швандя. Необходимо был». Нарушение нормы в употреблении слова *необходимо* создает определенный стилистический эффект: подчеркивает наивную уверенность Шванди в том, что он видел «живого Маркса» — Горностаева, и оттеняет недостаток его образования. В его речи, постоянно насыщенной экспрессией, встречается оригинальный глагол *разобъяснить*, в котором как бы соединены значения синонимичных слов *разъяснить* и *объяснить*: «Я ему [Пикалову] в два счета разобъясню...», «... это им требуется разобъяснить за сознательность...». Но в обращении к Горностаеву, который стал «сознательным», Швандя говорит: «Идем, папаша Маркс, я тебе сейчас все разъясню...».

Среди лексических элементов, составляющих живую ткань речи Шванди, встречаются отдельные выражения из карточного аргот. Так, слово *ремиз* ‘недобор взяток, проигрыш’ он употребляет распространительно и переносно — для названия безвыходного положения, трудной ситуации в жизни. Например, при захвате города белыми: «Дед, что делать? Ремиз!». Или: «А вы на этот ремиз глядеть будете?» — о грозящей расправе белых над Кошкиным и жегловцами. Наконец, в финале, после освобождения города красными: «Товарищ Роман, был ремиз, а высветило обратно». Глагол *высветить* как специальное выражение карточного аргот означает ‘объявить козыри’. Речь Шванди гибка и изменчива: в зависимости от внутреннего состояния героя и внешних обстоятельств тонко меняется ее строй и характер, но она всегда предельно искренна. Народный артист СССР Б. Ливанов писал о К. А. Треневе: «Человек в его пьесах подлинно русский, с русским характером, русским умом, русской речью. Изумителен язык, которым говорит Швандя! Никогда, ни в одной советской пьесе я не ощущал такой органической слитности героя с его речью... Слишком крепкий материал, тонко, почти скульптурно, лепится мысль в каждом его слове».

К лагерю действующих лиц из народа принадлежат Пикалов и Марья — неграмотные крестьяне. Речевая характеристика Пикалова невелика по объему, он появляется лишь во втором и пятом действиях и сюжетно связан

лишь со Швандей и Горностаевым. Мобилизованный во время империалистической войны, он попадал и к красным, и к белым, не задумываясь, где правда, в силу своей патриархальной отсталости и тяжелых дум о земле. Слово *товарищ* Пикалов понимает по-своему как синоним «красного»:

— Швандя. Ты — товарищ аль земляк? Как тебя?

— Пикалов. И в товарищах ходил и против товарищей.

— Швандя. Наш аль ихний?

— Пикалов. Наш.

Великолепный юмор этого диалога создается противопоставлением политического смысла у обычных, обиходных слов. Разговор со Швандей и все дальнейшее развитие событий помогают ему многое понять, и при отступлении белых он уже остается с красными. Однако, неотступные мысли о «подошедшем мерине» еще мешают ему быстро разобраться в окружающей жизни. «Теперь куда ж его [Горностаева]? К стенке, что ль?» — спрашивает он Швандю, на что тот ему отвечает: «Сам ты стенка несознательная!». А на этот упрек Шванди Пикалов уже с некоторым сожалением и оправданием отвечает: «Так не успел вписаться».

Появление этой реплики в окончательной редакции пьесы — ключ к пониманию идейного роста Пикалова. Мышление, поведение и речь персонажа определяются крестьянским хозяйственным укладом, который составлял естественное русло его жизни вплоть до мобилизации. Солдатская служба также наложила определенный отпечаток на его речь. Спокойный, несколько угрюмый Пикалов поучает профессора Горностаева в духе воинского устава: «Арестант должен идти, а не конвойного трясти». Он наивно верит в «хорошего начальника», который ему все объяснит, и вполне убежден, что раз уж ведет арестованного «при важнейшем пакете», значит — «в расход». Но в действительности новая жизнь все ставит на свои места и опрокидывает наивные предположения Пикалова.

Таким образом, «торжество революции» в пьесе проявляется и в том, что распадаются старые представления и понятия крестьян, а взамен рождаются новые. Образ Пикалова типически отражает путь в революцию многих миллионов крестьян.

Лирическую интригу пьесы составляет личная драма Яровой. Узнав, что муж ее — убежденный белогвардеец,

она начинает бороться со своим чувством. Ключом к пониманию внутреннего состояния Яровой служат слова автора: «На всем протяжении спектакля у Любви нет ни одного спокойного момента». В первом действии она приходит с сообщением о том, что белые сожгли деревню Чугуновку. Но она взволнована и тем, что только что видела полотенце своего мужа, поручика Ярового, которого считала убитым. Это отражается в синтаксическом строе ее реплик — появляются восклицания и повторы: «Любовь. (рассматривает полотенце, бледнеет) Не может быть! Оно! Оно! ... Дайте, дайте мне его!»; Или: «Мишенька, Мишенька! Два года оплакивала, дай, дай посмотрю... Ты болен, рука висит. Уйдем, уйдем скорее».

В IV акте от прежнего трепетного волнения не осталось и следа: Любовь Яровая, цельная и мужественная женщина, ни в любви, ни в ненависти не знающая середины, поняла, что у нее нет ничего общего с Яровым. Реплики ее сдержанны и хлестки: «Столкнулись на одной дороге, и одному из нас в пропасть лететь... Где тебе! Мы уже не прежние: я сильна, ты — жалок». Яровая не скрывает своих чувств в отношениях с людьми, она сильна тем, что говорит правду в глаза. Ее речь метка, образна и лаконична. Колосова, который толкует о всепрощающей любви к врагам, она называет «юродивым», белых — «пляшущими мертвецами». Тесно связанная с простым народом, Яровая говорит языком, близким и понятным самым широким массам; она владеет искусством действенной агитации: «Товарищи, на утренней заре сюда придут бойцы с фронта, а сейчас, на вечерней заре, здесь повесят товарищей, что воевали в тылу врага. Неужели вы будете ждать зари, сложивши руки? Как же вы завтра посмотрите в глаза боевым товарищам?.. С чем вы их встретите?». Она прямо предлагает рабочим взяться за оружие и добивается цели. Любовь использует в своей речи стилистические средства массовой агитации, типичные для того времени: «боевые товарищи», «неостывшие трупы бойцов», «братья-герои», «белогвардейская петля» и т. п. Для Любви Яровой Родина — это народ. И не любить свой народ — значит быть чуждым Родине.

К. А. Тренев обладал тонким умением раскрывать основной конфликт эпохи в пьесе через столкновение характеров, через идейную борьбу представителей враждующих партий. Такова линия отношений Любви Яровой с Пановой, которая развивается в их острых диалогах: «Лю-

б о в ь. Так на то вы нам и глаза выкололи, чтобы самим лучше видеть. Панова. Да, я много видела. Я видела культуру и в Европе, и в России, и вижу, что значит растоптать хамским сапогом в один миг то, что создавалось веками».

Панова — типичная представительница той части буржуазной интеллигенции, предельная опустошенность которой раскрылась сразу же в период революции и гражданской войны. Как и многие интеллигенты, оторванные от народа, она воспринимает гибель буржуазной культуры как всякой культуры вообще. Она ненавидит восставший народ, и все ее мысли обращены к прошлому. Отсюда отсутствие у Пановой всякого чувства патриотизма. Для нее народ, строящий новый мир, лишь — «гидра многомиллионная», а Россия — «грязная, заплывающая земля».

Среди образов буржуазных интеллигентов, оторванных от народа, полную моральную деградацию воплощает собой Аркадий Елисагов. Если Панова пошмает «тупик» и безвыходность своего положения, то Елисагов не чувствует даже этого, ибо его стихия — «ловить рыбку в мутной воде». Это — жулик, произносящий высокие фразы о культуре, занимающийся спекуляцией и шантажом. Но при всей своей ничтожности он выступает, как «атташе от культуры», как хранитель «культурных ценностей», скрывая за революционной фразой свои мысли и дела в Ревкоме. «Отдадим народу все силы, ибо прежде наука была белая рабыня капитала, теперь она — красный товарищ пролетариата», — говорит он профессору Горностаеву, а через минуту с восторгом сообщает Пановой о при-

*С. Л. Кузнецов
в роли Шванди (слева)
П. М. Садовский
в роли Кошкина*

«ЛЮБОВЬ ЯРОВАЯ»
К. Тренев.
Спектакль
Малого театра (1926 г.)

*В. Н. Пашенная
в роли Любови Яровой*

ближенни белых и тут же «удивленно» спрашивает Яровую об этом: «Белые? Откуда? Не может быть. Наши теснят их всюду». Его речь, внешне правильная и «гладкая», даже порой остроумная, всегда фальшива и пошла: «Где Россия? Где убеждения? — восклицает он. ... Господа Кульковы ставят на белое — единую и неделимую получить хотят... А я — на все цвета...».

Итак, «язык — главное специфическое оружие драматического произведения: в нем его сила, в нем его слабость, — писал К. Тренев в статье «Язык драмы», — самое же главное в языке [драмы] это то, чтобы он выражал собой образ». В пьесе «Любовь Яровая» используются различные приемы построения речевого портрета. Так, парная контрастность многих образов и их речевых партий в диалогах — одна из особенностей композиции пьесы: Любовь Яровая — Панова, Кошкин — Горностаев, Швапдя — Пикалов, Марья — Дунька, Гришка — Семка и др. Такой прием соответствует общему идейному замыслу пьесы и проявлению ее основного конфликта. Другая особен-

ность — типическое заострение сути каждого образа в определенной ключевой фразе, раскрывающей специфику его поведения и психологии, его отношения к жизни. (Таковы выражения «в мировом масштабе» — у Шванди; «как я тебя, кривого, женить буду» — у Марьи; «опять жена одна на осьминнике поворачивается» — у Пикалова, «ставлю на все цвета» — у Елисадова; «я красных не люблю» — у Пановой; «с тьмою бьемся» — у Кошкина.)

Характеристическую направленность имеют и так называемые «говорящие» фамилии персонажей: Пан-ова, Горноста-ев, Закат-ов (прототип протоиерей Востоков), Е-лиса-тов, Кошк-ин, Пикал-ов (ср. диалектное *пикаль* 'мотылек, бабочка'), Швандя (ср. диал. южн. *шведкий* 'быстрый, приткий, ретивый' или укр. *швендяги* 'бродить, слоняться'), Чир (ср. чирей), Кут-ов, который непрочь где-нибудь на ходу, в сторонке, заключить спекулятивную сделку с Елисадовым (ср. *кут* — диал. южное 'угол, закоулок') и др.

Соотношение текста и подтекста в репликах врагов революции служит ярким средством их политического разоблачения, которое дополняется саморазоблачением действующих лиц через несовпадение их слова и дела — поступков, интриг и т. д. Елисадов, Яровой-Вихорь, Чир, Закатов, Дунька и другие, находясь у красных, все время маскируются фальшивой фразой, то есть применяют словесную мимирию.

Важная черта языка драмы — отражение социально-речевых стилей эпохи в речи персонажей. У представителей интеллигенции речь выдержана в нормах литературного словоупотребления, но различается по своему строю, лексическому составу и эмоциональной окраске в соответствии с социальной сутью характера. В речи же представителей народа, обычно малограмотных, встречаются элементы нелитературные — просторечия, диалектизмы, жаргонизмы, органически включенные в народно-разговорную основу их реплик, причем контекст диалогов делает их значение вполне понятным. Однако, различно количество и качество их употребления в речи каждого персонажа. Так, просторечные и диалектные элементы в репликах спекулянтки Дуньки имеют основную смысловую нагрузку и служат стилистическим средством снижения образа, в то время как эти же элементы в речи Шванди и Кошкина являются средством речевой экспрессии и не снижают идейной сути образов. Южнорусские диалек-

тизмы в речи Пикалова и Марьи создают биографический и географический колорит.

В умении создать всеми языковыми средствами типическую и неповторимую речевую характеристику персонажа, определяющую все его поступки, мысли и чувства, в умении создать такой речевой стиль действующего лица, который органически связан с темой, сюжетом, конфликтом пьесы и с языком эпохи, и заключается секрет мастерства драматурга.

О. И. ФОНЯКОВА,
доцент Ленинградского университета

ГЕРОИКА РЕВОЛЮЦИИ

Николай Асеев

МАРШ БУДЕННОГО

С неба полуденного
жара — не подступи!
Конная Буденного
раскинулась в степи.

Все, что мелкой пташкою
вьется на пути.
перед острой шашкою
в сторону лети!

Не сынки у маменек
в помещицьем дому —
выросли мы в пламени,
в пороховом дыму.

И не древней славою
наш выводок богат —
сами литься лавою
учились на врага.

Пусть паны не хвастают
посадкой на скаку, —
смелем рысью частою
их эскадрон в муку.

Будет белым помниться,
как травы шелестят,
когда несется конница
рабочих и крестьян.

Не затеваем бой мы,
но, помня Перекоп,
всегда храним обоймы
для белых черепов.

Пусть уздечки звякают
памятью о нем,
так растопчем всякую
гадину конем!

Никто пути пройденного
назад не отберет,
Конная Буденного
армия — вперед!

Сталь кромсаёт ночную тьму,
 Человечью жизнь карауля.
 И никто не скажет, кому
 Завтра в поле встретится пуля.
 Беспокойный мы все народ.
 С нами всякое может случиться.
 И желаем мы наперед
 Перед будущим отчитаться.
 И свою судьбу и мечту
 Огрубелыми голосами
 Мы потомкам начистоту,
 Без утайки, расскажем сами.
 Нам сулили в спину ножи
 Проклинающие кликуши.
 Не жалели яда ханжи,
 Чтобы ранить большее души,—
 Все за то, что в годину бед
 Мы уверовали в человека
 И пошли за Лениным вслед
 Против ветра старого века;
 Что дорогу в кромешной мгле
 Мы нащупать сами сумели;
 Что о рае здесь, на земле,
 Мы всерьез помыслить посмели;
 Что от всех обуз и помех
 Мы сердца свои расковали;
 Что для общего счастья всех
 Личной радостью рисковали.
 Коммунизм — наша жизнь и честь.
 Нам не жить при иных режимах.
 Принимай нас таких, как есть,
 Неуживчивых, одержимых.

 Тот не прячет стыдливо глаз,
 Кто для жизни презрел химеры.
 Ведь такой, какая у нас,
 Нет прочнее и чище веры.

Отрывок из стихотворения
 «Слово будущему». 1942

«ВАСИЛИЙ ТЕРКИН»

Книга А. Т. Твардовского «Василий Теркин» — одна из вершин советской поэзии. Произведение это могло появиться только в советское время и только в условиях Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. Эта война была величайшим подвигом всего советского народа, и образ Василия Теркина — яркое воплощение качеств, присущих всему народу.

Твардовский писал в автобиографии: «„Теркин“ был... моей лирикой, моей публицистикой, песней и поучением, анекдотом и присказкой, разговором по душам и репликой к случаю». Поэма как бы завершает великую традицию русской литературы и фольклора в изображении русского человека, ставшего с оружием в руках на защиту родной земли. Твардовский постоянно подчеркивал неразрывную связь Теркина и его товарищей с теми русскими солдатами, которые на протяжении столетий обороняли родину от нашествия чужеземцев:

Тем путем идут суровым,
Что и двести лет назад
Проходил с ружьем кремневым
Русский труженик-солдат.

Переправа

«Русскими тружениками-солдатами» Твардовский называет советских солдат и в главе «Бой в болоте».

Связь времен подчеркивается в поэме многими художественными средствами и в их числе — обращением автора к наследию устно-поэтического творчества. Внешностью Теркин близок к образам героев русского фольклора; он неприметен, однако обладает громадной нравственной силой: «...Красотою паделен Не был он отменной»; «Не высок, не то чтоб мал...»; «И пускай ты даже ростом И плечьми всего не взял...».

Вспомним, что герои русских былин, исторических и солдатских песен, бытовой сказки тоже внешне ничем не примечательны, однако, как и герои поэмы Твардовского, наделены большой энергией духа, убежденностью в правоте своего дела, упорны в достижении цели, и в то же время достаточно гибки и находчивы, чтобы с изменением обстоятельств изменить и средства борьбы. Враги русских богатырей, наоборот, обладали громадной физической силой: Соловей-разбойник — великан, сидел на семи дубах; Тугарин имел крылья и мог летать, иногда он представлен как «змеище Тугарище»:

Он ведь, змеище-то Тугарище,
Три сажени-то больших печатных,
Как переносье-то его будто пачка дровокольная.

Враг Василия Теркина физически тоже сильнее его:

Немец был силен и ловок,
Ладно скроен, крепко шит,
Он стоял, как на подковах,
Не пугай — не побежит...

Он ударил, не страшая,
Бил, чтоб сбить паверняка.
И была, как кость большая,
В русской vareжке рука...
... Теркин знал, что в этой схватке
Он слабей: не те харчи.

Подобно героям русского устного народно-поэтического творчества Теркин деликатен в обращении. Прежде чем войти в чужой дом, он считает, что нужно попросить об этом разрешения хозяев, вытереть ноги, скинуть шапку. Герой спрашивает немца:

Кто ты есть, что к нашей бабке
Заявился на порог,
Не спросясь, не скинув шапки
И не вытерши сапог?

Богатыри — герои русских былин и солдаты — герои русских сказок ведут себя вежливо, учтиво; при встрече «здоровкаются», войдя в помещение — кланяются:

Крест от клал он по-писаному,
Вел поклоны по-ученому.
На все на три, на четыре на сторонки низко
кланялся.

В былине о Дунае Настасья говорит: «А Добрынюшки вежливей нет во всем Киеве».

Голодный Теркин заходит в избу «словно чем-то виноватый», он «...просил сперва водички, А потом просил поесть»; за угощение благодарил хозяев: «И как долг велит в дому, Поклонился и старухе, И солдату самому...». Теркин во всем соблюдает меру, ест «много, но не жадно». Жадность, неводержанность в еде, считается в русском фольклоре пороком. Подобно герою русских сказок — солдату, Теркин в главе «Два солдата» предлагает старухе помочь жарить сало. Как и герои русского фольклора, он нетороплив в принятии решений и в разговоре.

Основная тема поэмы Твардовского — прославление борьбы и подвига во имя мира, «ради жизни на земле». В главе «Поединок» речь идет о схватке русского солдата с немцем. Произведения фольклора и древнерусской литературы часто рассказывали о единоборстве русских воинов с врагами. Исход поединка предreshал исход всего сражения. Рассказ о поединке Теркина с немцем в поэме тоже имеет как бы символическое значение для всей книги:

Как на древнем поле боя,
Грудь на грудь, что щит на щит,—
Вместо тысяч бьются двое,
Словно схватка все решит.

Советский солдат одолел фашистского солдата, несмотря на то, что немец использовал в поединке коварный прием (удар каской). Одержал победу над врагом и советский народ. В «Книге про бойца» широко использованы многие виды не только дореволюционного, но и советского фольклора. Через все произведение, например, проходит вариациями главный мотив:

Бой идет святой и правый.
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

Эти строки близки к революционному гимну «Варшавянка»:

На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!

Песня сопровождает героя на протяжении всей поэмы. В главе «Гармонь» Теркин исполняет широко известную, ставшую народной песню о трех танкистах, а солдаты поют частушки; в главе «Про солдата-сироту» приводятся слова из песни «Белоруссия родная, Украина золотая»; в главе «На Днепре» — слова из песни «По долинам и по взгорьям...»; в главе «Теркин ранен» — слова «Тула... Родина моя». В главе «Генерал» Теркин обращается к речке с песней-заклинанием, прося передать родной матери привет от сына-солдата:

Над тобой пад малой речкою,
Над водой, чей путь далек.
Послыхать бы хоть словечко ей,
Хоть одно, что цел сынок.

Некоторые места в книге Твардовского заставляют вспомнить старинную солдатскую песню. Первым ввел в филологическую науку это понятие В. Г. Белинский: «Солдатские песни образуют особый цикл народной поэзии. По форме своей они ничем не отличаются от других русских песен, но содержание их оригинально по русско-простонародному пониманию европейских вещей и по смеси чисто-русских выражений с терминами и словами из сферы регулярно-военного быта» (В. Г. Белинский. Статьи о народной поэзии. Русские народные сказки). Твардовский писал: «К примеру вспомнить, как складывалось начало главы «Смерть и воин», в стихотворном

смысле «образовавшейся» из строчек старинной песни о солдате:

Ты не вейся, черный вороп,
Над моею головой.
Ты добычи не дождешься,
Я солдат еще живой...»

Четверостишие «И солдат мой поседелый, Коль останется живой, Вспомнит: то-то было дело, Как сражались под Москвой...» близко к популярной солдатской песне «Дело было под Полтавой» (переработка торжественного канта XVIII века). В главе «Бой в болоте» пародируется припев солдатской песни «горе не беда» и «мы всех врагов побьем — столовой ложкой».

В главе «Наступление» Твардовский использует легенду о воине, получившем в бою смертельную рану, и, на вопрос товарищей, ранен ли он, ответившем, что он убит (— Вперед, ребята! Я не ранен. Я — убит...). Заметим, что этот сюжет у Л. Н. Толстого в «Севастопольских рассказах» вспоминает офицер Калугин.

Книга Твардовского «Василий Теркин» является одним из наиболее ярких произведений искусства слова. Тонкий и глубокий поэт И. А. Бунин писал Н. Д. Телешову 10 сентября 1947 года: «Дорогой Николай Дмитриевич, я только что прочитал книгу А. Твардовского («Василий Теркин») и не могу удержаться — прошу тебя, если ты знаком и встречаешься с ним, передать ему при случае, что я (читатель, как ты знаешь, придиричивый, требовательный) совершенно восхищен его талантом, — это поистине редкая книга: какая свобода, какая чудесная мысль, какая меткость, точность во всем и какой необыкновенный народный, солдатский язык — ни сучка, ни задоринки, ни единого фальшивого, готового, то есть литературно-пошлого слова. Возможно, что он останется автором только одной такой книги, начнет повторяться, писать хуже, но даже и это можно будет простить ему за „Теркина“».

В поэме много слов из солдатского быта: *команда, дозор, окопы, пехота, колонна, привал, довольствие* («...довольствием горячим Мне команду обеспечить»), *доложить* («Доложу хотя бы вкратце...»). Имеются целые выражения, выхваченные из живой речи солдат и офицеров — участников войны: *садить из миномета, помочь огоньком, в обороне загорал* и т. п. Многие строчки из поэмы стали пословицами и поговорками: *Делу время, час забаве* (пе-

ределана из *Делу время — потехе час*); *Пушки к бою едут задом; Зол мороз вблизи железа; Видно, бомба или Пуля не нашлась еще по мне; Раз ты пес, так я — собака*. Некоторые поэтические образы взяты из фольклора, таково сравнение солдата с ясным соколом; земля — матушка.

В некоторых стихах используется аллитерация — прием, состоящий в повторении созвучных согласных звуков. Так, например, о стрельбе из пушек говорится:

И пойдет, пойдет на славу,
Как из горна, жаром дуть,
С воем, с визгом шепелявым
Расчищать пехоте путь...

В данном случае звуки близки к тем, которые слышны при полете и разрыве артиллерийского снаряда.

Нечто подобное содержится в словосочетаниях: *гремит граната, грохотом громом, бомба бей* и других.

О языке поэмы можно сказать словами автора:

Пусть читатель вероятный
Скажет с книжкой в руке:
— Вот стихи, а все понятно.
Все на русском языке...

А. И. КУЗЬМИН

НАШИ КОНСУЛЬТАЦИИ

МЫШЛЕНИЕ

и

МЫШЛЕНИЕ

Различные словари русского литературного языка отмечают около полутора тысяч слов на *-ение* — существительных среднего рода с отвлеченным значением. Все они делятся на две группы: 1) с ударением на словообразующем суффиксе и 2) с ударением на корне.

Ударение на суффиксе имеет преобладающая часть рассматриваемых существительных, независимо от места ударения в соотносительном глаголе, как без приставки: *вождёние — водить*, *биение — бить*, *правление — править*, *несение — нести*, так и с

приставкой: *сопровождение* — *сопроводить*, *избиение* — *избить*, *исправление* — *исправить*, *вынесение* — *вынести* и другие. Академик В. В. Виноградов отметил, что словообразовательные суффиксы этого типа «поражают своим фонетическим однообразием» (Русский язык. Изд. 2-е. М., 1972). В «Грамматике русского языка» АН СССР (М., 1952) ударение в словах на *-ение* характеризуется как неподвижное, чаще всего на суффиксе.

Это достаточно ясное правило не распространяется, однако, на небольшое количество слов, произношение которых часто вызывает затруднения, связанные главным образом с постановкой ударения. Во всех словах второй группы ударение всегда находится на корне и у глаголов, и у соотносительных с ними существительных. Приведем примеры: *вьючение* — *вьючить*, *глажение* — *гладить*, *квашение* — *квашить*, *конопачение* — *конопачить*, *краснение* — *красить*, *коробление* — *коробить*, *мотыжение* — *мотыжить*, *поробение* — *поробить*, *рушение* — *рушить*, *славление* — *славить* и другие; *приуробение* — *приуробить*, *очеловечение* — *очеловечить*, *обрушение* — *обрушить*, *обезземление* — *обезземлить*, *обезличение* — *обезличить*, *увековечение* — *увековечить* и др.

Взаимодействие указанных групп слов приводит к тому, что в устной речи происходит подчас неправильный перенос ударения с корня на суффикс, а с суффикса на корень. Наиболее распространенными ошибками являются следующие: вместо *упрочение* (правильно) говорят *упрочение* (неправильно), *обеспечение* (прав.) — *обеспечение* (неправ.), *сосредоточение* (прав.) — *сосредоточение* (неправ.), *обесценение* (прав.) — *обесценение* (неправ.), *знамение* (прав.) — *знамение* (неправ.), *намерение* (прав.) — *намерение* (неправ.) или же вместо *изобретение* (прав.) говорят *изобретение* (неправ.) (см. словарь-справочник «Русское литературное произношение и ударение» под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М., 1959).

Правильное употребление в речи слов на *-ение* затрудняют также исключения (частично они приведены в «Грамматике современного русского литературного языка». М., 1970, с. 67—68). Это прежде всего слова, у которых ударение является единственным смыслоразличителем: *парение* — *парить* (от *пар*) и *парение* — *парить* (летать); *целение* — *целить* (наводить оружие) и *целение* — *целить* (лечить); *ведение* (в чем-нибудь *ведении*, управление или вторая часть сложных слов со значением 'знание, учение': *обществоведение*, *литературоведение*) — *ведать* (управлять и знать) и *ведение* — *вестить*; *сведение* (известие, знание) — *сведать* (узнать) и *сведение* — *свести* (соединить, собрать и спустить).

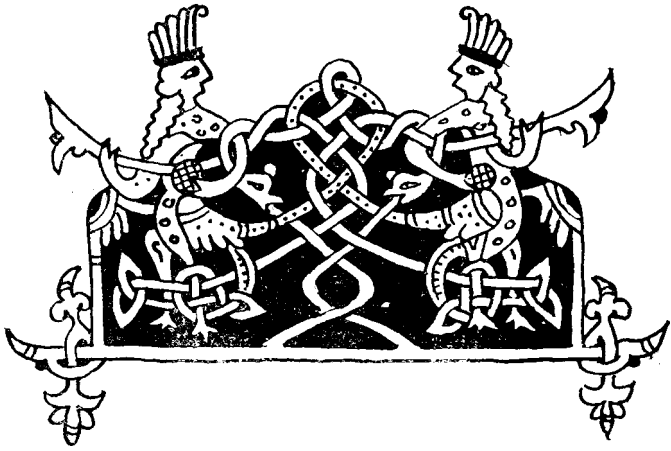
История русского языка позволяет установить, что у таких существительных, как *значение*, *медление*, *мучение*, *правление*,

стро́ение и *тра́ление*, ударение с древнейших времен было закреплено за словообразующим суффиксом, несмотря на то, что в производящей основе глагола оно находилось на корне: *знá-чить*, *мéd-лить*, *мú-чить*, *п rá-вить*, *стрó-ить* и *трá-лить*. Такое же ударение отмечает «Словарь Академии Российской» и у существительных *княжéние* (1792), *ряжéние* (1794) в значении 'надевание маскарадного костюма' и *ряжéние* (1822), ср. современное *ря-жéнье* (Аванесов и Ожегов. Словарь-справочник, 1959). Данные слова соотносены с глаголами, имевшими подвижное ударение. У некоторых существительных, образованных посредством суффикса *-ени-е* от глаголов на *-ить*, ударение с корня передвинулось впоследствии на суффикс, о чем свидетельствуют показания словарей; *рáнение* (Словарь, 1847) — *ранéние* (Аванесов и Ожегов, 1959); *плáвление* (Нордстет. Словарь, 1782) — *плавлéние* (Аванесов и Ожегов, 1959); *увел́чение* (Словарь Академии Российской, 1789) — *увел́чение* (Ушаков. Толковый словарь, 1940) — *увел́чение*, не *увел́чение* (Аванесов и Ожегов, 1959); *обна́ружение* (Словарь Академии Российской, 1794) — *обна́ружение* и *обна-ружéние* (Ушаков, 1938) — *обна́ружение* (17-томный Словарь, 1959) — *обна́ружение*, допустимо *обна-ружéние* (Аванесов и Ожегов, 1959); *мы́шление* (Словарь Академии Российской, 1793) — *мы́шление* и *мышлéние* (Ушаков, 1938) — *мышлéние* (17-томный Словарь, 1957) — *мышлéние*, допустимо *мы́шление* (Аванесов и Ожегов, 1959).

Таким образом, слово *мышлéние* по аналогии с преобладающим количеством отвлеченных существительных на *-éние* приобрело в современном русском языке новое ударение на суффиксе. В этом нашла отражение тенденция к выравниванию основ по месту ударения у существительных одного словообразовательного типа. Подобному выравниванию подвергаются обычно слова, широко и часто употребляющиеся в речи. Именно такое расширение речевого использования слова *мышление* происходит сейчас, в период научно-технического прогресса. Колебания в произношении этого слова могут быть обусловлены и тем, что корень *мышл-* и суффикс *-ени-е* имеют отвлеченное значение, и, следовательно, перенос ударения не влияет на усиление или ослабление данного оттенка в слове. В современном русском языке оба ударения — *мышлéние* и *мы́шление* — могут считаться приемлемыми в пределах нормы литературного языка.

Доктор филологических наук
С. П. ЛОПУШАНСКАЯ

Казань

СТАРАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

ОБУЧЕНИЕ РОДНОМУ ЯЗЫКУ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

РОСВЕЩЕНИЕ Руси началось с незапамятных времен. Предполагаемый автор «Повести временных лет» летописец Нестор, живший в XI — начале XII веков, рассказывая о крещении Руси, записал под 988 годом, что Киевский князь Владимир «нача поимати у нарочитое чади дети и даяти на учение книжное; матери же чад сих плакахуся... аки по мертвцы» (ПСРЛ — Полное собрание русских летописей, т. 1). Вслед за этим он с радостью добавляет: сбылись, наконец, давнишние пророческие предсказания о том, что наступит время, когда и «па Русей земли... услышат словеса книжные».

Очевидно, видя такой переполох среди матерей, первый митрополит Киевский Михаил собрал учителей и дал им советы внимательно и с любовью относиться к детям, не перегружать их занятиями, от каждого требовать по его способностям. «Всех учителей грамотных призваше к себе... и наказываше: учите юные дети якоже словесем книжного разума, такоже благонравию, и в правде и любви... Учите же их не яростию, не жесткостью, не гневом, но радостовидным страхом и любовным обычаем и слатким поучением, и ласковые разсуждением, противу коегождо силы и со ослаб-

лением, да не унывают, паппаче всегда прилагати им учение... на пользу души и телу» (ПСРЛ, т. 1; Степенная книга, т. 1).

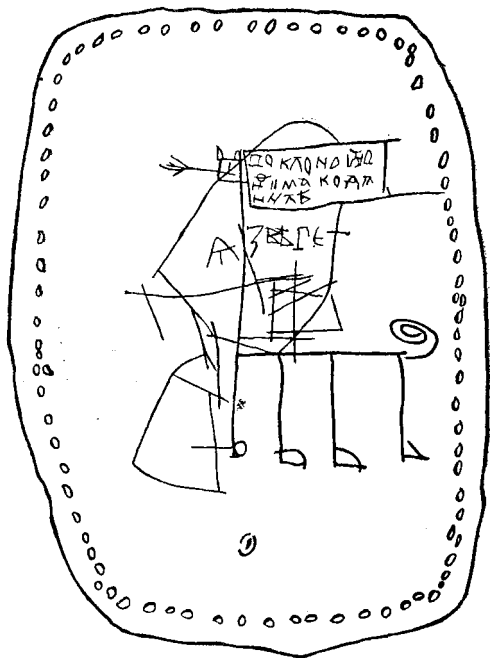
В древнерусских памятниках обучение грамоте и сама письменность, как правило, связывались с детьми. Уже в Сказании Черноризца Храбра (IX — начало X веков) о создании славянской письменности утверждается, что азбука дана для того, чтобы «детцу учити» и чтобы они «великим раздвижением уст возгласятся», на «отверзание в разум» (И. В. Ягич. Рассуждения южных славян и русской старины о церковно-славянском языке.— «Исследования по русскому языку». СПб., 1885—1895. В дальнейшем все цитаты даны по этому источнику).

Мысль о необходимости обучать детей грамоте нередко переплетается с восхвалением книг, книжного писания и чтения, как высшего блага: «Великая польза бывает человеку от учения книжного. Книгами ведь мы наставляемся и учимся... Это ведь реки, напоющие вселенную, это источник мудрости. В книгах ведь неисчетная глубина, ими в печали утешаемся» (Повесть временных лет). Книги сравниваются с солнцем, при этом добавляется, что и солнечный свет могут закрыть мрачные тучи, тогда как свет, исходящий от книг, ничто закрыть не может. Позднее таким же благоговейным уважением начинает пользоваться грамматика, которая признается царицей всех наук, ключом, способным открыть двери в сокровищницу знаний, лестницей, ведущей к вершинам познания, чести и славы. Наряду с этим в памятниках письменности содержатся полезные советы о том, как читать, понимать и обдумывать прочитанное. Так, в «Изборнике» 1076 года есть специальные разделы: «Како подобает человеку быти» и «Слово некоего монаха о чтении книг», в которых говорится о пользе книжного почитания, о роли чтения в формировании духовных убеждений человека, о разных приемах чтения и т. п. Проповедуя учение книжное, мастера грамоты иногда прибегали к самым неожиданным приемам. Так, назначенный в 992 году в Ростов епископ Леонтий неприветливо был встречен язычниками, которые, по словам летописца, уже состарились в неверии. Тогда Леонтий «остави старые люди, младенцы же ко церкви призваше и сладостно кутнею кормяше их и благочестию учае и крестяше их», обучал одновременно грамоте (Степенная книга, т. 1).

Просвещение, начатое при князе Владимире Святославиче, в более широких масштабах было продолжено его сыном Ярославом Мудрым (978—1054). По свидетельству летописи, в 1030 году Ярослав Мудрый собрал в Новгороде 300 детей, чтобы их «учити книгам» (ПСРЛ, т. 5). Он обязал всех попов учить грамоте как взрослых, так и детей, за что «дая им от имения своего урок», то есть оплачивал их работу из личных доходов.

Связывая деятельность Ярослава Мудрого с деятельностью его отца, князя Владимира, летописец рассуждает: «Вот также, как кто-нибудь распахнет землю, другой ее засеет, а иные пожинают и едят обильную пищу. Так и он: отец его Владимир распахал и размягчил землю, то есть просветил ее крещением, этот же засеял книжными словесами сердца верующих людей, а мы пожинаем, припимая учение книжное» (Повесть временных лет). Убедительным доказательством плодотворной просветительской деятельности Ярослава Мудрого служат многочисленные берестяные грамоты, не так давно обнаруженные советскими археологами (см.: А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте. М., 1953). Среди них есть и такие, которые дают возможность судить о методике первоначального обучения грамоте. Это своеобразные «школьные тетради» мальчика Онфима, жившего на рубеже XII—XIII веков и, следовательно, бывшего современником Александра Невского. Онфим, видимо, проучился уже не одну неделю, так как довольно правильно выполнил задание своего мастера грамоты. Заостренной костяной палочкой, которую называли писало, он царапал буквы и слоги на внутренней стороне березовой коры, а когда ему это надоедало, рисовал картинки. Среди его рисунков — страшный зверь, подобие «бьяки-закаляки кусачей» из стихотворения К. И. Чуковского, с выразительной подписью «Аз зверь»; фигуры людей с растопыренными пальцами, как их рисуют и современные малыши; русский воин, длинным копьём поражающий врага; стражник в шлеме, идущий по улице Новгорода, и т. п. По этим рисункам «мы увидели Древнюю Русь глазами маленького мальчика» того времени, — пишет обнаруживший и исследовавший эти грамоты А. В. Арциховский («Советская археология», 1957, № 3). Археологи предполагают, что Онфиму было лет пять-шесть. Несмотря на свой малый возраст, он уже довольно сносно овладел грамотой. Сам процесс учения, очевидно, не вызывал у него томительную скуку. Напротив, он учился с интересом и спешил скорее применить свое умение на практике. Так, среди его берестяных грамот есть начало письма, видимо, другу-соученику, с характерной для писем того времени стандартной фразой: «Поклон от Онфима ко Даниле». На другой грамоте сохранился написанный его рукой искаженный отрывок из Часовника или Псалтири. Видно, мальчик уже приступил к чтению этих книг, которые и в XVII веке давались сразу вслед за азбукой, как об этом говорится, например, в предисловии к букварю В. Ф. Бурцова, изданного в Москве в 1637 году.

Выполняя задание своего учителя, мальчик несколько раз написал алфавит от первой до последней буквы. Затем он составил двуписьменные слоги, образовав их с помощью 20 согласных и

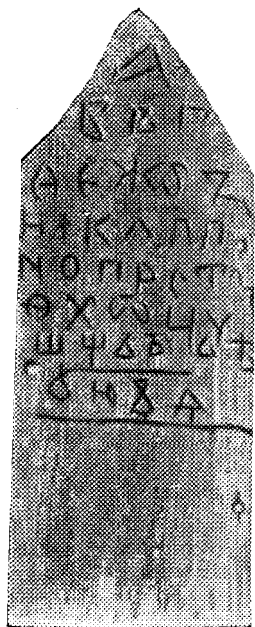
Прорись грамоты. Рисунок мальчика Онфима на обороте берестяного дщица

Дщечка с азбукой XIV в. (Из раскопок А. В. Арциховского в Новгороде)

9 гласных, как они встречаются и в азбуке И. Федорова, и в русских учебниках XVI и XVII веков: ба, ва, га, да... бе, ве, ге, де... Старательный ученик написал, вероятно, несколько рядов, но до нас дошло только 53 слога. При этом он допустил лишь одну ошибку: вместо слога *ри* написал *ир*.

Грамоты Онфима говорят о том, что обучение чтению и письму в Новгороде в XII—XIII веках велось параллельно. Далее первоначальное обучение грамоте сводилось к поискам упражнений для закрепления знания алфавита и умения различать в контексте буквы. А для этого в конце XII века в Новгороде существовал только один прием — составление двуписьменных слогов. Возможно, что были и треписьменные слоги, но сведения об этом до нас не дошли.

Позднее, в XIV веке, прибавился еще один методический прием — изучение алфавита по частям, о чем свидетельствует митрополит всероссийский Киприан (умер в 1406 году). Киприан сообщает, что в то время детей начинали учить в семилетнем возрасте. Азбуку учили «не спешно», «по малу тщету», то есть по частям. Усвоив азбуку, приступали к чтению текстов, написанных самим учителем.

Следующая степень на этапе первоначального обучения родному языку — изучение алфавита «навспять», в обратном порядке.

Впервые этот прием упоминается в грамматическом сочинении Константина Костенчского, жившего при дворе сербского правителя Стефана Лазаревича (1389—1427). Константину не был известен практиковавшийся в Новгороде прием работы с двуписьменными слогами, хотя он был знаком с русским языком и охарактеризовал его двумя выразительными эпитетами — «тончайший и краснейший». Он предлагал изучить алфавит сначала в прямом порядке (как говорили на Руси — *встремнину*), а потом в обратном (*навспять*). «И егда изучит их сице от начала, тогда паки да почнет от конца сице».

Приступая к чтению каждого слова, говорит Константин, мальчик должен назвать каждую букву полным ее наименованием («да глаголет имена писмен»), а потом произносить только

их звуки, сливая их в одно целое. Основное внимание при обучении он уделял письму. По его словам, в написанном, как в зеркале, отражается уровень развития человека. При правильной работе за один год можно научить детей бегло читать и грамотно писать, если они не испорчены «ленивым и злым учением» и если в них еще сохранилось «младенческое незлобие».

Видимо, в XIV веке с методической целью стали пользоваться азбукой-границей (акростихидной азбукой или просто акростихидой). Это средневековые вирши религиозного содержания, в которых каждая последующая строка начинается с очередной буквы алфавита, так что в сумме первые буквы строк образуют алфавит. Выучив акростихиду наизусть, ребенок запомнит алфавит и очередность букв в нем.

Впервые она упоминается в письме архиепископа новгородского Геннадия (умер в 1506 году) к митрополиту всероссийскому Симону. В нем Геннадий просит Симона уговорить великого князя Ивана III «учинить училища», так как из-за недостатка грамотных людей некого ставить попом. В этом письме есть хотя и скудные, но весьма любопытные сведения о состоянии просвещения того

времени, о программе занятий, о методике обучения. Невежи-мушкетеры, по словам Геннадия, отдают своих детей на обучение искусным мастерам, которые берут за это большую плату (горшок каши с маслом и гривну — 10 копеек), но мало чему учат детей. В результате этого кончившие курс обучения едва бредут по книгам, не могут читать бегло. Он советует «учити во училище: первое — азбука-граица истолкована совсем... да и псалтыря со следованием накрепко. Коли то изучит, может после того чести всякие книги» (Акты исторические, т. 1. СПб., 1841). В конце XV — начале XVI веков потребность в грамотных людях остро возросла. Создав централизованное государство, русские цари позаботились о его укреплении. С этой целью были приняты меры, способствовавшие унификации разных сторон русской жизни. Стоглавый собор (1551) принял специальное решение открыть школы при каждой церкви и обязать попов и дьяконов учить детей всему, что умеют сами. Известно, что интерес к просвещению проявлял Иван Грозный. В письме к архиепископу Казанскому Гурию он советовал учить детей грамоте так, чтобы они потом могли учить и других. В середине века при его содействии началось книгопечатание, стала изготавливаться своя бумага.

В русской методической мысли конца XV века обозначились, а в XVI веке оформились два противоположных направления. Представители первого отстаивали идею сознательного, осмысленного обучения, ведущего к развитию мысли, обогащению ума, воспитанию самостоятельности. Их противники ратовали за механическое усвоение знаний, стремились ограничить мысль, не позволяя спрашивать, говорить и рассуждать о том, о чем не повелел бог.

Наиболее ярким выражением первого, прогрессивного направления является статья «Написание языком словенским о грамоте и ее строении», созданная, как доказал А. И. Клибанов (см.: А. И. Клибанов. Реформационные движения в России. М., 1960), вождем московских вольнодумцев конца XV века, влиятельным дьяком, близким Ивану III, Ф. В. Курицыным, который умер примерно в 1500 году, а его последователи были сожжены в 1504 году.

В своей статье Ф. В. Курицын создал настоящий гимн письменности и просвещению. В грамоте он видел силу, способную сделать человека более умным, показать ему путь к лучшей жизни. Грамота, по его словам, — средоточие мудрости, «изыществу навывковение, невежеству ескоренение». Это память о прошлом, наставление для ныне живущих, предсказание будущего. Хотя «мало сие учение», но много от него пользы и наслаждения. Исходя из таких высоких задач и большой роли грамоты, строятся и методика обучения. В ее основе — сознательность обучения, при ко-

Букварь Василия Бурцова, напечатанный в Московском Печатном дворе, 1637

тором и учитель и ученик знали бы свои цели и задачи, каждый «разумел бы, что учить, и ведал бы, чего ради учиться».

Первой ступенью обучения, по Курицыну, является прочное и сознательное усвоение алфавита, так как с его помощью можно выразить любые мысли («изъявити все разумение»). Учить алфавит следует не сразу, а по одной букве («по единому писмяню яко се помалу»). Дойдя до его конца, вернуться обратно (навспясть). Добиваться того, чтобы ребенок «знал писмян подобие во всяком месте», узнавал их по начертанию и умел их произносить внятно и чисто. Только после этого можно переходить к слогам, которые надо произносить слитно, не выделяя отдельные звуки, входящие в их состав.

Рассказав о грамматике и методах обучения, Ф. В. Курицын заключает: «Да учася грамоте, потреба знати сие разумпо».

Мысли Ф. В. Курицына оказали большое влияние на развитие грамматики и методики XVI века. Под их воздействием было создано немало других статей. Но особенно выделяется среди них «Написание буквицы, рекше азбуки».

Это очень краткая, энергично написанная статья о том, для чего, чему и как учить детей. Автор горячо восстает против нерадивых и малограмотных учителей («худых грамотников», «внуксных мастеров», не понимающих цели и задачи обучения. По-

этому у них «учение худо», их ученики букв не различают, «пословиц не знают», рассуждать не умеют). Им противопоставляются учителя, вооружающие детей прочными и осознанными знаниями — «утвердится ученик от искусства учителя». У таких искусных учителей «ученики грамоте горазды, по черному острозрительны [бегло читают] и в рассуждениях зело искусны». Успехи таких учителей автор объясняет прежде всего тем, что сами они и ученики их с первых же занятий «ведают, что учат и чего ради учатся».

Общая часть статьи «Написание буквицы» завершается афоризмом: не остается ничего в человеке, кто погубит свое стремление к знаниям, ибо знающий всегда богат; муж мудрый, если его речь содержательна. Обращаясь непосредственно к самим детям, автор говорит: хочешь уметь и знать, не жалея себя («хотети горазду быти, ино себя не щадити»).

Чтобы подготовить людей «в рассуждениях зело искусных», автор статьи четко определяет объем знаний и навыков, которыми необходимо вооружить детей, разрабатывает методику первоначального обучения. Для сознательного усвоения азбуки он вводит дополнительный прием: азбуку «всмесь». Иначе говоря, смешивает буквы алфавита в определенном порядке, а потом ту же таблицу предлагает опять дать навспясть.

В статьях того времени нередко дается анализ типичных ошибок учеников и учителей, а также методические советы, как их предупредить или преодолеть. Видно, что подобные статьи создавались опытными учителями-практиками, хорошо знавшими грамматические труды и методику обучения.

Наиболее обобщающий характер имела статья под названием «Простословия», созданная в последней четверти XVI века неким Евдокимом, очевидно, опытным учителем и образованным для своего времени человеком.

Он заботится о прочности первоначальных знаний и навыков учеников при обучении грамоте: «не ступая первая стопы, вторыя не ступати». Не нужно идти на поводу спешащих детей, ибо «кто сначала не учится изрядно, сей много мается. Мнози спешат учти книжки, отлагают различны учения буквы и всяку простоту, хотяще скоро мудрее иных быти и того ради не получают искусного учения». Много внимания Евдоким уделяет знакам препинания, которые, по его словам, делают «всякое реченье изящно». Он очень высоко ценит грамматику, говоря, что это «есть основание и укрепление всем свободным хитростям», то есть наукам.

Но были статьи и другого характера, направленные против взглядов Ф. В. Курицына. Их авторы преследовали цель формальными способами добиваться механического усвоения знаний, вы-

ступали против развития любознательности детей и самостоятельной мысли.

Наиболее ярко это направление в русской методике XVI века отразилось в статье «Беседа о учении грамоте». По своему композиционному построению она одинакова со статьей Курицына: представляет собой беседу учителя и ученика, в ней учитель задает ребенку те же вопросы, но ответы предлагаются совершенно противоположные. Более того, вся статья полемически направлена против взглядов Ф. В. Курицына. Автор «Беседы» с первых же строк обрушивается на еретиков. По его словам «мнози богохульники святого духа, раскольники и еретики блудословия» наносят большой вред тем, что при обучении пытаются учить детей рассуждать.

Письменность и грамота, говорит он, даны богом для того, чтобы познать его самого. Поэтому они полезны не всем, а только избранным, боговерным. Грамота «мудрым дается на спасение душевное и на успех, а безумным, слабоумным и неистовым на горшую погибель, на копечное искоренение и на вечное мучение». Поэтому при обучении нельзя «мудрствовать и пытати и глаголати» о том, о чем «не повелел господь». Исходя из этого, строится и методика. При изучении алфавита автор советует, минуя рассудок, добиваться механического усвоения его. Для этого он сочинил 24 хитроумные таблицы, в которых буквы алфавита располагаются в разнообразных комбинациях. Из них, например, восемь таблиц предназначены для правой и левой руки (десницы и шуицы). Главная задача обучения — уберечь детей от нежелательных рассуждений и вопросов, дабы не впали они в ересь, а только могли «глаголати и творити и проповедати божественными книгами по заповедям господним и правилам святых апостолов и святых отцов».

Как видим, методика обучения родному языку начала зарождаться на Руси с появлением письменности. Из века в век она по крупицам обогащалась и развивалась. Достижения методической мысли XV — первой половины XVI веков были обобщены, приведены в стройную систему, творчески развиты и получили практическое претворение в первом русском печатном учебнике, составленном и изданном первопечатником Иваном Федоровым «ради скорого младенческого научения».

Ф. И. СЕТИН

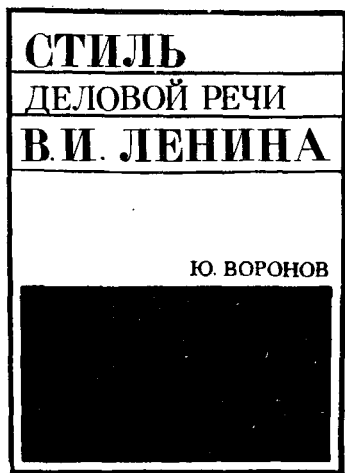
Ю. С. Воронов.

**СТИЛЬ ДЕЛОВОЙ РЕЧИ
В. И. ЛЕНИНА**

Лингвистическое изучение ленинского наследия, едва ли не впервые начатое в 20-х годах Л. Якубинским, Ю. Тыняновым и Б. Эйхенбаумом, охватывало только некоторые стороны ленинского языка и стиля (в рамках науки того времени). Полного собрания сочинений В. И. Ленина, подобного 5-му изданию в 55-ти томах, в те годы не было. В последующие десятилетия продолжалась разработка этого вопроса, особенно усилившаяся в период подготовки к празднованию 50-летия Октябрьской революции, 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, 50-летия образования Советского Союза и 60-летия Великого Октября.

В нашей поистине огромной Лениниане появилось большое количество публикаций: книг, сборников, брошюр, статей, диссертаций, заметок, в основном посвященных изучению научной, публицистической и ораторской речи В. И. Ленина. Деловые же стили речи изучены пока еще недостаточно полно. И книга Ю. Воронова «Стиль деловой речи В. И. Ленина. Социолингвистический очерк» (изд-во Саратовского ун-та, 1976) является первой монографией по этому вопросу.

Автор книги собрал, систематизировал и обобщил огромный материал (4500 документов, включенных в Полное собрание сочинений В. И. Ленина) и показал выдающуюся роль великого вождя в форми-

ровании особенностей советского государственного делового языка. Ю. С. Воронов обратился и к воспоминаниям Н. К. Крупской, В. Д. Бонч-Бруевича, Н. П. Горбунова, А. В. Луначарского, Н. И. Подвойского, Л. Б. Красина, Г. В. Чичерина и других сподвижников В. И. Ленина, содержащим яркие оценки ленинского стиля. Например, приводится высказывание Л. А. Фотиевой, характеризующее огромное значение деловой документации В. И. Ленина: это «не сухие формальные документы, в каждом из них видна та или иная черта духовного облика Ленина, его горячего сердца» (с. 5). А. А. Андреев отмечает, что, читая Ленина, важно «следить за существом и движением его мысли, за его методами изложения, за железной логикой и изумительной диалектикой мышления. Его образ живет в его творениях. Вся свою кипучую натуру, всю стремительность революционера, всю необыкновенную внутреннюю силу — все это он вкладывал в свои произведения» (с. 11).

Ю. Воронов привлекает важнейшие партийные документы, созданные В. И. Лениным, и классифицирует их по жанровым типам: проекты резолюций партийных съездов и съездов Советов, партийных конференций, конгрессов Коминтерна; проекты программ и устава партии, дополнения, замечания, поправки к ним; декреты и постановления Советского правительства, инструкции; письма В. И. Ленина к различным адресатам, телефотограммы, почтовые телеграммы, шифрованная переписка, записки, резолюции на докладных записках, жалобы и отдельных заявлениях.

Язык и стиль этих документов анализируется в органической связи с проблематикой ленинских высказываний о языке и стиле. Заслуживают внимания наблюдения автора книги о влиянии общих процессов развития языка на индивидуально-официальные стили Ленина и огромное влияние ленинских работ на развитие русского литературного языка.

Книга Ю. Воронова состоит из предисловия, шести глав и небольшого заключения.

В первой главе рассказано о ленинском стиле работы, который отразился в его деловой переписке, и приведены высказывания Ленина о роли партийных и государственных документов в управлении государством. Среди многих документов автор выделяет указы Ленина о расстановке партийных и хозяйственных кадров.

Критика казенно-бюрократического языка эпохи самодержавия рассматривается во второй главе. Ю. Воронов подчеркивает, что Ленин «никогда не упускал случая отметить реакционную ложь, которая

скрывалась под тем крючкотворством, той казуистикой, той... софистикой, тем казенно-бюрократическим слогом...», которым писались бумаги в казенных канцеляриях (с. 71). В. И. Ленин предъявляет свои требования к стилю и языку новых революционных законов: «... мы должны выставлять свои, не либеральные и не мелкобуржуазные, а социал-демократические законопроекты, писанные не канцелярским, а революционным языком...» (Полное собрание сочинений. Т. 15, с. 67).

Третья глава посвящена деловой речи в ее историческом развитии. Характеризуя деловые стили революционной эпохи, Ю. Воронов опирается на высказывания Л. В. Щербы о том, что каждая стилевая разновидность вызывается к жизни «функциональной целесообразностью». В этой главе автор анализирует лексический состав ленинских высказываний, выделяя архаизмы, историзмы, слова, изменившие свое значение в процессе исторического развития, неологизмы. «Особенности деловой речи Ленина объясняются не только индивидуальностью стиля, но и крупнейшими историческими событиями и процессами в русском литературном языке революционной эпохи» (с. 120).

Среди лексических средств внимание автора привлекли аббревиатуры, которые Ленин употреблял в зависимости от жанра высказывания: ограничивал в теоретических статьях и без особых ограничений употреблял в официальных документах. Им использовано более тысячи аббревиатур, употреблявшихся в русском литературном языке. В то же время Ленин иронически отнесся к некоторым назва-

пням должностей. Однажды Луначарский прочел по телефону В. И. Ленину очень тревожную телеграмму о тяжелом положении учителей в северо-западных губерниях. «Телеграмма кончалась так: „Шкрабы голодают“. — „Кто? Кто?“ — спросил Ленин. „Шкрабы, — отвечал я ему, — это новое обозначение для школьных работников“. С величайшим неудовольствием он ответил мне: „А я думал, что какие-нибудь крабы в каком-нибудь аквариуме. Что за безобразие назвать таким отвратительным словом учителя! У него есть почетное название — народный учитель. Оно и должно быть за ним сохранено“» (с. 141).

Анализ синтаксиса ленинских деловых документов дан в четвертой главе книги. Среди синтаксических средств Ю. Воронов выделяет побудительные предложения, особенно характерные для приказов. Узнав о тяжелом положении транспорта, тормозящем всю хозяйственную жизнь страны, Ленин пишет: «Положение транспорта настолько тяжело здесь, что нужны героические усилия как для доставки угля сюда, так и еще более для усиленного ремонта паровозов. Двиньте на это лучшие силы, проверяйте лично, введите премирование хлебом за каждый исправленный паровоз, восстанавливайте лучшие мастерские, вводите две и три смены. Телеграфируйте исполнение» (Полное собрание сочинений. Т. 51, с. 102). Употребление глаголов повелительного наклонения придает распоряжению особую энергичность.

Закостеневшие веками формулы канцелярского языка Ленин превращал в выражения живые, вносил в них энергию и экспрессию. Ю. Воронов вы-

деляет вставные конструкции, показывающие авторское отношение к высказыванию, а также особенности лексикоморфологических и словообразовательных средств. Например, употребление превосходной степени: задача — неотложнейшая; меры — энергичнейшие; долг — священнейший, революционный; дипломатия — осторожнейшая.

В пятой главе раскрыто взаимодействие официальной речи с элементами научного и публицистического стиля и показана демократизация делового языка Советской эпохи; в шестой — ленинские традиции в документах КПСС и Советского правительства.

Ю. С. Воропов отмечает, что словарный состав деловой речи В. И. Ленина исключительно многогранен; он выходит далеко за пределы так называемого официального делового языка и представляет собой синтез книжной, разговорной, научной и публицистической профессионально-терминологической и официально-деловой лексики и фразеологии.

Интересная книга вместе с тем имеет некоторые недочеты; так, например, глаголы *тянуть, покончить* (с. 206) отнесены к просторечию, а это общеупотребительные слова; и др. Отдельные недочеты не влияют на общую положительную оценку труда.

Книга насыщена богатым документальным материалом, хорошо подобранным и прокомментированным. Автор исследования вводит нас в лабораторию бессмертной ленинской мысли и показывает особенности языка и стиля документов В. И. Ленина.

Доцент
Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ

ИЗ СЛОВАРЯ РУССКИХ ФАМИЛИЙ

Продолжение. См.: 1976, №№ 1—6; 1977, №№ 2—4.

Любимов. Первоначально отчество от нецерковного мужского имени Любим. Хотя все неканонические имена были окончательно изгнаны к концу XVII века, но удивительно, что это имя уцелело и оставалось употребительно (например, в купеческой среде) даже в XIX веке.

Любимцев. Фамилия не имеет никакого отношения к слову *любимец* в значении 'любимый, предпочитаемый'. Она возникла как отчество от наименования отца по городу Любим в Северной Заволжье (теперь в Ярославской области): *любимцев* — 'сын любимца', то есть прибывшего из этого города или приписанного к нему на военную службу и, следовательно, получившего поместье в Любимском уезде.

Лютов. Отчество от прозвища или нецерковного имени Лютой. Современное значение прилагательного *лютый* (архаичная форма — *лютой*) — 'злой, яростный' существовало также в прошлом, но в имени могло отразиться и другое, известное в вятском говоре (приведено в диалект-

ном словаре Васнецова, 1907 г.) — 'усердный, настойчивый'.

Лядов. Отчество от прозвища Ляд. Наричательное *ляд* в прошлом означало 'плохое, вредное, черт, тунеядец'; в словаре В. И. Даля отмечено производное значение — этим словом в ярославских говорах называли сектантов (хлыстов и скопцов), из глагола *лядеть* 'худеть, тощать'; *лядов* сын Ляда или сын ляда (сектанта).

Ляхов. Первоначально отчество из именованья отца *лях*, как долго называли поляков, из названия славянского племени *лях* (*лех*). В Московском государстве так называли не только собственно поляков, а и других подданных польского государства; прозвище *лях* давали и бывавшему в Польше или перенявшему какую-либо польскую черту, например, в одежде, — при теснейшем общении с Польшей в XVI—XVII веках это не было редкостью.

Мадаев. Отчество от прозвища Мадай из мордовского *мадемс* 'лечь, ложиться'; ве-

роятно, означало «лежебоку, лентяя». Фамилия — в деревне Нагорное Шейно Краснослободский р-н Мордовской АССР, 1957 год (Республиканский архив Мордовии, ф. Р-1710, № 58).

Мазанов. Отчество от прозвища Мазан и Мазаный. Из огромного материала, охватывающего два миллиона человек, фамилия встречена только в шести селениях двух бывших губерний правобережья Средней Волги — Пензенской и Симбирской. Не имело ли там это слово специфического значения, которое диалектологи упустили? Может быть, диалектологи Пензы, Ульяновска еще смогут узнать его от уходящего поколения, поручив это студентам, едущим на практику или на каникулы. Вот селения, где документирована эта фамилия: с. Богородское (ныне Вадинский р-н Пензенской обл.), с. Камынино (близ с. Тарханы Пензенской обл.), с. Аришка (Никольский р-н Пензенской обл.), с. Гулюшево и Засарье (ныне Сурский р-н Ульяновской обл.), с. Суринское и Борлинские выселки в правобережье Куйбышевской обл. Может быть, есть и другие местности, где бытует эта фамилия? А в бывшем Елифанском уезде Тульской губернии встретилась фамилия Немазанов.

Майданов. От персидского majdan «площадь, арена»; кроме того «Словарь русских говоров Среднего Урала» (вып. 2, Свердловск, 1971) добавил значение «место гуляний». С одним из этих значений и связано возникновение фамилии.

Майков. Отчество от непервовного мужского личного имени Майко (ребенок, рожденный в мае).

Майоров. Связь фамилии с воинским званием не так проста, как кажется. Это звание существовало в русской армии до 1884 года. В противоположность большинству русских фамилий с *-ов* фамилия Майоров не могла возникнуть из отчества «сын майора», так как сын майора имел фамилию отца. Фамилия нередка у крестьян и рабочих, они не могли быть потомками высокого военного чина. Фамилия могла возникнуть при обозначении крепостных, принадлежащих майору, при образовании отчеств от насмешливого прозвища Майор (за чванство) или отчества от прозвища из диалектного (ярослав.) глагола *маёрить* «тратить, транжирить» (Г. Г. Мельниченко. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961). В ряде документов фамилия записана Маёров.

Маклаков. Отчество от именования отца по его занятию: *маклак* — «перекупщик, скупающий у переводчиков изделия и сбывающий их с наживой».

Максаков. Фамилия, возможно, мордовского происхождения: эрзян. *максак* «крот».

Максутов (Максютов). Отчество от принесенного исламом мужского личного имени Максуд (араб. «желанный»), оглушение конечного согласного, обязательное в русском произношении, могло произойти еще в тюркских языках, при посредничестве которых пришло это имя.

Малафеев. Отчество от русской обиходной формы Малафей из канонического мужского личного имени Малахия (см. также Малахов, Малашкин).

В. А. НИКОНОВ

Продолжение следует

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

● БАКЛУШИ БЫВАЮТ РАЗНЫЕ

Известно, что слово из народных говоров *баклуша* имеет много значений. В разных областях употребляют его по-разному. Баклушей называют и деревянную заготовку для различных поделок (ложки, чашки), и шутку, остроу, и мелкое озеро (см.: Словарь русских народных говоров. Вып. 2).

В заметке «Бить баклуши» («Русская речь», 1975, № 6) В. Н. Сергеев пишет: «Наиболее распространенное объяснение происхождения *бить баклуши* связывается именно с *баклушами* — чурками, заготовками для выделки ложек, чашек и т. п.»

Думается, что это не совсем верное объяснение. Ведь делать деревянные заготовки — не развлечение. Работа эта была не из легких. В промысловых артелях ею занимались подростки. День-деньской они раскалывали чурбаки тяжелым топором. И вряд ли кто-нибудь, встречая такого работничка, мог упрекнуть его в праздности, в бездельи. Не лучше ли поискать происхождение поговорки в приволжских областях, где *баклушей* называют небольшое озерцо диаметром 50—100 метров? Слово *баклуша* в данном значении известно на протяжении всего Поволжья, начиная от Ярославля и кончая Астраханью, а также в прилегающих к Поволжью областях и автономных республиках.

В большом русском селе Троицке бывшей Пензенской губернии, где я родился (ныне село входит в Мордовскую АССР), *баклуша* является обычным словом. На нашей улице были две баклуши. Одна из них вошла в местную фольклорную припевку:

Где вы, где вы, девочки?
Где ваши сиделочки?
Наши сиделки у баклушки —
У Монаховой у Душки.

Избушка одинокой старухи Монаховой Авдогьи стояла на берегу баклуши. У нее и собирались парни и девушки на посиделки.

Наличие этого слова в языке пензенцев зафиксировано в Словаре В. И. Даля (см. «Баклан»). Владимирский писатель С. Никитин в повести «Падучая звезда» (Сборник повестей и рассказов «Живая вода») пишет: «Толяка водил Митю на луговые баклуши мутить щурят». Слово *баклуша* приведено в тексте без всяких сносок и комментариев. Стало быть, и там оно является обычным.

В Саратовской области есть деревня под названием Баклуши. Стоит она в окружении баклуш. Такое широко распространенное слово хотелось бы видеть в наших толковых словарях.

Раньше любимым занятием сельских подростков было истребление лягушек в баклушах. Били их палками, камнями, комьями земли с азартом, хотя неприязни к лягушкам и не питали. Иногда просто ударяли палкой по баклуше, обрызгивая друг друга ради озорства. Если посмотреть со стороны на таких «баклушебойщиков», то создается впечатление, что они бьют баклушу. Когда подросток, уставший и промокший, возвращался домой, рассерженная мать награждала его подзатыльниками и упрекала: «Опять бил баклуши? Нет — матери помочь в огороде!». Одной рукой по затылку ударяет, второй показывает на баклушу, которую тот только что бил.

Возможно, именно при такой ситуации и родилась поговорка *бить баклуши*, смысл которой: «бездельничая, проводить время в забавах».

В Курской области слова *баклушка*, видимо, нет. А лягушек в баклушах подростки и там бьют. Поэтому поговорку *бить баклуши* там употребляют в иной редакции — *бить лягушек*.

В Кунгуре (Пермская область) есть еще одна *баклуша* — чурка для игры в городки. И само выражение *бить баклуши* там употребляют в смысле — 'играть в городки'. Но кунгурское слово не могло войти в осуждающую поговорку, ибо городки — любимая народом спортивная игра.

Таким образом, есть основания предположить, что поговорка *бить баклуши* родилась в Поволжье.

А. С. Спирин

Рисунок В. Комарова

● О ВИДОВЫХ ПАРАХ ГЛАГОЛОВ

Лектор русского языка Стокгольмского университета И. Миттельман спрашивает: почему в книге А. Д. Швейцера «Перевод и лингвистика» (изд-во Министерства обороны СССР, М., 1973) утверждается, что глагол *разгромить* не имеет формы несовершенного вида? Чем же тогда является глагол *громить*?

В письме И. Миттельмана затрагивается вопрос о видовой паре глаголов. Сущность видовой пары трактуется в настоящее время по-разному.

Утверждение, что глагол *разгромить* не имеет формы несовершенного вида, восходит к пониманию видовой пары как двух форм одного глагола. Так, например, *переписывать* — это, согласно такому пониманию, форма несовершенного вида глагола *переписать*; *заговаривать* — форма несовершенного вида глагола *заговорить* и т. п. У *разгромить* нет вторичного суффиксального образования, следовательно, этот глагол не имеет формы несовершенного вида. Таким образом, формой несовершенного вида по этой теории признаются только суффиксальные образования от приставочных глаголов совершенного вида или суффиксальные соответствия несовершенного вида бесприставочным глаголам совершенного вида (типа *решить* — *решать*, *пустить* — *пускать* и подобные). Семантически тождественные, но различающиеся по виду соотношения первичных глаголов несовершенного вида (типа *громить*) с приставочными префиксальными глаголами (*разгромить*) согласно этой теории могут считаться парными по виду, но являются разными глаголами. Поэтому в книге А. Д. Швейцера и говорится, что глагол *разгромить* не имеет формы несовершенного вида.

Такое понимание видовой пары разрабатывается в трудах Ю. С. Маслова и А. В. Бондарко и является наиболее принятым в науке о виде.

Существует и другое понимание видовой пары, которое всякую пару глаголов, различающихся видом, но имеющих тождественное лексическое значение, считает двумя формами одного глагола. Так, и несовершенный вид *переписывать* понимается как форма глагола *переписать*; и совершенный *сделать* — как форма глагола *делать*. Такое понимание видовой пары кладет в основу семантическое тождество членов пары. Считается, что это главный критерий для утверждения словоизменительного характера видового соотношения. На такой позиции стоял академик В. В. Виноградов, на этом же основаны труды И. П. Мучника, Е. А. Земской, А. Н. Тихонова и др.

Наконец, третье понимание видовой пары — это рассмотрение ее как соотношения разных глаголов и при образовании суффиксальным (*переписать* — *переписывать*), и при образовании префиксальным (*делать* — *сделать*) способами. В основу его положено то соображение, что для признания двух членов видовой пары формами одного глагола недостаточно семантического тождества этих членов, нужны основания структурно-грамматические. Между тем, таких оснований нет: образование видовой пары происходит при помощи словообразовательных, не специализированных формантов — префиксов и суффиксов *-ива(ыва)-*, *-ва-*, *-а-*. Последние употребляются также и для образования новых глаголов с многократным значением (*говаривать*, *живать*, *едать*). Как в префиксальной, так и в суффиксальной видовой паре полисемантические глаголы могут иметь непарные по виду значения, то есть лексического тождества глаголов может не быть. Так, например, глагол *писать* в одном из своих значений 'быть писателем, заниматься литературной деятельностью' не соотносительен с глаголом совершенного вида *написать*, ср. у Грибоедова: «...славно *пишет*, переводит» (Горе от ума); глагол *обвинять* в одном из своих значений 'выступать в суде в качестве обвинителя' (юридич.) не соотносительен с глаголом *обвинить*, ср. у Л. Толстого: «... прокурор этот только в четвертый раз *обвинял*» (Воскресение).

Таким образом, семантическое тождество у полисемантических глаголов не проходит по всей семантической структуре членов пары. Регулярность образования видовой пары не абсолютна, а следовательно, и в этом образовании пары отлично от словоизменения. Есть много глаголов непарных в видовом отношении. При суффиксации образуются глаголы разных классов, с разными системами спряжения (*переписать* — *перепишу* и *переписывать* — *переписы-*

ваю и под.). При таком понимании сущности видовой пары речь идет всегда о двух разных глаголах. Этот взгляд на видовую пару выражен в трудах П. С. Кузнецова, Н. Н. Дурново, В. Н. Сидорова, С. И. Карцевского и в «Грамматике современного русского литературного языка» (М., 1970).

Итак, понимание видовой пары, ее сущности, не является общепринятым. В современной грамматической науке этот вопрос еще не нашел своего окончательного решения.

Кандидат филологических наук
Н. С. Авилова

Литература

1. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Изд. 2-е. М., 1972.
2. Вопросы глагольного вида. Сб. статей под редакцией Ю. С. Маслова. М., 1962.
3. Бондарко А. В. и Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967.
4. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
5. Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.

● УПРЯЖКА И УПОВОД

Двадцатичетырехлетний житель села Нижняя Водлица Вытегорского района Вологодской области В. Н. Фирсов пишет: «Дорогая редакция! Недавно я начал собирать, записывать диалектные слова и выражения, употребляемые в нашем районе. Завел что-то вроде словаря, в котором даю объяснения слов и выражений, указываю различные их смысловые оттенки, привожу примеры из разговорной речи. Но меня интересует и происхождение некоторых слов. Вот, например, у нас говорят: „Ждал упряжку дикую“, — то есть ждал очень долго. Под *упряжкой* подразумевают промежуток времени от 10—15 минут до получаса и больше (слово *дикий* означает ‘большой’). Меня очень интересует, откуда пошла эта *упряжка*... Мне хотелось бы знать еще, как следует составлять свой словарь, на что обращать больше внимания, что представляет наибольшую ценность».

Прежде всего следует заметить, что все наблюдения над живой народной речью чрезвычайно интересны. Подмеченные слухом,

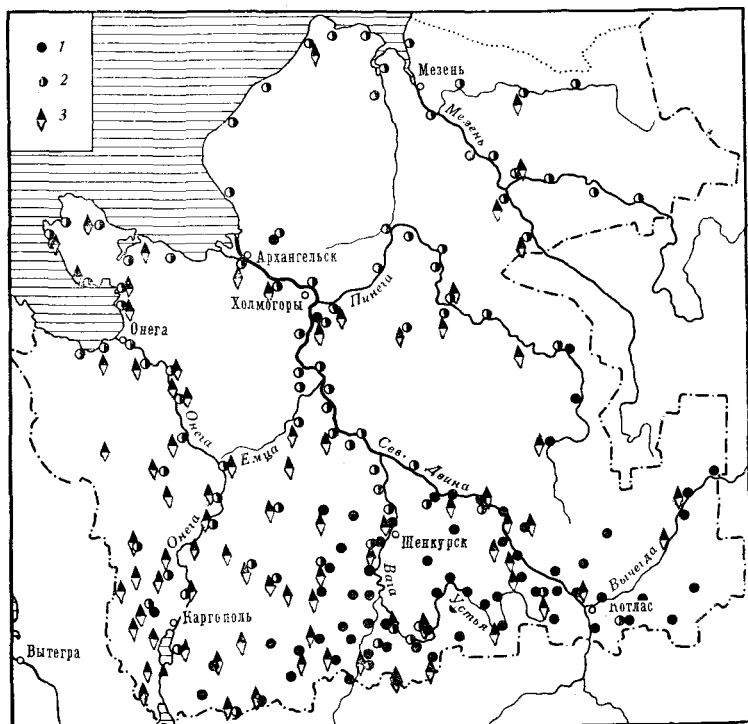
чутким к языку, особенности областных русских говоров в записях местных жителей всегда служили важным источником науки о русском языке.

О чем могут рассказать нам местные слова?

Слово *упряжка* было отмечено в Вытегорском и некоторых других уездах бывшей Олонецкой губернии еще в прошлом веке. Составитель «Словаря областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении» (СПб., 1898) Г. И. Куликовский определил *упряжку* как «часть рабочего дня от одной еды до другой, напр. от завтрака до обеда и т. д. В шутку тем же именем зовут праздничные обеды, когда, посещая родных и знакомых, гости то и дело садятся за стол; отказать гостеприимному, приветливому хозяину считается неудобным; гость садится и по мере сил ест, затем идет в другой дом, там повторяется то же самое и т. д. *У миня, слава богу, на одну упряжку осталось работы!* „Спасибо, Ивановна, угощай других, а нам уж это седьмая упряжка!“ — Полно, Ларионыч, не гневи ты хозяина, поешь да выплнешься, такой же будешь!». В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» (т. IV, 1882) отмечал в архангельских говорах: *упряг* — ‘рабочий úповод, срок от роздыха, до роздыха’; в новгородских и тверских говорах: *упряжка* — ‘срок, время, сколько лошадь ходит за один раз в сохе, или также//пространство, полоса, сколько пахут не кормя и без отдыха на одной и той же лошади; отсюда это и вообще//треть рабочего дня’. Так было в прошлом веке.

Коренные перемены в жизни современной деревни, в частности, механизация основных сельскохозяйственных работ, самым непосредственным образом отражаются в языке, всегда тесно связанном с жизнью народа. Нетрудно заметить, что забываются названия вышедших из употребления орудий труда (например, сохи и ее частей), термины подсечного земледелия, распространенного на русском Севере еще в XIX веке. Иные слова, как можно судить по примеру с вытегорской *упряжкой*, хотя и продолжают жить в диалектной речи, меняют свои значения.

Конечно, возможности для переносного употребления слова существовали и прежде, что видно из примеров, приведенных Г. И. Куликовским. Однако, *упряжка*, обозначая теперь, по свидетельству В. П. Фирсова, промежуток времени весьма неопределенный, не только изменило свое значение, но и утратило живую внутреннюю форму, стало словом немотивированным, непоэтичным «с первого взгляда». А между тем его происхождение довольно прозрачно, и при этом оно прекрасно иллюстрирует закономерности народного словотворчества. Возникновение многих слов-терминов, применявшихся для измерения пространства и времени, свя-

Распространение слов *уповод* (*уповодок*), *упряг*, *упряжка* в говорах Архангельской области:

1 — *уповод*, *уповодок*; 2 — *упряг*; 3 — *упряжка*

зано с потребностями трудового процесса. Точно так же, как *упряг* (и производное *упряжка*) первоначально — ‘время, которое работали от запрягания лошади в соху до распрягания на отдых’, известная старинная мера длины *верста* первоначально — ‘длина борозды от конца поля до поворота той же сохи на другом конце поля’, то есть ‘расстояние от поворота до поворота сохи (плуга)’. Само слово *верста* и происходит от корня, представленного в глаголе *вертеть* (об этом и других народных терминах см.: Г. Я. Романова. Наименование мер длины в русском языке. М., 1975).

Традиционные народные термины *упряг* и *упряжка* не одиноки в русском языке. Ту же самую или очень близкую смысловую модель представляет целый ряд диалектных наименований, исполь-

зуемых для измерения времени. Так, в цитированной уже словарной статье В. И. Даль сопоставляет со словами *упряг* и *упряжка* владимирское *упрѣг*, северное и восточное *уповод*.

Слово *упрѣг* связано по происхождению с тем же корнем, что и *упряг* (*упряжка*): *-пруг-/пряг-* закономерно чередуются. Как 'премежуток времени, срок' *упруг* толкуется в «Донском словаре» А. В. Миртова (Ростов-на-Дону, 1929) — значение уже изменившееся, не связанное непосредственно с обозначением периода работы «от запрягания лошади до распрягания». Однако, у М. Шолохова в «Поднятой целине» это слово употреблено в своем первоначальном значении, им назван именно отрезок трудового дня: «В первом упруге до завтрака Давыдов вспахал около четверти десятины». Значение 'период времени, состоящий из нескольких часов с.-х. работы без перерыва' и многочисленные сочетания (вечерний упруг, обеденный упруг и др.) отмечены в вышедшем недавно Словаре русских донских говоров (т. III. Ростов-на-Дону, 1976).

В слове *уповод* находим ту же приставку *у-* и корень *-повод-* (ср. *поводья*). П. И. Мельников (Андрей Печерский) в романе «В лесах» так объяснял значение слова *уповодок* (уменьшительное к *уповод*): «В деревнях простой народ часов не знает, считает время по „уповодкам“. *Уповодок* — собственно время работы за один прием: от еды до еды, от роздыха до роздыха. Зимой во dniu три уповодка, летом четыре».

В различных русских диалектах известны формы: *упряжка*, *упряжа*, *упрѣжка*, *впряжка*, *запрѣжка* и *пряжка*; *упрѣг* и *упрѣга*; *уповод*, *уповодь*, *уповѣдок*, *уповѣдка*; *упот*, *упѣт* и *пѣвод* (Русская диалектология. Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964). В. И. Даль еще указывает такие два значения для слова *упѣй*: во-первых, 'ремень, которым связаны головки хомутных клешней', во-вторых, 'уповод' — с пометой «пензенское». То есть и здесь часть конской сбруи и период рабочего времени названы одинаково.

Итак, рассматривая данную группу слов со стороны происхождения, мы выясняем закономерную связь традиционной терминологии с важнейшими трудовыми занятиями народа. Наблюдая их современную жизнь в языке, устанавливаем внутриязыковые законы развития словарного состава и обнаруживаем определенную зависимость некоторых языковых изменений от общественно-исторического развития. Но есть еще один интересный и важный в научном отношении аспект изучения диалектизмов — географический. Дело в том, что язык живет и развивается во времени и в пространстве. Положенные на географическую карту, диалектные слова, грамматические формы и особенности произношения могут

многое рассказать нам как об истории самого языка, так и об истории народа, говорящего на нем.

На помещаемой здесь карте, любезно предоставленной нам преподавателем Архангельского педагогического института им. М. В. Ломоносова Л. П. Комягиной, показано распространение слов *уповод*, *уповодок*, (1), *упряг* (2) и *упряжка* (3) в говорах на территории Архангельской области (о Лексическом атласе Архангельской области см. статью Л. П. Комягиной: «Русская речь», 1971, № 3). *Упряг* и *упряжка* связывают эти говоры с русским Северо-Западом, показывая древнейшие потоки заселения русскими Севера из Новгородской земли. *Уповод* (*уповодок*) употребляется в тех районах, которые находились на пути освоения Севера русским населением, пришедшим сюда с Верхней Волги, из Ростово-Суздальских земель.

Очень наглядно на карте представлена одна лингвогеографическая закономерность: как правило, новообразования возникают в центре языковой территории и «затухают» на окраинах, где сохраняются архаизмы. Форма *упряг*, как видим, сохранилась лишь на Крайнем Севере, а в новгородских и других северо-западных говорах (в том числе и в Вытегре) распространена более поздняя, производная от нее — *упряжка*.

В заключение укажем, что методическую помощь всем, кто собирает диалектные слова, оказывает Словарный сектор Института русского языка АН СССР. Его адрес: Ленинград, 199164, Университетская наб., д. 5.

В. Я. Дерягин

● ШЕЛОНИК

В журнале уже рассказывалось о названии *шелоник* (В. Я. Дерягин. Откуда дует ветер? — 1967, № 2; А. И. Попов. Шелонь. — 1973, № 5). Помещаем небольшой материал, посвященный этому юго-западному ветру.

Родина ветра Шелоника — Судомская возвышенность, гора Судома — 'родина', *эстонск.* Там, на высоте двух сотен метров, разлились большие озера. Оттуда, торопясь в материнские воды Шелонь, стекает речка Судома — сестра Шелоника. И сам молодой ветерок, набирая силу, торопится в материнскую долину. Проносится над Вышегородом, над древней порховской крепостью, построенной по указу Александра Невского, над перекатами. Минувя речки Узу и Ситю, за старым городом Сольцы вылетает на широкую воду и достигает озера Ильмень...

У каждого ветра — свой характер: у одного — мягкий и ровный, у другого — порывистый, суровый.

У Шелоника характер не из легких. Вырвавшись из долины Шелони, яростным шквалом налетает он на Ильмень-озеро, сбивая с курса лодки и суда. Всего сорок верст от истока Волхова до Железных Ворот в устье Ловати, а бывает, суда преодолевают эти версты несколько суток. Случалось, по всему озеру разбрасывал Шелоник караваны варяжских «драконов» и новгородских однодеревок, шедшие «из варяг в греки», и не один день приходилось собирать корабли в одно место... Ильмень во время шторма даже таким искусным мореходам, как викинги и новгородцы, казался морем, а Шелоник — юго-западный ветер, дувший с суши, — соленым морским ветром.

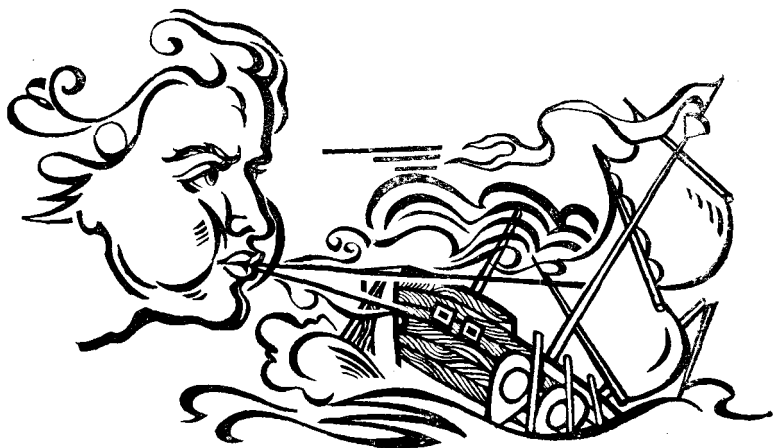
Он действительно соленый. Его мать-река в своем нижнем течении пробила когда-то русло сквозь пласты соли, и вода ее приобрела солоноватый привкус. За это люди и назвали реку Солона или Солонь. На берегу открыли они соляные промыслы, около которых возникло селение Сольцы. И он, юго-западный ветер, сын Солони, когда-то назывался Солоником, но люди новгородско-псковской земли перепутали звуки *с* и *ш*, река стала Шелонью, а ветер — Шелоником.

Это название — как легкое прикосновение ласковой руки. Но, сменив имя, Шелоник не изменил своего характера. Пришняя эстафету ветров, он гнал на Ильмень и Новгород грозу, что шла с Балтийского моря, а зимой поднимал метели, срывал солому с крыш и сердито завывал в трубах.

Но люди нечасто ворчат на ветер: они любят сильных работников. Шелоник помогал им молоть зерно, надувал паруса кораблей, пригонял тучи, чтобы полить посевы.

А еще он предупреждал новгородцев о нашествии врагов. Тогда, на вершину горы Судомы, где любил отдыхать Шелоник, часто долетали порывы других ветров — Литовца и Ливонца. Они доносили тревожный перезвон колоколов — псковский набат. И тогда, неслышно скользя с горы, знакомым путем, на ходу предупреждая жителей шелонской долины, ветер спешил к Новгороду. Услышав в его порывах гул колоколов, новгородцы знали: враги напали на Русскую землю. Псков просит помощи...

Новгородская вольница любила соленый ветер, потому что ветры — постоянные спутники беспокойных людей. Сильный Шелоник перелетал озеро Ильмень и мчался дальше — за бескрайние леса, в земли саамов и зырян, к далекому Студеному морю. И, слушая зов ветра, собирались в путь новгородские ушкуйники. Шли глухими лесами, плыли по большим и малым рекам, селились рядом с местными народами, рубили избы, выжигали под пашню лес...

Многие добирались до самого Студеного моря, оседали на реке Мезени...

Далеко — за сотни и тысячи верст — на юго-западе осталась родина. Оглядывались назад первопроходцы русского Севера, подставляли лицо ветру: то была восточка с Ильменя, их Шелоник.

Может быть, Шелоник и не долетел до Студеного моря — путь далек, необозримые леса замедляют полет, — может быть, его сменил другой ветер? Может быть. Но разве можно человеку без ветра с родины? Триста пятьдесят пять лет тому назад английский ученый Ричард Джеймс, побывавший на Северной Двине, сообщал: у русских поморов всего восемь обозначений ветров, и одно из них — *Шелоник*. Так называли северяне юго-западный ветер.

В то время, после сибирских походов казака Ермака Тимофеевича, двинулись за Камень (за Урал) охотники, беглые крепостные, служилые люди со всей Руси. Были в этих небольших партиях и повгородцы, и поморы. Наверно, другие ветры провожали их в пути, на этот раз — западные.

На Колыме, в устье Индигирки, двести пятьдесят лет назад появились русские поселения. Основали их землепроходцы Сибири. Они женились на якутках и юагирках, жили в разноязычном окружении. И тем не менее их потомки сохранили русские обычаи, русскую речь. Откуда же были родом эти землепроходцы? Ученые выяснили: с русского Севера. Их потомки пользуются языком XVII века, в котором много особенностей севернорусской речи. И среди этих особенностей — название юго-западного ветра *Шелоник*!

Говорят, и на Байкале от истоков Ангары «дует Шелоник». Значит, и там побывали потомки древних новгородцев.

Далеко от родной Судомы объявился живучий ветер! Видно, крепко помнили первопроходцы свою родину — новгородскую или архангельскую, — если даже ветер новых земель называли *Шелоником*.

С. Е. Мельников

Рисунок В. Толстоногова

● ЗАСТОЛЬЕ

Н. Ф. Зворыкина из Ленинграда спрашивает: «Есть ли такое русское слово *застолье* (под таким названием есть ресторан в Ленинграде)? Когда оно появилось в русском языке?».

Слово *застолье* существует в русском языке уже много веков. В значении «обеденный стол во время пиршества, а также сидящие за этим столом» оно встречается в дипломатических документах XVI века: «И жаловаль князь Иванъ Роговского, изъ застолья къ собѣ призываль и съ нимъ говорилъ, про Юрья спрашиваль, про потѣху, а ему ѣсти и пити подаваль» (Картотека Словаря русского языка XI—XVII вв.). Если мы заглянем в Словарь В. И. Даля, то встретим в нем *застолье* только в таком значении: «Мѣсто за обѣденнымъ столомъ». *Гости сидѣли по застолью*. В Словаре русского языка, составленном 2-м отделением императорской Академии наук (СПб., 1903), кроме уже указанных значений, отмечается еще одно: «сидѣніе, препровожденіе времени за угощеніемъ, за столомъ». *Застолье у ихъ теперь идетъ, не подходи к нему с дѣломъ*.

О широком распространении *застолье* в нашем языке можно судить по материалам «Словаря русских народных говоров» (Л., 1976). Слово встречается в Архангельской, Вологодской, Калужской, Костромской, Московской, Пермской, Иркутской и других областях. В Словаре зафиксированы семь значений *застолье*: «Стол, за которым сидят гости во время пиршества, поминок и т. д.» *Гости размещаются за застольями*; «Место вокруг (обеденного, праздничного и т. п.) стола». *По застолью гости ходят, Весело гуторят* (песня); «Люди, сидящие за одним столом во время обеда, ужина, пиршества и т. п.». *Семь человек усядутся, дак застолье будет порядочное*; «Завтрак, обед или ужин»; «Времяпровождение за столом, с угощением, беседой». *В застолье скажешь, что знаешь*; «Свадебный стол, обед; гулянье»; «Стойка, прилавок в кабаке». *Лежит у застолья пьяница, с похмелья мается*.

Иллюстративный материал, приводимый в словарях, характеризует сферу преимущественного употребления слова: фольклор, народные говоры. Именно этим объясняется отсутствие *застолье* в словарях современного русского литературного языка, составленных в 30-е—60-е годы (Словарь Д. Н. Ушакова; Словарь русского языка в 4-х томах; 17-томный Словарь). Составители данных словарей, включая в них общеупотребительную лексику и фразеологию современного русского литературного языка, справедливо относили данное слово к числу малоупотребительных, хотя и представленных в текстах художественной и публицистической литературы.

В последнее время слово *застолье* нередко употребляется в литературном языке. В современных текстах оно используется для придания речи определенной непринужденности: «— За процветание всех наук и ремесел! — провозгласил гражданин. Но мало кто его поддержал, и уже дробилось застолье по интересам» («Крокодил», 1976, № 19). Порой слово используется в литературе для обозначения времяпровождения за столом с угощением, беседой: «Вновь прибывшие уже выпили несколько штрафных стаканов, и по правилам застолья я должен предложить тост за

соседей» («Аврора», 1976, № 4); «Если бы любители этакой „винной“ старины всерьез покопались бы в старых книгах и документах, то выяснили бы они интереснейшее обстоятельство: не было в русском застолье пьяных обычаев» (М. Ходаков. Как не надо себя вести).

Начиная с 9-го издания (1972), *застолье* входит в Словарь русского языка С. И. Ожегова: '*застолье*, -лья, ср. (разг.). Праздничный стол, угощение, а также сидящие за праздничным столом'. Стилистическая помета *разговорное* указывает на то, что слово свойственно обиходной, разговорной речи.

По своей словообразовательной структуре *застолье* относится к группе существительных с префиксом *за* и суффиксом *-ья*, которые обозначают место, пространство, находящееся позади, по ту сторону того, что названо мотивирующим словом: *заплечье*, *запьястье*, *залесье*, *загорье*, *заречье*, *Заволжье*, *Зауралье*, *Закарпатье*.

В. А. Пыхов

Рисунок В. Толстоногова

● ЦЕЛОВАЛЬНИК

В произведениях, повествующих о далеком прошлом нашей родины, нередко встречаются слова, значение которых не совсем ясно читателю, не обладающему специальной филологической или исторической подготовкой. К числу таких слов относится *целовальник*. С просьбой рассказать об этом слове к нам обратилась читательница Ф. А. Марголис (Москва), встретившая его в рассказе И. С. Тургенева «Певцы».

Вспомним историю. После крещения Руси для наших предков высшим символом верности данному слову, присяге было целование креста или, реже, икон: «Изяславъ же Д[а]в[ы]д[о]в[и]чъ ѡха в борзѣ. ѡцловаль бо бяше хр[ъ]сть оу с[в]ят[о]го Сп[а]са съ братомъ с Володимиромъ. къ Игореви. и къ братоу. его С[в]ятославу еп[и]с[ко]пъ же Черниговский Онофрий прозвиреромъ своимъ реч[е]. аще кто сего кр[ъ]стью ѡцлованна състоупитъ, а проклятъ боудеть» (Ипатьевская летопись, 1425 г.).

Целовальная клятва (иначе — присяга на кресте, крестное целование) со временем стала обязательной для лиц посадского или уездного населения, занимающих ту или иную низшую выборную должность в административно-хозяйственном аппарате государства. Этих людей, обязанностью которых было «управа чинити и наши (государевы) доходы сбирати», и стали называть *целовальни-*

ками. Слово *целовальник*, отмеченное впервые в Судебнике 1497 года Ивана III, образовано, по-видимому, присоединением суффикса действующего лица *-ик* к основе прилагательного *целовальный*. Возможно и другое объяснение: это слово могло быть образовано непосредственно от основы прошедшего времени глагола *целовати* присоединением суффикса *-льник*.

Целовальники выполняли самые разнообразные хозяйственно-финансовые и судебно-административные функции: были целовальники тюремные, таможенные, ларешные, лесные, тягловые и т. п.: «да и впередь бы есте тому новому губному цѣловальнику давали подмогу» (Акты Исторические, 1565 г.); «велѣли ...таможенные избы ларешному цѣловальнику Савину Ильичу ѣхати изъ Астрахани» (там же, 1646 г.); «а прежд де сего конские и табашные целовальники по уездам не езживали» (грамота 1728 г.). С введением Иваном Грозным царской монополии на продажу хмельных напитков появились целовальники и в питейных заведениях — кабаках: «и по се время тотъ кабакъ стоитъ и питье цѣловальники продають» (Акты Холмогорской и Устюжской епархий, 1689 г.).

С развитием государственного аппарата в результате административных реформ Петра I число целовальников значительно сократилось, а их функции были переданы государевым людям; в начале XVIII века кабацких целовальников стали именовать кабацкими бурмистрами. Однако имя *целовальник* в языке сохранялось довольно долго: еще в XIX веке, как отмечается в Словаре В. И. Даля, в костромских говорах *целовальниками* называли церковных старост, а в тульских — объездчиков, сторожей лесов и полей. Очень долго называли целовальниками и продавцов в винных лавках: «Отворяй-ка ворота, пропускай-ка чумака изъ кабака, цѣловальничка! Цѣловальникъ молодой продаетъ вино съ водою» (Великорусские народные песни. Т. II. СПб., 1896).

В современном русском языке *целовальник* принадлежит к числу тех слов, которые в лингвистике принято называть историзмами, то есть словами, обозначающими утраченные ныне реалии. Это слово, как и многие другие историзмы, нередко используется писателями в исторических произведениях для создания определенного языкового колорита: «Государевых людей ныне развелось: — плюнь, и там дьяк, али подъячий, али целовальник сидит, шлет...» (А. Н. Толстой. Петр Первый).

В. Н. Белоусов

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Рукописи для публикации в журнале должны быть представлены в двух экземплярах, напечатанных на машинке через два интервала, и подписаны автором.

После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, домашний адрес и телефон.

Объем статьи не должен превышать 8—10 страниц машинописи. Все цитаты должны быть тщательно выверены автором по источникам; ссылки даются в тексте, а не в подстрочных примечаниях.

Редакция просит сообщать пожелания по графическому оформлению статьи, присылать иллюстрации или указывать источники, где можно их найти.

Материалы, не принятые к печати, редакция не возвращает.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. БОРКОВСКИЙ (главный редактор), **Г. П. БЕРДНИКОВ**,
Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ, **В. П. ВОМПЕРСКИЙ**, **К. В. ГОРШКОВА**,
В. П. ДАНИЛЕНКО, **В. Я. ДЕРЯГИН**, **И. Г. ДОБРОДОМОВ**,
Л. П. ЖУКОВСКАЯ, **Л. М. ЛЕОНОВ**, **А. И. ОВЧАРЕНКО**,
И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), **Л. И. СКВОРЦОВ**
(зам. главного редактора), **Ю. С. СОРОКИН**, **Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ**,
Ф. П. ФИЛИН, **О. А. ХАМИЦАЕВА** (ответственный секретарь)

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волхонка, 18/2
Телефон: 202-65-25

Зав. редакцией *Т. С. Колмакова*
Художественный редактор *Т. А. Михайлова*
Корректоры *В. В. Беляев*, *Г. Н. Шамина*

Сдано в набор 13/VI-1977 г. Подписано к печати 23/VIII-1977 г. Т-10286.
Тираж 59600. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Усл. печ. л. 8,4. Бум. л. 2,5.
Уч.-изд. л. 9,7. Заказ 2446.

2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10